

JED
MCKENNA

SPiritUAL
ENLIGHTENMENT
THE DAMNEDEST THING

Book One

THE ENLIGHTENMENT TRILOGY

Includes Bonus Material
Copyrighted Material

Jed McKenna

**SPIRITUAL
ENLIGHTENMENT**
THE DAMNEDEST THING

Wisefool Press
2011

<http://wisefoolpress.com/dreamstate/>

Джед МакКенна

**ДУХОВНОЕ
ПРОСВЕТЛЕНИЕ**

ПРЕСКВЕРНАЯ ШТУКА

Самоиздат
2016

<http://jmunpublished.wordpress.com/>

*Посвящается Лулу,
с любовью*

Vitam impendere vero.
Отдать жизнь за истину.
Ювенал

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. То, что не может быть проще.....	7
2. Парадокс.....	12
3. Высокие идеи.....	23
4. Безмятежные и независимые.....	36
5. Готов	37
6. Это все волшебная страна Оз, малыш.....	47
7. Не святой и не мудрец.....	58
8. Мне нет дела до сердца.....	66
9. Участвуя в игре и не участвуя.....	80
10. Зачем болтать об иллюзии и просветлении?.....	81
11. Убить Будду.....	87
12. Истина одна.....	104
13. Я достигну высшей истины.....	105
14. Очищающий огонь.....	117
15. Это же не Платон, верно?.....	118
16. Гармония сфер.....	127
17. Вы бы меня убили?.....	135
18. Открытое небо.....	146
19. Мой знак — не иметь и не давать знаков.....	147
20. Прямо здесь, прямо сейчас.....	160
21. Пасупатастра!	169
22. Разговор об истине в царстве сновидения.....	170
23. Неслабая подача у этого ламы.....	185
24. Я сделал то, зачем пришел.....	186
25. Неужоженный меч.....	192

26. Золотое правило.....	193
27. Думал ли кто, что родиться на свет — это счастье?.....	204
28. Простые человеческие радости.....	205
29. Слои.....	218
30. Сияет даже самый невезучий бедолага.....	232
31. Песня о себе.....	241
32. Кто его осудит?.....	249
33. Не-я — это истинное я.....	259
34. Смысл катания на карусели — в катании на карусели...260	
35. Палата воспаленных умов.....	276
36. Я не ем человеческие глаза.....	277
37. Почему бы и нет?.....	291
Эпилог.....	293

1

ТО, ЧТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ

*Побудь этот день и эту ночь со мною,
и у тебя будет источник всех поэм.*

Уолт Уитмен¹

Она только что закончила перечислять множество аспектов своего духовного путешествия и теперь смотрит на меня в ожидании ответа, надеясь на одобрение, а может, и похвалу. По правде говоря, я не нахожу удовольствия в том, чтобы разбивать надежды симпатичных юных девушек, но такова уж моя задача. Я просветленный.

— Итак, почему ты занимаешься всеми этими вещами, — загибаю я пальцы, считая их, — медитацией, молитвами, пением мантр, йогой, вегетарианством, посещением даршанов и сатсангов с осознанными существами, жертвованиями в «Гринпис», «Международную амнистию» и «Свободный Тибет», чтением классической духовной литературы, самоочищением, воздержанием от секса и так далее? Из каких соображений ты всем этим занимаешься?

¹ Здесь и далее стихи Уитмена в переводе К. И. Чуковского. — Прим. перев.

Она молча глазеет на меня, будто ответ слишком очевиден, чтобы его формулировать, но его необходимо сформулировать. Я хочу услышать этот ответ прямо сейчас, чтобы его можно было исследовать и потыкать в него заостренным прутиком наших мозгов.

— Ну, эт самое, — начинает она, все еще не вполне веря, что я действительно хочу услышать что-то настолько очевидное. — Духовный рост, наверное. Я хочу стать, эт самое, ну, лучше как человек и уметь любить более глубоко и, эт самое, усилить мои вибрационные... эти самые.

Я цепляюсь за каждое слово.

— Твои вибрационные что?

— Ну, частоты? Я хочу, эт самое, поднять свой уровень сознания, усилить связь с этим самым, своим внутренним я, более высоким я. Хочу открыться божественной энергии, которая, эт самое, везде.

— А, хорошо. Зачем?

— Чё?

— Зачем?

— Что зачем?

— Зачем все, что ты только что сказала? Зачем тебе хотеть поднимать свои уровни, усиливать связь, открываться и все такое?

— Ну, эт самое... духовное, ну, просветление.

Ага-а-а...

— Вэтом, значит, дело? Хочешь быть просветленной?

Она смотрит на меня, словно я задал какой-то каверзный вопрос, но он не каверзный — это самый главный вопрос. Чем ты занимаешься? Зачем ты этим занимаешься? Куда все это ведет? Кто знает, тот преуспееет. Кто не знает — нет. Это не пустые слова, это закон.

— Ага, наверное.

Я ободряюще улыбаюсь.

— Хорошо. Итак, ты занимаешься всеми этими вещами, чтобы стать просветленной — достичь

духовного просветления. Я правильно выразился?

Пауза.

— Ага... наверное.

— Хорошо, давай уделим этому пару минут и посмотрим, нельзя ли сформулировать это поконкретнее. Как ты думаешь, что такое духовное просветление?

Она снова делает большие глаза, но теперь в ее взгляде сквозит уже чуть больше замешательства. Минуту назад было совершенно ясно, что тут и спрашивать нечего. А теперь все стало не так однозначно.

— Ну, типа Бог... Божественный разум, ну, эт самое, сознание единства?

Вот так всегда с новенькими. Они ведут себя как ученики, я как наставник. Я не вполне уверен, зачем они приходят и когда уйдут. Весь процесс состоит в равной степени из удовлетворения и разочарования. Я говорю, они слушают. Они спрашивают, я отвечаю. Я говорю, они... Кто их знает? Они что-то.

То, как мои слова воспринимаются или что станет с ними после того, как они сорвутся с моих уст, — мне неподвластно. Я говорю, вот и все. Слова текут, словно песня, и утешают меня. Вот чем занят я. Кивать и сохранять на лице выражение интереса и внимания — ее дело. Я увлечен самим говорением — моими словами и стоящими за ними идеями. Хотелось бы верить, что мои слова щелкают в ее уме, словно костяшки на счетах, но я знаю, что это не так и меня это не беспокоит. «Действуй, оставив привязанность к плодам действий», — сказал Кришна Арджуне. Подписываюсь под этими словами.

— Это очень просто, — говорю я ей. — Просветление — это осознание истины. Истина не то чтобы проста, истина — это то, что не может быть проще, ее нельзя еще больше упростить.

По выражению ее лица я понимаю, что мы никуда не продвинулись. Мой недочет. Между нами на столе лежит экземпляр «Гиты». Я открываю случайную

страницу с намерением найти самый подходящий к предмету обсуждения отрывок.

Это всегда срабатывает. Меня переполняет благодарность, и я зачитываю ей слова Кришны: «Я Время, продвигаясь, миры разрушаю, для их гибели здесь возрастая; и без тебя погибнут все воины, стоящие друг против друга в обеих ратях»².

Я умолк, и благодарность стеснила мне грудь, пока передо мной открывались смыслы, один за другим. «Чудесно, — думаю я. — Чудесно, чудесно, чудесно».

Юная девушка передо мной кивает, понимая эти слова настолько, насколько способна. Она знает, что они принадлежат Кришне, а обращается он к Арджуне, могучему воину, который выронил оружие, вместо того чтобы дать сигнал к началу битвы, которая наверняка опалит землю и обратит его собственную семью в прах. Она знает, что Кришна открывает Арджуне истину о том, как устроен мир, и еще она знает, что когда этот разговор — Бхагавадгита — закончится, заблуждение Арджуны будет развеяно и он начнет битву.

Однако ее понимание, возможно, этим и ограничивается. Сомневаюсь, что она отождествляет себя с Арджуной, который обездвижен замешательством в начале «Гиты». Сомневаюсь, что для нее просветление равно непосредственному переживанию реальности в ее бесконечных формах. Сомневаюсь в ее понимании того, что скоро в ее собственной жизни разразится война и сейчас она в одном шаге от того, чтобы дать сигнал, который раздует пламя и испепелит ее мир. Я смотрю на юную девушку и знаю, что она понятия не имеет, куда на самом деле ведет этот путь.

Я улыбаюсь.

— Сознание единства — это прекрасно, — говорю я, и напряжение в ее взгляде сходит на нет. — Мистическое единение, быть единой со вселенной, непосредственное

² Здесь в переводе Б. Л. Смирнова. — Прим. перев.

переживание бесконечного. Блаженство, экстаз — привкус рая. Вне времени, вне пространства, там, где слова бессильны что-либо описать. Покой, превосходящий любое понимание.

— Ого, — говорит она, и это уместное замечание. Ее зовут Сара. Она молода, ей чуть больше двадцати, и я только что нажал на все кнопки ее духовности. Будь я гуру, это была бы моя работа на полную ставку. Я мысленно ежусь.

— Ага, — хватается она за сказанное, — это в точности...

— Но это не просветление.

— Да ну.

— Просветление — это не когда ты идешь туда, а когда то приходит сюда. Это не место, которое ты посещаешь, а потом с тоской вспоминаешь и куда пытаешься вернуться. Это не поход в гости к истине, это пробуждение истины в тебе. Это не мимолетное состояние сознания, это постоянное осознание истины — пребывание в недвойственном сознании. Это не какое-то место, куда ты идешь, это место, откуда ты пришла сюда. Например, сам я просветлен, прямо здесь, прямо сейчас. Я свободен от заблуждений и не связан эго, и хотя мне не раз везло пережить мистическое единство, сейчас я не в этом состоянии и не планирую в него возвращаться. Никто не остается в состоянии постоянно-го блаженства, Сара, это просто ловкий маркетинговый ход.

— Ух ты, — говорит она, справляясь с волнением.

— Все, что я пытаюсь сделать, Сара, — это вернуть тебя на исходную позицию. Ты взяла курс — как и все прочие — в одну сторону, а просветление лежит в другой. Что тебе нужно сделать — так это понять, чего ты на самом деле хочешь. Хочешь ли ты посвятить свою жизнь погоне за переживанием мистического сознания? Или ты хочешь пробудиться к истине самой себя?

Она недолго размышляет об этом, а затем производит

на меня впечатление своим ответом.

— Наверное, разумнее первым делом разобраться, что истинно, а иначе зачем все это? — говорит она. — Первым делом самое важное, верно? Я имею в виду, разобравшись в том, что истинно, я же все еще могу пытаться достичь сознания единства, верно?

— Ого, — смеюсь я одобрительно, — хороший ответ. Да, разберись, что истинно, а потом можешь делать, что пожелаешь.

Несмотря на хорошие ответы, на самом деле Сара еще не приняла решения, как она полагает. Никто не делает выбора между осознанием истины и мистическим единением, как между супом и салатом. На самом деле вообще никто не выбирает просветление. Наоборот, человек становится, скорее, его жертвой, как если бы его сбил автобус. Арджуна не просыпался в своей постели в надежде увидеть вселенскую форму Кришны, это был просто еще один трудный день в офисе, когда вдруг вселенная обнажилась перед ним.

Время отправить мяч на половину Сары.

— Итак, ты занимаешься всеми этими духовными штуками, потому что хочешь отправиться в определенном направлении, верно?

Она кивает.

— Ты хочешь развиться духовно, или оказаться ближе к Богу, или отправиться в рай, или стать просветленной, что-то из этих основных направлений?

Она снова кивает и выглядит слегка озадаченной.

— Короче говоря, ты движешься, развиваешься, верно? Ты направляешься в одну сторону подальше от другой?

Еще кивок.

— Это именно то, чем заняты все, в более широком смысле, не так ли? Двигутся к чему-то прочь от чего-то еще?

Еще один осторожный кивок, недоверчивый, словно я готовлю для нее ловушку, что, разумеется, я и делаю.

— Вот что я хотел бы услышать от тебя, Сара: расскажи мне, от чего именно ты движешься прочь и к чему направляешься. Подумай над этим, спешить некуда. Отнесись к этому так, будто ты формулируешь свою собственную задачу с помощью этих двух элементов — к чему ты движешься и от чего. Хорошо?

Похоже, эта идея приводит ее в панику.

— Эй, — успокаиваю ее я, — да брось, тебе не о чем беспокоиться. Все, что надо сделать, — это ближе взглянуть на то, куда ты идешь и что получишь от этого. Это не высшая математика. Просто распиши свой план полета в самых оптимальных выражениях. Звучит не так уж трудно, верно?

— Наверное, нет.

— Это не гонка, это просто жизнь. Нет финишной линии, нет победителей и побежденных. Поразмышляй и над этим. Здесь все взаимосвязано. Приходи через несколько дней, расскажешь, что надумала.

Сара пребывает в плену той же ложной идеи, что и все остальные люди. В самом широком смысле, она верит, что что-то идет не так и что она может исправить это. Представление о том, что такое это что-то, что с ним не так и как это можно исправить, у каждого человека свое, но в общем схема всегда одна. Истина, однако, в том, что ничто никогда не бывает неправильным. Ничто никогда не бывает неправильным и никогда не может быть неправильным. Нет ничего неправильного даже в вере, что что-то неправильно. Неправильность попросту невозможна. Как писал Александр Поуп: «Поистине все хорошо, что есть». Неправильность в глазах смотрящего, а не где-то еще.

Тем не менее, способность воспринимать неправильное крайне важна для приведения в движение человеческой драмы, как и иллюзия отделенности и уверенность в обладании свободной волей. Для драмы нужен конфликт. Нет конфликта — нет драмы. Если что-то не является неправильным, то ничего не нужно

исправлять, то есть ничего не нужно делать. Не нужно ни оценивать масштаб высот, ни мерить лотом глубины. Не нужно стяжать богатство и власть. Не нужно плодить будущие поколения. Не нужно ни создавать произведения искусства, ни воздвигать небоскребы. Не нужно сражаться в битвах. Не нужно изобретать философии и религии. Не нужно чистить зубы ниткой.

— Вера в то, что что-то неправильно, — это горячая сковорода под задницей человечества, — так я объясняю это Саре.

Разумеется, неправильность не является чем-то полностью воображаемым. Некоторые представления о правильном и неправильном заданы в человеческой машине на биологическом уровне. Голодать неправильно, есть — правильно; воздерживаться от секса неправильно, сеять семя правильно; испытывать боль неправильно, получать удовольствие правильно, и так далее. Но все это биологические директивы, имеющие силу только в контексте физического организма, нарушение которых приводит к постепенному усилению дискомфорта и, возможно, смерти.

Где же тогда укрыться неправильности вне нашего физического организма? Очевидный ответ — нигде. Но если для того, чтобы все это существование оставалось интересным, нужен драматический элемент, то в структуру необходимо добавить искусственный элемент — страх.

Страх в самой сердцевине. Страх черной дыры внутри. Страх небытия.

Страх не-я.

Страх не-я — это прародитель всех страхов, от которого берут начало все остальные страхи. Нет такого маленького или большого страха, в самом сердце которого не гнезвился бы страх не-я. Все страхи — это в конечном счете страх не-я.

— И что же тогда просветление, — спрашиваю я Сару, — если не лебедь, ныряющий в бездну не-я?

Она не отвечает.

Страх, независимо от того, какую личину он надевает, — это движущая сила людей как особей и человечества как вида. Проще говоря, люди — это создания на основе страха. И хотелось бы сказать, что рациональности и эмоциональности в нас поровну, а левая и правая части мозга сбалансированы, но это неправда. Мы в первую очередь эмоциональные существа, и управляющая нами эмоция — страх.

— Забавно, а? — спрашиваю я Сару, которая к этому времени выглядит так, будто ее подташнивает.

Я прошу учеников определить, к чему они и от чего стремятся, не потому что мне нужны эти подробности или даже не потому что я хочу, чтобы они прояснили это для самих себя. На самом деле я хочу, чтобы они присмотрелись к своему нынешнему направлению, потому что если судьба или провидение поставили их передо мной, чтобы они услышали, что я говорю, то весьма вероятно резкое изменение их курса, которое начинается с критического отношения к нынешнему направлению.

Саре достается облегченная версия монолога о страхе и неправильности, что отчасти в ее интересах, отчасти в моих. Я не знаю, сколько информации она на самом деле восприняла, но ей не повредит это послушать. Мой интерес в том, что высказываясь о предмете, я размышляю о нем. Так я учусь что говорить и как говорить. Я не приобрел Полный Пакет Знаний, заключив сделку о просветлении, так что если я хочу что-то понять, чтобы научить этому других, я должен хорошенько разобраться сам.

— Мне продолжать медитировать? — спрашивает она с каким-то отчаянием, не желая расставаться с чем-то, к чему у нее есть склонность.

— Да конечно, — говорю я, и она испытывает облегчение, услышав это. Просветление не зависит от того, будет она медитировать или нет, будет ли есть

мясо, будет делать пожертвования или воровать их. Впрочем, я знаю, что для одного разговора она уже достаточно выбита из колеи. Цель сегодняшней беседы — приоткрыть для нее новые способы думать о том, что значит просветление. Если я слишком быстро начну развеивать ее предубеждения, она в мгновение ока сбежит обратно в ту индуистско-христианско-буддийско-ню-эйджевскую кашу, из которой вынырнула, чтобы найти дорогу сюда.

Мы сидим на переднем крыльце моего дома посреди бескрайних просторов самого сердца Америки. Впрочем, моим домом он был раньше. Теперь это похоже на проект сельского американского ашрама, который принадлежит каждому, кто принимает участие в его жизни. Раньше я был единственным, кто приводил его в порядок, поддерживал, ремонтировал и делал уборку, а теперь я словно принц во дворце. Я годами не беру в руки молотка и не выношу мусор. Я никогда не принимал решения быть принцем, это просто случилось, когда я отвернулся, и жаловаться на такого рода перемены я не стану.

Сара не слишком выделяется среди людей того рода, что находят свой путь сюда. Ее ум не был чистой страницей, когда она приехала, поэтому первым делом ей нужно избавиться от... да от всего — ее мнений, нравственных убеждений, ее самых лелеемых и глубоко укорененных верований. Иными словами, от ее эго-структуры, ее фальшивого я. Никто не появляется на нашем пороге похожим на пустую чашу, только и ждущую, чтобы ее наполнили знанием, и поскольку то знание, что здесь дается, почти наверняка войдет в острое противоречие с тем знанием, с которым они приходят, то главная задача состоит в том, чтобы подготовить их для этой основной перезаписи.

Сдается, что в любой момент времени число учеников в доме колеблется от пятнадцати до двадцати. Они живут здесь какое-то время, говорят со мной,

работают по хозяйству. Они приходят. Они уходят. Есть еще примерно сотня человек, которые приходят учиться днем, в отличие от проживающих постоянно. Они не живут здесь, они просто приходят, когда могут и когда желают. Они могут приходить и уходить, и я даже могу не знать, что они были здесь. Они возникают, несколько часов ухаживают за растительностью, меняют проводку в подвале, готовят пищу, сооружают пристройки, трепятся друг с другом, что-то красят, роняют подарки, едят, да что угодно. Вот как тут все устроено. Все просто течет само по себе, и всех это, кажется, устраивает.

Стоит прекрасный весенний день, который уже клонится к вечеру. Солнце опускается вниз, и дневной зной смягчается. По траве волнами пробегает легкий ветерок. Время сесть и предаться неге. Я тих, погружен в сладкое совершенство момента и впечатлен, что Сара достаточно разумна, чтобы чувствовать то же самое или, по крайней мере, не портить момент болтовней.

В конце концов время поглощает этот момент, и я с благодарностью наблюдаю, как он уходит. Кто-то из парней высовывается из дома, чтобы известить нас, что для желающих перекусить готова еда. Я слышу ее запах. Снова вегетарианская. Кто-то приносит мне поднос с чашкой риса, гарам-масалой и палочками. Уже по запаху я узнаю, что готовила Соная, а я падаю до этой еды.

Я ем и наблюдаю, как закат светится бóльшим числом оттенков розового, чем кто-либо мог себе представить. Постепенно розовый становятся алым и золотым, облака подчеркивают каждый из полутонов и освещают небо великолепием, обещающим райское блаженство. Думаю, я был бы не против умереть прямо сейчас, вместе с этим днем. Но тут я вспоминаю: мне еще надо написать книгу.

2

ПАРАДОКС

*Тебе никогда не достичь духовного просветления.
Тот ты, о котором ты думаешь как о себе, —
не ты.*

*Тот ты, который думает о тебе как себе, — не ты.
Тебя нет, так кто же тогда
желает стать просветленным?*

*Кто не просветлен?
Кто станет просветленным?
Кто будет просветленным?*

*Просветление — это твоя судьба,
что неизбежной рассвета.
Тебя не может постичь неудача
в достижении просветления.
Тебе говорили иное?
Неодолимая сила принуждает тебя.
Вселенная настаивает.
Не в твоей власти потерпеть неудачу.*

*К просветлению нет пути:
оно везде и всегда.
На пути к просветлению ты с каждым шагом
создаешь и разрушаешь собственный путь.*

*Никто не следует по пути другого.
Никто не сходит с пути.*

*Никто не может вести другого.
Никто не может повернуть обратно.
Никто не может остановиться.
Просветление ближе к тебе, чем твоя кожа,
безотлагательнее, чем твой следующий вдох,
и всегда вне досягаемости.*

*Его не нужно искать, потому что нельзя найти.
Его нельзя найти, потому что нельзя потерять.
Его нельзя потерять, потому что оно
не что иное, как ищущий.*

*Парадокс в том, что нет никакого парадокса.
Разве это не прескверная штука?*

— Джед МакКенна —

ВЫСОКИЕ ИДЕИ

*Я брожу по миру, чтобы встретить
тысячи тысяч своих лиц;
Самая грязная трава
одевается в солнечный свет
моей кожи:
Я стою в этом потоке,
в самом себе, и смеюсь.*

— Руми —

По документам владелец этого дома я. Это величественный и богатый украшенный фермерский дом со множеством комнат, построенный в 1912 году. Ходят истории, что два обеспеченных джентльмена положили глаз на одну и ту же даму, и каждый построил самый лучший дом, что смог. Оба сделали ей предложение, предполагая, что она выберет того, чей дом лучше. В первый раз я услышал эту историю в офисе моего юриста перед самым его закрытием от секретаря, который знал ее досконально. Я с волнением ждал конца истории, чтобы спросить, выиграл ли мой дом. Он выиграл. Проигравший из великодушия сжег свой дом несколько лет спустя.

Отличная история. Если это выдумка или преувеличение, я не желаю об этом знать. Мне она нравится такой, какая есть.

Дом расположен на востоке Айовы, примерно в двадцати милях от Айова-сити и в полутора часах езды от реки Миссисипи. Нам повезло, что эта местность не такая плоская, как обычно в этом штате. У нас есть несколько акров земли, заросшей лесом, и дюжина акров без леса, ручей (река Миннисипи), маленький пруд, и со всех сторон мы окружены землями фермеров. Остров в море кукурузы.

Дом окружен открытыми верандами, изогнутыми карнизами и украшен многочисленными декоративными элементами, для которых я даже не знаю правильных названий. Внутри полно встроенных шкафов с застекленными полками, дубовых полов, потолочных балок и таких искусных ремесленных поделок, каких в наши дни, говорят, уже и не сыщешь. Как бы то ни было, это восхитительный старый дом, подобных которым я не видел за все двенадцать или около того лет в Айове. Я не говорю, что он самый большой или самый лучший или что-то в этом роде, просто он неповторимый и особенный. Что важнее всего, здесь тихо. Ближайшие соседи в миле отсюда, а ближайшая асфальтированная дорога в пяти милях, достаточно далеко, чтобы не видеть ее и не слышать.

Я говорю, что являюсь законным владельцем дома, чтобы подчеркнуть, что я, тем не менее, чувствую себя в этом доме гостем. Королевским гостем, но все-таки гостем. Это дом Сонайи, и он стал им в первый же день, когда она вошла в него. Он пронизан ей сверху донизу. Она заведует приготовлением еды, ремонтом, уборкой и финансами. Она ставит гостей в очередь. Если бы не было Сонайи, это место, вероятно, выродилось бы в кишашую крысами общагу годы назад.

Сейчас утро. Я сижу в комнате с телевизором и смотрю мировые новости. Люблю это занятие. Я больше наблюдатель, чем участник. Как Чэнс Гарднер¹, я люблю

¹ Персонаж из фильма «Будучи там».

смотреть телевидение, фильмы, новостные шоу. Я не занимаю ничью сторону и не забочусь о развязке: это драма, которой я наслаждаюсь. Я не смотрю спортивных передач или мыльных опер, потому что новости по большому счету ничем от них не отличаются: сегодняшние новости — то же комическое фиглярство, что и в мыльных операх.

Входит Мартин и садится в соседнее кресло. Он здесь не за тем, чтобы смотреть новости. В перестроенном подвале есть еще одна комната с телевизором специально для гостей. Моя комната расположена на втором этаже и куда лучше экипирована, чем та внизу. Обе комнаты оборудованы спутниковым ТВ, и комната в подвале меньше похожа на темницу, но моя — спасибо Сонайе — выглядит как один из тех домашних кинотеатров, что устраивают в богатых домах. Здесь всего пара одинаковых глубоких кресел с откидывающейся спинкой и двойные шторы, не пропускающие свет. Кроме телевизора с большим экраном, есть видеомагнитофон, DVD-проигрыватель, игровая консоль, система объемного звучания и всякие дополнительные электронные безделушки. Действительно отличная комната, и без сомнений довольно необычная для сельского дома в Айове.

По здешним правилам, когда дверь открыта, сюда может войти любой желающий и сесть во второе кресло, если оно свободно. Хочется ли мне говорить — это другой вопрос и зависит он в основном от того, хочется ли мне говорить. По телевизору заканчивается интересный новостной сюжет о независимости Тайваня, и я щелкаю новостные каналы в поисках чего-нибудь еще любопытного. В это время дня передают в основном финансовые новости. По правде говоря, мне нет дела до финансовых новостей, да и всех прочих тоже, если только не случится чего-нибудь действительно грандиозного. Ничего грандиозного не происходит. Я проверяю канал погоды в надежде на тайфуны,

торнадо, ураганы или наводнения, но все тихо. Ну и ладно.

— Ты не снял обувь, — говорю я Мартину.

— О боже, — бормочет он и снимает свои сандалии. Он заталкивает обувь под кресло, чтобы ее не увидела Соная, если заглянет, но Соная видит все и Мартин знает об этом. Я, может, и великий просветленный, увидеть которого они сюда приходят, но Соная всевидящая и всезнающая хозяйка усадьбы и даже я в ее присутствии — всего лишь еще один лопухий мальчишка.

Я смотрю телевизор, а Мартин смотрит на меня. Он хочет поговорить. Пожалуй, следует продемонстрировать отрицательную реакцию на все его дипломатичные попытки вовлечь меня в разговор, но по телевизору ничего нет, а Мартин иногда бывает интересен. Я выдаю умеренно раздраженный кивок, и он мирится с этим.

— Я здорово продвинулся с тем заданием, что вы мне дали, — начинает он с воодушевлением. Слово «задание» царапает слух, но на самом деле оно довольно точное, так что я не возражаю.

— Напомни, — говорю я, хотя напоминание мне не требуется. Мартин провел более двадцати лет в рабстве у одного из самых известных на Западе духовных учителей и пришел сюда уже битком набитый псевдоиндуистской галиматьей, злокозненно скрученной в его голове в гордиев узел. Я пытаюсь подтолкнуть его к решению Александра Македонского — разрубить узел одним ударом, вместо того чтобы тратить десятилетия на попытки его распутать, но Мартин медлит расставаться со своей системой верований и с порожденными ей привязанностями.

В нашу прошлую встречу Мартин принес книгу и зачитал мне несколько десятков строф из учения своего бывшего гуру. Разумеется, слова принадлежали незаурядному уму, толкующему извечные тайны, и нетрудно было понять, почему искатели толпами устремляются

к подобному безграничному пониманию, но когда Мартин кончил читать, я уже не мог вспомнить, о чем только что говорилось. Что еще важнее, Мартин тоже не мог, хотя и думал обратное.

Чтобы он сам это понял, я дал Мартину «задание» сократить зачитанный мне отрывок до одной связанной идеи — единственного доходчивого предложения. Идея такого задания пришла ко мне, пока я слушал, как Мартин дрожащим голосом читает запутанные слова своего бывшего гуру. Меня поразила пафосная способность этого мудреца смешивать несколько простых идей таким образом, чтобы они производили впечатление чего-то глубокого, но на самом деле бессодержательного.

В прочитанных Мартином отрывках речь шла о тройственности воспринимающего, акта восприятия и воспринимаемого объекта, о трех гунах индуизма, о пользе умиротворенного ума и о чем-то насчет восходящих уровней сознания — один другого удивительнее. Вероятно, эта тема предназначалась для освещения того, как все перечисленное связывается в единое целое, и именно это заставляло голос Мартина дрожать, но что это за тема я затрудняюсь сказать, поскольку для этого потребовалось бы куда больше внимания, чем я уделил ей на самом деле. Мне было ясно, что Мартин пытается удивить меня своим знакомством с Высокими Идеями. Сдается мне, он думал, что это он учит меня или даже выступает по отношению ко мне как самопровозглашенный посол своего бывшего наставника. Однако, как я уже сказал, я не знаю, потому что упустил суть идеи где-то ближе к началу ее изложения.

Все, что мне на самом деле нужно от ученика в начале разговора — это сигнал, простой приводной маячок. Ученик путешествует оттуда, где он находится в данный момент, в направлении, где достигается состояние недвойственного сознания. С этим путешествием

я могу ему помочь, потому что смотрю сверху и ясно вижу всю территорию. Я всегда знаю, где расположен пункт прибытия, но мне нужен ясный сигнал от ученика, чтобы я увидел его текущее положение. Мне нужно всего лишь зафиксировать его местоположение, и обычно для этого достаточно первых произнесенных им слов или предложений.

Например, я знаю, где находится Мартин, и вижу, что он запутался в кустах ежевики. Возможно, он испытывает желание исчерпывающе подробно описать мне свое положение, но я уже знаю все, что нужно, чтобы вывести его оттуда. Возможно, Мартин хочет провести следующие двадцать лет, изучая местную флору, но я буду подталкивать его к тому, чтобы взять мачете, прорубить себе путь наружу и продолжить свое путешествие.

А сейчас, сидя рядом со мной, Мартин напоминает мне о прочитанных отрывках и моим требованием сократить их до одного предложения. Я киваю и спрашиваю, с чем он пришел. Если уж на то пошло, речь идет не о толковании текста или его ценности, и это небольшое упражнение требуется вовсе не ради того, чтобы он лучше его понял. Скажем, эта ложь нужна была, чтобы подтолкнуть его к самостоятельным размышлениям вместо бессмысленного повторения мудроватых идей и отказа от собственной ответственности в пользу любых внешних по отношению к Мартину авторитетов. Возможно, постепенно Мартину удастся выработать более глубокое понимание знания, которое он вертит на пальце, как воображаемый шестизарядный револьвер, но суть же не в этом.

Ну и, как я уже говорил, Мартин может быть довольно интересным парнем. Ему за сорок, он побывал во многих экзотических местах и занимался множеством интересных вещей. Он очень крупный, почти под два метра ростом и весит где-то 140 кг. Он специалист по кузовному ремонту и неплохой повар, когда

Соная променивает кухню на еду. По происхождению Мартин то ли полностью, то ли отчасти индеец, в колледже играл за Северо-Запад, шесть лет служил десантником и на десять лет отрекался от мирской жизни. В общем-то он производит хорошее впечатление и располагает к себе. С нами он уже несколько месяцев и в основном способен ухватить то, что требуется, и двигаться вперед. За это время я узнал, что он застрял на этой штуке с внешним авторитетом, но я ни разу не тыкал его в это носом. Последнее, чего бы мне хотелось, — это ввязаться в состязание «у кого длиннее» и чье знание круче с его бывшим наставником, обладавшим в отличие от вашего покорного слуги на порядок большим весом в иерархии гуру. Это значит, что если я не буду внимателен, то могу отправить Мартина обратно к парню, которому требуется сотня слов и пятнадцать отсылок к древним текстам на трех языках, чтобы сказать «ну чё, как сам?».

То, что Мартин представил в качестве своего «задания», как стало понятно уже через пару секунд, было ничем иным, как упрощенным пересказом изначального текста. Он объяснял его, но без внесения ясности или сокращения.

— Постой, — говорю я. Он замолкает.

— Ты просто пользуешься другими словами, чтобы сказать то же самое.

— Ну да, — соглашается он, — но я использую меньше слов и применяю больше западных понятий.

Я щелкаю каналы и останавливаюсь, чтобы посмотреть, как Саманта пытается остудить взбешенного Ларри Тейта².

— Почему ты думаешь, что я просил тебя кратко пересказать те отрывки, что ты мне читал, Мартин?

— Я думал, что вы, ну, интересуетесь этим и, может, у вас какие-то проблемы, ну, знаете,

² Персонажи ситкома «Моя жена меня приворожила».

с пониманием, — говорит он.

Разгневанный Ларри ушел, и теперь Саманта звонит д-ру Бомбею — верный признак того, что дело плохо, и, вероятно, как раз из-за Бомбея. Может, он превратил Даррин в лошадь для игры в поло, а она нужна Ларри, чтобы расположить к себе богатого клиента. Д-р Бомбей, тем не менее, не отвечает, потому что он в каком-то экзотическом месте скачет на Даррин ради победы в финальном периоде важного матча. Разумеется, это просто догадка, но быть Даррин нелегко.

— Да, у меня были кое-какие проблемы с этим, Мартин. Точно были. А теперь давай попробуем еще раз. Я бы хотел, чтобы ты свел весь этот запутанный клубок учительских изречений к единственной доходчивой идее. Подведи итог. Руби его, пока не достигнешь сердцевины. Сократи его, как алгебраическое уравнение. Сожги все лишнее и посмотри, что останется.

— Ну, — начинает Мартин, и я уже знаю, что мы бьемся головой о непробиваемое доверие к внешнему авторитету. — Думаю, он имел в виду, что...

Я прерываю его:

— Какое это имеет значение, что он имеет в виду, Мартин?

Он пялится на меня с приоткрытым ртом.

— Это *твоя* голова на плахе, Мартин, это *твои* часы тикают.

Я пробую зайти с другой стороны:

— Как сформулировать твою задачу, Мартин? Что важно? Что ты надеешься сделать со своей жизнью?

— Свобода от оков, — отвечает он без колебаний. — Освобождение. Единство со всем, что есть. Единое сознание.

Я делаю усилие, чтобы не выброститься из окна.

— Хорошо-хорошо, тут целый перечень, или ты считаешь, что все это разные способы сказать одно и то же?

— Ну... Да, — колеблется он, удивляясь, очевидно, не самозванец ли я, — все это разные способы сказать о просветлении.

— Правда? Откуда ты знаешь?

— Ну, я провел больше двадцати пяти лет, занимаясь...

— Чем, Мартин? Ты потратил двадцать пять лет на что?

— На все. На обучение, медитацию, очищение себя. На чтение, посещение лекций, изучение всего, что можно, о духовном развитии...

Мне в голову приходит мысль, что именно к этому привело бы Сару выбранное ей направление. Двадцать пять лет бесплодного поиска, которого можно избежать, единственный раз поговорив начистоту.

— Что если бы ты обнаружил, что все это пустая трата времени? — спрашиваю я его. Он отшатывается, и я чувствую, что он на грани того, чтобы встать и уйти. — погоди минутку, Мартин. Мы просто разговариваем. Предположим, ты обнаружил, что для достижения просветления, о котором ты говоришь, ты должен отбросить все эти наставления, которые ты уже усвоил. Мог бы ты отказаться от всех приобретенных знаний?

— Ну, я на самом деле не думаю...

— Что для тебя важнее? Просветление или знание?

— Я не думаю...

— Как долго уже твой гуру учит?

— Ну, где-то тридцать лет с лишним...

— И сколько его учеников достигли просветления?

— Ну, хм...

— Которых ты знаешь лично?

— Ну, хм, я никогда...

— О которых ты слышал?

— Это не...

— О которых были слухи?

— Я не думаю...

— Чем они занимаются, Мартин? Что за рецепт просветления они предлагают — что это?

— Хм, ну, медитация и знание, в основном...

— И за тридцать лет они ни разу не вывели кого-нибудь вперед и не сказали: «Посмотрите на этого парня! Он просветленный, и это мы его таким сделали!» За тридцать лет ни одного? Не думаешь ли ты, что они должны были бы предъявить уже целую армию просветленных?

— Ну, это не...

— После тридцати лет у них должны быть уже десятки поколений просветленных людей. Даже если бы четверть из них стала наставниками, к этому моменту, математически говоря, не наводнили бы они уже весь мир, как ты думаешь? Я задаю эти вопросы не как учитель, заметь. Я спрашиваю как потребитель или адвокат потребителя. Не думаешь ли ты, что есть смысл поинтересоваться показателем успешности наставника? Ты же веришь моему опыту, верно? Ты же спрашивал их о плодах их учений, когда пришел к ним учиться?

— Ну, так не...

— Не думаешь ли ты, что есть смысл задаться таким вопросом? Они же специализируются на просветлении, не так ли? Или я неправильно тебя понял? Они занимаются чем-нибудь еще?

— Неет, но они...

— Если бы журнал «Отчеты для потребителей» публиковал данные о том, какие духовные организации обеспечивают заявленное качество товара, как ты думаешь, какой статистический показатель был бы первым в качестве меры успеха каждой из организаций? Скажем, вот сотня случайно выбранных людей, которые начали в этой организации пять лет назад и вот где они сейчас. Например, тридцать один получил в организации повышение, двадцать семь продвинулись вперед, тридцать девять все еще пытаются, но без глубокой самоотдачи, а трое вошли в неизменное состояние

недвойственного сознания. Хорошо, пусть три процента — это можно сравнить. Но эта твоя организация получила бы жирный «ноль», не так ли? И не за сотню человек, а за сотни тысяч, возможно, миллионы. Я неправ?

— Ты говоришь так, будто...

— Я знаю как, Мартин, и я знаю, что они отвечают на это. Они говорят, что все получают просветление вместе, не так ли? Они говорят, что прорыв случится одновременно, когда накопится определенная критическая масса, верно?

— Ну, вроде того, ага, но ты говоришь так, будто...

— Почему, как ты думаешь, эта организация еще не погрязла по самые уши в просветленных после тридцати лет? Я бы задумался, почему там не возникла проблема их хранения. Я бы задумался, почему весь мир еще не валит к ним валом. Сколько им требуется времени?

— Точно не известно...

— Нет, Мартин, это точно известно. В том-то и дело. Точнее не может быть. Как такое может быть, что единственный случай просветления за тридцать лет — это тот, с которого все началось? Я знаю, Мартин, что он большая шишка. Мне знакомы эти учения. Я знаю, насколько этот парень широк и всеохватен. Я согласен, что он возвышенное существо, что бы это ни значило. Будь я в его присутствии — пал бы на колени и коснулся его усыпанных лотосами стоп. Он великий, я знаю, но мы говорит не о ком-то, мы говорим о тебе. Мы говорим о том, что ты делаешь... Что? Как бы ты это назвал? Освобождение от оков? Я не вижу в организации этого парня никого, кто освободился бы от оков, Мартин. А ты?

Я жду. Он не отвечает.

— Можешь предложить вариант, как такое возможно?

Мартин молчит. Он явно погружен во внутреннюю

борьбу. Он смотрит на меня, чтобы узнать, что будет дальше.

— Мартин, думаю, я вправе рассматривать возможность, что в той организации есть серьезный изъян. Где-то ближе к самой сердцевине. Думаешь, с моей стороны неразумно говорить такое?

Никакой реакции.

— Как ты думаешь, есть хотя бы смысл задаваться вопросами? По крайней мере, рассмотреть такую возможность?

Он почти незаметно кивает.

— Мое собственное пробуждение заняло меньше двух лет, Мартин. И это без всякого живого наставника, который помогал бы мне. Я никогда не слышал, чтобы это занимало больше времени. Я действительно не понимаю, как процесс может длиться дольше.

Говоря это, я не имею в виду, что процесс занимает два года с момента первого проблеска духовной жажды. Я имею в виду два года с того момента, когда процесс пробуждения действительно начался, — с первого откровения, с первого шага. Напишу это с большой буквы — Первый Шаг. Я знаю, что многие люди по много лет медитируют и занимаются духовными практиками, не достигая полного пробуждения, и мне известно их мнение: они думают, что еще не пересекли финишную черту, но на самом деле причина в том, что они не пересекли даже стартовую — не сделали Первый Шаг.

Я продолжаю:

— Это некий процесс, и для него требуется определенное время. Примерно столько же, сколько для вынашивания слоненка.

Мартин слишком вежлив, чтобы задать очевидный вопрос: сколькими случаями просветления могу похвастать я сам? Ответ такой: в среднем одним или двумя случаями в год с тех пор, как я начал учить, — всего дюжина или около того. На самом деле, разумеется, я не могу ставить их себе в заслугу, но именно ко мне

привела их вселенная на критических этапах их путешествия. Двое из них пытаются говорить и писать на эту тему, но большинство просто учатся жить с этим. Сейчас я вижу еще двоих, кто на подходе, кто сделал Первый Шаг. Стоит сделать Первый Шаг, и остальной путь уже неизбежен, если, конечно, человек не умрет или не получит серьезную травму головы.

— Мартин?

— Да.

— Ты бы согласился с тем, что в учении, которое не дает выпускников, возможно, есть какой-то изъян?

Он колеблется, потом кивает.

— Если так, то это, должно быть, довольно серьезный изъян, а?

Он кивает.

Я киваю.

— Что ж, это интересная возможность. Может, ты подумаешь об этом немного и дашь мне знать, к чему пришел. Хорошо?

Он кивает.

— Мартин?

Он кивает.

— Я уже знаю ответ. Это для тебя, хорошо?

Он кивает.

^ ^ ^

Приверженность любому учению или учителю — любому внешнему авторитету — самый коварный зверь в этих джунглях. Первое, что нам хочется сделать, когда начинается наше путешествие, — это найти дружеское плечо и надежность, присущие организованной группе, и найдя их, мы по сути дела завершаем наше путешествие, даже не начав его. Мартин — совершенно типичный, идеальный пример. Он отправился в путь двадцать лет назад в поисках чего-то высшего, а теперь вынужден встретиться лицом к лицу с фактом,

все его усилия и весь пыл, потраченный на поиск в течение многих лет, не помог ему сделать единственный шаг вперед. Двадцать лет он закапывал себя в нору, а теперь должен выкарабкаться и начать это путешествие.

Чего он почти наверняка не сделает.

Сила нашей преданности учителям и учениям — это отражение не их ценности, а желания эго выжить. Это эго — фальшивое я — превозносит наставников и объявляет учения священными, но нет ничего возвышенного или священного, есть только истинное и неистинное.

Тот, кто знаком с процессом депрограммирования людей с культовым промыванием мозгов, способен будет оценить, сколько усилий требуется на самом деле для освобождения от такого рода привязанности, но в действительности есть только один настоящий культ — Культ Фальшивого Я — и каждый человек — его фанатичный приверженец. Пробуждение — это процесс депрограммирования. Просветление — это состояние незапрограммированности.

Я объясняю все это Мартину в самых мягких выражениях, обращаясь к его разуму, его рассудку и вижу, насколько ему трудно, пока сердце и ум сражаются друг с другом. В моей любимой версии «Махабхараты» Кришна и Арджуна беседуют о сражении, которое вот-вот начнется. Арджуна спрашивает, где произойдет сражение — на поле битвы или в его сердце.

"Я не вижу никакой разницы», — отвечает Кришна.

^ ^ ^

Мне бы не хотелось, чтобы Мартин думал, будто я придираюсь к его группе и гуру в частности. Не вижу никакого резона делать различие между первым и вторым. Есть множество причин, по которым духовной организации не удастся производить просветленных пачками, и не все из них видны отчетливо. Одна очень

уважительная причина, которая неочевидна даже им самим, заключается в том, что члены духовной организации могут быть вполне удовлетворены просто *гонимой* за просветлением. Посвящение своей жизни возвышенным духовным идеалам придает жизни смысл и цель точно так же, как стремление к власти, деньгам или любви. Если над дверью мигает неоновый знак «Бесплатное просветление! Кратчайший и легчайший путь! Единственный истинный путь!», это еще не значит, что происходящее за дверью на самом деле имеет отношение к просветлению или что люди, которые входят туда, хотят именно этого.

Совсем наоборот.

Почти во всех случаях это продаваемое и покупаемое просветление не имеет никакого отношения к осознанию истины и представляет собой настолько охренительно прекрасное состояние сознания, что нужно быть идиотом, чтобы его не захотеть. В действительности оно настолько прекрасно в своем коварстве, что его сияние затмило для бесчисленных миллионов искателей тот факт, что его не существует.

Так что, возможно, бывшая организация Мартина и грешила словоблудием вместо того, чтобы дело делать, но я не думаю, что это был сознательный обман. Полагаю, они искренне убеждены в том же, в чем убеждают других. В таком случае, едва ли есть что-либо дурное в том, что организация ведет себя как организм, который стремится выжить, приспособиться и вырасти. Возможно, организм стремится к освобождению всех существ или миру во всем мире, или к распространению собственного учения, или просто к собственному возвышению и расширению своей власти. Может, этот просветленный на самой вершине иерархии просто хочет потрахаться, а может, непросветленные парни внизу перехватили у него контроль над организацией. А может, просветленный парень наверху никакой не просветленный, а какой-то еще. Возможно,

он поистине прекрасен, но не пробужден — не осознал истину.

Или, эй, да кто его знает? Возможно, бывшая группа Мартина достигла критической массы и они вот-вот все вместе прорвутся в постоянное сверхсчастье. (Вот те на, а не выставлю ли я сам себя на посмешище, когда постучусь к ним в дверь с вопросом, не поздно ли еще записаться в их группу?!)

Суть в том, что нет на самом деле никакой сути в попытках разобраться во всевозможных причинах, почему искатели не находят искомого. Это просто еще один отвлекающий маневр, в которых нет недостатка. Суть в пробуждении, а не в том, чтобы заработать научную степень в пробуждении. Говоря проще, первоочередная задача, как верно догадалась Сара, — пробуждение, а потом, если кто-то еще хочет освобождать все существа, выступать за мир во всем мире или спасать китов, — прекрасно — пусть будут счастливы существа, счастлив мир, счастливы киты. Но суть дела не меняется:

Ты либо пробужден, либо нет.

4

БЕЗМЯТЕЖНЫЕ И НЕЗАВИСИМЫЕ

*Я думаю, я мог бы жить с животными,
они так безмятежны и независимы,
Я стою и смотрю на них долго-долго.*

*Они не скорбят, не жалуется
на свой злополучный удел,
Они не плачут бессонными ночами
о своих грехах,
Они не изводят меня,
обсуждая свой долг перед богом,
Разочарованных нет между ними,
нет одержимых
бессмысленной страстью к стяжанию,
Никто ни перед кем не преклоняет коленей,
не чтит подобных себе,
тех, что жили за тысячу лет;
И нет между ними почтенных,
и нет на целой земле горемык.*

— Уолт Уитмен —

ГОТОВ

*Слишком долго тебе снились презренные сны,
Я смываю гной с твоих глаз,
Ты должен приучить свои глаза
к ослепительной яркости света
и каждого мгновенья твоей жизни.*

*Слишком долго ты копошился у берега,
робко держась за доску,
Теперь я хочу, чтобы ты был бесстрашным пловцом,
Чтобы ты вынырнул в открытом море,
крича и кивая мне,
и со смехом окунулся опять.*

*Я учитель атлетов.
Если твоя грудь после учения станет шире моей,
ты докажешь, что и моя широка,
И тот докажет, что он усвоил мой стиль борьбы,
кто убьет своего учителя насмерть.*

— Уолт Уитмен —

Последним из недавних гостей дома полного пробуждения достиг Пол. За прошедшие две недели мы даже не поговорили ни разу. Я время от времени видел его выходящим на прогулку или сидящим на одной из садовых скамеек посреди метели. Разумеется, это не единственные его занятия, а только те, о которых мне

известно. Я нечасто спускаюсь на первый этаж, провожу мало время с гостями и уверен, что в доме происходит намного больше того, что мне известно. Однако я бы предположил, что Пол тоже не слишком общителен на этом этапе.

Стояла зима, когда он сообщил мне. Бодрящий вечерний холодок, но без стужи, на земле свежий снег. Это одна из тех ночей, когда в кристально чистом небе высыпают все звезды и даже ветерок стихает в благоговейном трепете. Ночь настолько ясная и тихая, что кажется постановочной. Такой безупречный зимний вечер, какой достался нам, бывает здесь, может, раз или два в год. Поэтому я и вышел, чтобы прогуляться. Пол присоединился ко мне на перекрестке, в паре миль от дома. Я был рад его видеть. Я всегда радуюсь, видя человека, добравшегося туда, где, как я полагаю, находится Пол. Он присоединился ко мне молча, и мы пошли дальше. Прошло минут десять, прежде чем он заговорил.

— Я готов.

Я улыбнулся от теплого чувства, хлынувшего мне в сердце. Это было тепло воспоминаний о том дне, когда я сам пришел к тому же ошеломляющему и невероятному выводу, и обо всех других днях, когда я слышал это от других. Согревающее сердце знание о том месте, куда приводит предпринятое путешествие, и знание о том, что лежит впереди.

Вот так все и происходит, когда попадаешь туда: никаких колоколов и труб, никакого нимба или хора ангелов. Как сказал Лайман Панг, ты «просто обычный человек, который сделал свое дело».

— У меня больше нет вопросов, — сказал Пол. Он не имел в виду, что у него больше нет вопросов ко мне, у него вообще больше нет вопросов, и точка. Вот как происходит, когда попадаешь туда: ты просто готов. Чего он не сказал, хотя и мог, так это что он теперь знает все, что должен знать, — все. Он достиг границ

знания и теперь обладает единственным абсолютным знанием. Он не говорил об этом, потому что это слишком большая штука, чтобы выразить ее в словах, но я знал, что он думает об этом, потому что это истина и она слишком велика, чтобы не думать о ней.

Мы пошли дальше. Почти полная луна изливала свое сияние на свежий снег, и дремлющая земля выглядела так, словно на нее набросили атласное покрывало.

△ △ △

Пол так и не сказал больше ничего, пока мы возвращались домой. Сдается мне, что он «готов», возможно, уже не первую неделю и все это время привыкал к новому и неожиданному состоянию. Так оно и бывает, когда все заканчивается. Даже если тебе тысячу раз говорили, что у знания — у поиска — есть пределы, ты все равно изумлен и ошеломлен, когда достигаешь его. Ты провел несколько лет в сражениях одно изнурительней другого, и никогда, *никогда* не ожидал, что ты когда-нибудь действительно окажешься в этой жизни победителем.

А потом, в один прекрасный день, вот оно. Ничто. Больше никаких врагов, никаких битв. Клинок, который, казалось, прирос к твоей руке, выпадает из нее, стоит только разжать пальцы. Больше не с кем соперничать, ничего не осталось несделанного и никогда не будет ничего, что должно быть сделано.

Но даже тогда скорее всего ты не будешь знать, что ты есть или где ты есть. Все просто закончилось, и это никогда не изменится. В романах свежее обращенные вампиры задаются вопросом, что влечет за собой их новое положение. «Я вампир или просто с прибабачом?» «А что там с чесноком, распятиями, солнечным светом и гробами?» «Я бессмертен? Как проверить?» «Что правда, а что миф?» Может быть и так. Я слышал, дзэн-буддисты говорят, что нужно десять лет, чтобы

привыкнуть к этому, и для них это означает десять лет в самом благоприятном из возможных окружений — в дзэнском монастыре, где все связано с просветлением — ежечасно, ежедневно и так круглый год. А с другой стороны представь, что этот период адаптации проходит в социуме, где духовность обесценена и даже эксперты в духовности суть невольные мастера дезинформации. Это могут быть чертовски своеобразные десять лет.

А что после? Ну, насколько я понял из разговоров с практикующими джняна-йогу (мои извинения всем и каждому, чьи учения я искажаю в этой книге), прошедший этот десятилетний период освоения становится джняни, — тем, кто знает. Полагаю, это мой случай, но процесс изменений, который превратил меня из аджняни в джняни, еще не закончен. Даже теперь я должен делать сознательные усилия, чтобы поддерживать свое фальшивое эго, мой персонаж сновидения — оживлять его и заставлять действовать. И эта моя траектория приведет меня к несуществованию так близко, насколько возможно для того, кто еще имеет тело. Другими словами, постепенно я буду вкладывать все меньше и меньше энергии в свое существование в царстве сновидения, мое учение сократится до самой очищенной и максимально сжатой формы, мои интересы будут отдаляться от мира, и как личность я стану настолько незначителен, насколько это возможно.

Когда Кришна закончил то, ради чего явился, он пошел в лес и продолжал идти, пока не свалился от усталости. Проходящий мимо охотник принял его за оленя и убил одним выстрелом из лука. Такую прогулку можно рассматривать как постепенное сокращение вкладываемой в существование энергии, и когда придет мой час, я, наверное, просто пойду через высокие заросли кукурузы, пока не свалюсь от усталости, и мои ноги примет за созревшие початки проходящий мимо кукурузоуборочный комбайн.

Λ Λ Λ

Я не считаюсь с учителями и учениями? Ого. Звучит так, будто я действительно нетерпим, так что, наверное, придется кое-что объяснить поподробней.

Вот как обстоят дела: я полностью просветлен — полностью осознал истину. Я здесь, живой, на этой сцене, и я предпочел описывать все так, как вижу. Я не считаюсь ни с кем. Ни на кого не полагаюсь. Если мое описание противоречит десяти тысячам других описаний — неважно, насколько уважаемы эти описания и те, кто их создавал, — значит, для меня эти описания не что иное, как небылицы и фольклор, которые следует списать на свалку истории. Простой факт в том, что я здесь, и это «здесь» не слишком похоже на то, о чем говорит кто-то еще, и я не собираюсь тратить свое или чье-то еще время, притворяясь, что это не так.

Следует заметить, что «здесь» не окутано туманом и не плохо освещено. Оно ни загадочное ни мистическое. Мое знание безупречно, а мое видение беспрепятственно. Это неоднозначная позиция, но она критически важна. Я не интерпретирую. Я не перевожу. Я не передаю ничего, что было передано мне. Я здесь, прямо сейчас, говорю тебе то, что вижу, в самых доходчивых из всех возможных выражений.

Если это звучит грубо, привыкай. Это грубый предмет. Я пишу эту книгу не для того, чтобы заработать, найти последователей или стать знаменитым. Я пишу ее, чтобы вывести это из моей системы. Мое послание не в том, что ты должен поверить мне, каково это, но в том, что ты сам можешь прийти и увидеть.

*Ты уже не будешь брать все явления мира
из вторых или третьих рук,
Ты перестанешь смотреть глазами давно умерших
или питаться книжными призраками,*

*И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,
Ты выслушаешь и тех и других
и профильтруешь все через себя.*

Уолт Уитмен

^ ^ ^

Что касается перерождения Пола, то здесь уместна аналогия с гусеницей-куколкой-бабочкой. (Нам часто придется прибегать к аналогиям: дао, выраженное в словах, — не есть вечное дао и так далее). Однако в отличие от только что вылупившихся бабочек у свежепросветленного нет врожденного инстинкта, который подсказывал бы им, что делать, и направлял их. Когда я сам проходил через этот опыт, я знал о его беспредельности. Я знал, что он крайне необычен. Я знал, что это наивысшее свершение, рядом с которым блекнут все остальные переживания. Стоило мне взглянуть на человека или услышать его — и я немедленно понимал, что он не прошел через это. И кроме того, я *годами* не догадывался, что это и есть просветление.

Чертовски своеобразный опыт.

Когда я наконец собрал все кусочки воедино, пришло крайне утешительное — и одновременно уму непостижимое, сногшибательное, сдвигающее парадигму — осознание. Будучи втайне от самого себя бабочкой, я годами болтался среди гусениц и видел высокохудожественные сны о превращении в бабочку. Я знал, что заметно отличаюсь от гусениц. Я знал, что нас разделяет непреодолимая пропасть, что я больше не один из них, что они не похожи на меня, а я на них. Я знал, что могу общаться с ними только в самом поверхностном смысле посредством моих быстро тающих воспоминаний об их языке и обычаях. Впрочем, столько времени на понимание ушло, потому что причина, по которой

я больше не был одним из них заключалась в том, что я был чем-то еще, и эта разница была абсолютной. Я получил доступ к совершенно новой реальности, но еще не попал в нее, потому что некому было мне объяснить, что этот новый порядок существования, которым я стал, был тем, что гусеницы имеют в виду, когда говорят «бабочка». В конце концов, кто тут может объяснить подобные вещи тому, кто даже не знает, что спрашивать?

Чертовски своеобразный опыт.

Как вообще возможно подобное состояние невежества и замешательства? Попросту говоря, гусеницы в высшей степени неверно понимают сущность бабочки, так же как из фильмов и романов мы знаем, насколько неверно люди понимают суть вампиров. И кто их поправит? Вампиры не проводят время с людьми. Вампиры не возвращаются, чтобы просветить людей, не возвращаются в их обществе, никоим образом не беспокоятся о том, что люди подумают. А зачем им это? Они существа совершенно другого порядка и лишь поверхностно похожи на ту разновидность существ, к которой они некогда принадлежали.

И вот в этом кроется сходство с просветлением. Вместо вампиров и бабочек представь единственного взрослого в мире детей. Нет, правда. Представь, как ты развиваешься с годами. Представь, как может измениться твое восприятие детей. Представь, каким ты стал.

Чертовски своеобразный опыт.

△ △ △

Сколько людей на самом деле заходят так далеко? Сколько людей действительно просветленные? Многие заявляют о просветленности, но сколько их на самом деле? Я не знаю, но предположил бы, что очень немного. Кое-кто приходит к умозрительному выводу,

что один из десяти тысяч приходит к этой идее и один из десяти тысяч пришедших к идее воплощает ее в действительность, что дает нам одного из ста миллионов. Если брать весь мир и все эпохи, то я бы согласился, что порядок цифр верный: в любое время в мире живет несколько десятков осознавших истину людей. И сколько из этих нескольких десятков прилагают, как я, усилия, чтобы помочь остальным? Сколько из них открывается?

Еще меньше.

И это, по правде говоря, понятно. Стоит только идее, что дуальность (как ее ни назови) «плохая», а единство (как его ни назови) «хорошее», остаться в прошлом, там же в прошлом остается и идея о необходимости «помогать» и «спасать» кого-либо. Я, например, делаю то, что делаю, не потому что я полагаю это необходимым. Мною не движут ни этические, ни альтруистические мотивы. Я ничего не считаю неправильным и не должен ничего исправлять. Я делаю это не для того, чтобы облегчить страдание или освободить людей. Я делаю это просто потому, что у меня есть к этому склонность. У меня есть внутреннее призвание к тому, чтобы делиться тем, что я нахожу интересным, и единственная вещь, которую я нахожу интересной, это великое путешествие, которое заканчивается в пребывании в не двойственном сознании.

Я слышал, что Махариши Махеш Йоги был совершенно счастлив в своей уединенной жизни у подножия Гималаев и мог никогда не возвращаться в общество людей, но он начал слышать название какого-то индийского города. Это был просто непрошенный голос в его мыслях. Когда Махариши, наконец, упомянул об этом кому-то еще, ему дали совет, что единственный способ выбросить этот город из головы — отправиться туда. Он так и сделал. В городе ему предложили прочитать цикл лекций, и из этого выросло все движение Трансцендентальной Медитации. Для меня в этом есть

смысл. Ты наблюдаешь за развитием событий и отдаешься потоку вещей, и вот ты движешься туда, куда движешься.

Вот и я, зная кое-что о том, что другие люди хотят узнать, в этом конкретном случае нахожусь в правильном месте, чтобы рассказать кое-что, что упростит жизнь Полу на этом этапе его путешествия. Не так уж много известно прецедентов, когда человек перестает быть существом одного рода и становится существом другого рода, и к такому нельзя быть готовым. Возможно, говорить об этом абсурдно, но еще абсурднее проживать это. Если все это звучит слишком странно, позволь заверить тебя, что так оно и есть. И я предпочитаю помочь другим обойтись без борьбы с абсурдом, когда вижу, что они только что завершили свои плюс-минус два года душераздирающего внутреннего конфликта.

И вот когда мы с Полом стояли перед домом в этот славный кристально ясный вечер, я рад был сказать ему:

— Добро пожаловать.

Мы провели еще час за обсуждением странных вещей вроде вампиров, бабочек, одиночества, завтрашнего дня и следующего десятилетия.

— Теперь ты понял эту штуку с воротами без врат? — спросил я.

— А, — сказал он, и озарился светом понимания. — Ха! — засмеялся Пол, что только и оставалось.

Я ничего не сказал. Я больше не учу. Я не пытаюсь подтолкнуть или направить его к определенному осознанию. Он уже сделал все сам. Я больше не учитель Полу — он убил меня как своего учителя. В самом подлинном смысле он знал теперь ровно столько же, сколько и я. Просветление не похоже на окончание школы, чтобы поступить в колледж, или даже окончание колледжа, чтобы выйти в «реальный» мир. Это полное окончание. Больше никакой гонки, никакого

преследования, никаких сражений. Теперь ты можешь возвращаться в мир и делать, что пожелаешь, — учиться играть на гитаре, прыгать с парашютом, писать книги, ухаживать за виноградником, что угодно.

Наши отношения учителя и ученика подошли к концу. Теперь просто один бывалый парень показывает другому, новичку, как устроен такелаж.

6

ЭТО ВСЕ ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА ОЗ, МАЛЫШ

*Крепко держа мою жизнь в своих руках,
ты льешь на нее кипяток
среди диких скал Вечного Разума.*

*Как кровоточат ее цвета,
пока не останется только белый!
Ты улыбаешься и усаживаешься поудобнее;
Я обсыхаю под твоим солнцем.*

— Руми —

Этот дом похож на небольшую общину. Люди приходят, остаются на недели или годы, складываются дружеские отношения, звучат трудные слова прощания. Я уверен, что отношения между людьми в этом доме глубже и сложнее, чем в моем описании, но я обособлен от обитателей дома и не участвую в хозяйственных делах.

Прошло уже примерно пять месяцев с тех пор, как в нашей общине появились мать и дочь. Мать, Марла, одна из тех многих людей с весьма превратными взглядами на просветление. Пока я не могу научить ее ничему, разве что подталкиваю ее к тому, чтобы она взглянула на свои исходные предположения и выработала в себе желание пересмотреть их в новом свете. Как часто бывает в таких случаях, она, вероятно, предпочтет свои романтические верования суровой реальности и

скорее двинется дальше, чем изменится. Ошибочные представления о просветлении возникают, или, по меньшей мере, усугубляются благодаря тому, что большинство признанных экспертов в этой области сами не просветлены. Одни из них великие мистики, другие — великие ученые, бывает и то и другое вместе, а большинство — ни то ни другое, но очень немногие из них пробуждены.

Это важное недоразумение станет одной из главных тем в этой книге, потому что это первое препятствие на пути к просветлению. Никто не попадает туда, потому что никто не знает, где оно, а те, кому люди доверяются на пути, по самым разным причинам указывают неверное направление.

В самой сердцевине этого замешательства лежит верование, что постоянное пребывание в недвойственном сознании — просветление — и преходящие переживания космического сознания — ощущение мистического единства — синонимы, в то время как на самом деле они совершенно никак не связаны. Одно вполне возможно без другого, и на бесчисленные миллионы мистических и космических переживаний разной степени глубины приходится один случай просветления. Разумеется, подлинные просветленные едва ли станут привлекать к себе внимание, так что их намного больше, чем мы думаем (как вампиров!). Сколько бы их ни было, это не отменяет простого факта — между просветлением и мистицизмом нет ничего общего.

Для любого человека, в том числе меня, кто испытал вкус мистического единения, естественно предположить, что это переживание — вершина человеческого опыта, и это, по моему мнению, верно. Из этого следует, что чем чаще и легче кто-либо достигает подобного возвышенного состояния, тем ближе он находится к вершине духовного опыта человечества, если не прямо на ней. Ну и чудненько, если только такого человека не называют духовно просветленным. Он может

быть божественным аватаром, воплощением любви и верховным божеством, но просветление — это нечто иное.

Важное различие заключается в том, что один пребывает во сне, а другой нет. Один осознал истину, а другой нет. Один находится в сознании, другой независим от сознания. Просветленный пробужден ото сна и больше не путает его с реальностью. Естественно, просветленный больше не в состоянии чему-либо придавать значение. Для пробужденного ума конец мира не более и не менее важен, чем треск сломанной ветки. «Мудрый видит во всем одно», — говорится в «Гите». «Мудрый беспристрастен», — говорят даосы. Просветленный не может ни в чем увидеть что-то неправильное, поэтому он и не стремится что-либо исправлять. Нет ни лучшего ни худшего, так зачем приводить что-то в порядок? Зрители в кино не выпрыгивают из своих кресел, чтобы спасти героев фильма. Если в кино показывают астероид, несущий смерть в огне всему живому, экран остается необожженным, а зрители не спешат домой, чтобы провести последние часы с близкими. А если бы поспешили, то их упекли бы в ближайший дурдом и лечили бы от бредового расстройства.

Просветленный видит жизнь как сон, так как он может различить правильно и неправильно или добро и зло? Как можно повернуть события, чтобы они были лучше или хуже? Каково реальное значение чего угодно во сне? Ты просыпаешься, и сон уходит, словно его никогда и не было. Все персонажи и события, которые казались такими реальными, просто исчезают. Просветленный может ходить и говорить в этом мире сновидения, но он не спутает сон с реальностью.

Просветление имеет отношение к истине, а не к тому, чтобы стать лучше или счастливее. Оно не имеет отношения к личностному росту или духовной эволюции. Правдивая реклама просветления заставила бы побледнеть даже самого бывалого из моряков. Нет

в этом мире или любом ином, в этом измерении или другом игры с более высокими ставками. Цена истины — все, но никто не знает, что означает это все, пока не заплатит. Если говорить совсем незамысловато, просветление безлично, а то, чем обычно торгуют вразнос, — в высшей степени лично. Далее мы поговорим об этом подробнее, поскольку и моя жизнь, и этот дом, и эта книга — они все об этом, на мой взгляд. А пока достаточно сказать, что одной из наиболее важных задач на пути к просветлению является выяснение, чем просветление *не* является.

△ △ △

Наблюдать, кто попадает в этот дом и как приходит, забавно. Понятно, что нельзя просто заявиться с чемоданами и чувствовать себя как дома. Марла приехала сюда из Калифорнии с семилетней дочерью Энни. Она узнала об этом месте из слухов или от кого-то, кто был здесь, как-то так. Но Соная не пускает сюда людей так запросто. (Я этого не знал, пока Энни не рассказала). Марле с Энни было предложено остановиться в городе, в пансионе, и приходить сюда каждый день, чтобы понять, понравится ли им здесь и понравятся ли они.

Энни же рассказала мне о том, как здесь организована работа по дому, приготовление пищи, посещение ванной комнаты и другие хозяйственные дела. Судя по всему, она довольно неплохо разобралась в этом, и я, как всегда, был удивлен, мельком увидев, насколько сложен корабль, которым управляет Соная, и насколько умело она это делает.

— Тебе нравится Соная? — спросил я Энни.

— Соная — это любовь, — ответила Энни так, будто мой вопрос был слишком глуп, чтобы его задавать, и я подумал, что это верно.

Соная приехала сюда пять лет назад и просто приняла на себя руководство. В самом начале нашего

знакомства я узнал, что примерно двадцать пять лет она провела в Международном обществе сознания Кришны. Там она тоже занималась хозяйством и приготовлением пищи. Ее преданность не поколебалась, — объяснила она мне. Когда она была с ними, на самом деле она была не с ними, а с Кришной, и теперь она на самом деле не со мной, а с Кришной.

Я понял. Не сразу, но в конце концов я осознал, что в каждой вещи, в каждом действии, в каждое мгновение каждого дня она практиковала сознательную преданность своему Господу. Это могло выглядеть как приготовление пищи на всех или мытье полов исходя из собственных представлений о чистоте или преодоление сложных ситуаций, возникающих в неоднородной группе людей, во благо этих людей или управление стихийным ашрамом для меня, но как только я уловил что к чему и действительно начал уделять внимание тому, как она уделяет внимание, скажем, всему, только тогда я понял это. Она присутствовала в каждом моменте, и каждый момент был посвящен Кришне. Это не имело ничего общего со мной или с домом или с чем бы то ни было еще. Соная делала то, что делала Соная, и это было просто место, где она делала это.

Кем или чем был для нее Кришна? Был ли он синекожим юношей с портретов? Возничим Арджуны? Вишну? Брахмой? Я не знаю. Соная никогда не была в этом смысле ученицей. Она никогда ничего не спрашивала, и я никогда не испытывал искушения истолковать ее мировоззрение в понятных мне словах или поделиться своим. Она обладает самой прекрасной и целостной верой из всех, что мне посчастливилось наблюдать. Она могла бы командовать армиями и управлять странами с той же видимой легкостью, с какой управляется с домом. Она сияет. Она всегда светла и нежна, даже когда ведет себя жестко. Если и есть в нашем семействе мистика, то она воплощена в Сонаяе. Всегда и во всем она ведет себя с безуильной правильностью и

невозмутимостью. Она выше и вне любых задач и дел, в которые постоянно погружена. Она, как и я, существо иного порядка, но не гусеница и не бабочка. Я не знаю, что делает ее такой, но я глубоко благодарен за то, что она рядом.

С моей точки зрения, разумеется, Соная ниспослана небесами. Без Сонайи нет этого дома. Нет книги. Нет беспрерывно лепечущего меня. Нет, ну я бы, конечно, продолжал лепетать, но моей аудиторией была бы, скорее всего, какая-нибудь вечно голодная и смертельно скучающая псина. Я люблю эту планету и эту вселенную и все, что связано с людьми, и одна из причин моей любви — магия, которая удерживает все это вместе. Когда я смотрю на Сонайю, то вижу эту магию наиболее отчетливо.

^ ^ ^

Энни восхищает меня. Я действительно не способен привязываться к взрослым людям, но кошки, собаки и дети — другое дело. Энни ведет меня за руку через сады, за летнюю кухню и дальше, к одному из кюветов вдоль дороги. Этот участок полон загадок и чудес, которыми ей надо поделиться, или она просто лопнет, потому что новые чудеса и загадки продолжают одолевать ее. В этот момент я служу ее предохранительным клапаном. Описав кому-нибудь, в чем именно заключается чудесность каждого из чудес, она может вычеркнуть его из своего постоянно растущего перечня и двигаться дальше. Мне не хватает времени поближе взглянуть на следы оленя, отпечатавшиеся в грязи соседского поля, потому что мы должны добраться до почтового ящика, чтобы взять на заметку паутину, изготовленную пауком, и пойманную жертву, потом спешить к самому большому дубу на участке, чтобы увидеть брошенное птичье гнездо, потом к березам у ручья, чтобы увидеть заселенное гнездо, и нам следует спешить, иначе не

хватит времени, чтобы поиграть в «делай, как я» перед медитацией.

Благодарное и своевременное планирование маршрута сэкономило бы сил, но Энни неправдоподобно хорошо справляется и, естественно, не задумывается о тех, кто менее одарен. Несмотря ни на что, мне целых две или три минуты удается справиться с «делай, как я». После этого прыжки, скачки, кувыркания, бег по лужам и «классики» начинают брать свое и я вынужден ретироваться, чтобы перейти к менее напряженным процедурам вроде кряхтения и стонов. Я падаю на траву и дожидаясь санитаров с носилками. Энни оказывает мне помощь, усевшись мне на грудь и подпрыгивая.

^ ^ ^

Медитация проходит с половины шестого до семи вечера. Участвовать необязательно, но всех просят быть в это время потише. Я медитирую мало, и если делаю это, то обычно рано утром, так что мне нравится пользоваться преимуществами этого тихого часа, проводя время на крыльце или в гостиной. По общему правилу, это время, когда со мной может поговорить любой желающий. Иногда человек приходит и сосредотачивается на своей текущей проблеме, а иногда собирается несколько человек и тогда разговор разворачивается более динамично. У меня нет предпочтений. Обычно я рад такому времяпрепровождению.

С тем, чему я учу, у меня нет проблем или затруднений. Полагаю, это и означает быть наставником. Я знаю этот материал вдоль и поперек, сверху донизу. Я могу учить этому во сне и, возможно, так и делаю. Трудность заключается в том, как эта информация воспринимается. Большая часть того, что я говорю, если не все, усваивается определенной частью воспринимающего мозга, но там всегда что-то уже есть. Эта ячейка

никогда не бывает пустой, только и ожидающей, чтобы оказаться занятой. Не просто каждая ячейка уже заполнена, она оборудована еще и системой безопасности — вероятно, довольно серьезной — которая охраняет ее. Если бы я учил восьмиклассников английской литературе, то достаточно было бы поддерживать интерес к новому материалу, чтобы соединение оставалось открытым, пока я загружаю информацию, но здесь все по-иному. Никто не приходит сюда, чтобы оказаться беззащитным перед духовным измерением. Каждый приходит с готовыми знаниями, и этот образовательный багаж, с которым они прибывают, более чем бесполезен в смысле какого-либо практического применения. Вот с чем я имею дело. Я не мастер орудовать черепной отмычкой, я просто настойчиво пытаюсь сделать то небольшое, что могу, зная, что успех или неудача от меня не зависят.

Это поразительно, насколько отчаянно мы цепляемся за свои верования. Как показывает история, самый быстрый способ ввергнуть достойных людей в состояние дикарей — исказить их верования. Тех, кто это делает, называют еретиками, и исторически так сложилось, что предусмотренное для них возмездие по жестокости намного превосходит наказания за любого другого рода преступления. Проблема в том, что к тому времени, когда люди приходят ко мне, их верования надежно защищены. Никто не подходит ко мне и не просит разрушить свои давшиеся дорогой ценой верования. Они приходят, чтобы строить поверх того, что уже есть, и продолжать тот же курс, который они уже взяли. Разрушение, тем не менее, — это как раз то, что им нужно. Если они хотят пробудиться.

Однако это очень большое «если». Сколько из них на самом деле хочет того, чем это на самом деле является? Мое мнение таково, что лишь доля процента искателей просветления хотя бы нацелена в нужном направлении. Тем не менее, я бы добавил, что процент

несколько выше, если речь идет о группе, которая собралась в этом доме или добралась до этой книги, меня и моего послания. В тот момент, когда я это пишу, послание, изложенное в этой книге, и то, чем я делюсь с нашими гостями в этом доме, — просветление, очищенное от духовных капканов, — крайне редкое явление. Еще скажу, что больший процент людей из тех, кто сидит рядом со мной или держит в руках эту книгу, желают просветления, чем бы оно на самом деле ни было, потому что мы все получаем то, что нам нужно, и тогда, когда нам это нужно. Если вселенная поставила вас передо мной и вложила эту книгу в ваши руки, это вероятнее всего значит, что вы ближе других к тому, чтобы встретиться лицом к лицу с суровой реальностью своего положения. Это работает в обе стороны: когда появляется наставник, ученик готов.

Крайне редко приходят люди, которые уже встали на тот путь, который я так превозношу. Например, Пол. Он уже был в правильном настроении и преуспел на своем пути. Для него я был советником, благодушным проводником и подбадривающим голосом в безжалостном сражении, которое он вел. Но это редкое исключение. Большинство из тех, кто приходит в дом, уже купились на всю эту сладкозвучную духовность, или продались ей. Они хотят стать лучше, более открытыми, более любящими, счастливее, ближе к Богу, а достичь духовного просветления они желают, потому что, как всем известно, это то, куда ведет духовный путь. Желтая кирпичная дорога тоже может быть путем, но ведет она в волшебную страну Оз, малыш.

Они купились на это просветление, и это то, чего они хотят. Я не знаю, как они представляют себе подлинное просветление, потому что я могу судить об этом только с их слов, а они не знают. Я задаю вопрос и обычно получаю одни и те же невнятные ответы о более высоком сознании, тат твам аси, слиянии, блаженстве, единстве, не-уме и так далее. Они толкают мне

то же, что толкнули им, без всякого понимания, которое появляется, если остановиться и задуматься. Это маленькое чудо, потому что, перефразируя Гертруду Стайн, здесь нет никакого «здесь». То, что они описывают, — это по большей части причудливая, мифологическая разновидность Рая/Шангри Ла/Нирваны для индуистско-буддистско-нью-эйджевской тусовки, которой удалось отступить на шаг от своего иудео-христианского воспитания. Их идеи о просветлении добротны ровно настолько, чтобы продать их, но к концу дня ты либо гусеница, либо бабочка, и единственный способ получить хотя бы малейшее представление о том, что это значит, — это самому стать бабочкой. Среди гусениц нет экспертов по бабочкам, несмотря на бесчисленные заверения в обратном, и я поощряю своих учеников по крайней мере учитывать возможность, что этот мир битком набит гусеницами, которые вполне успешно убеждают себя и других, что они на самом деле бабочки.

Или, говоря проще, подавляющее большинство мировых авторитетов в просветлении сами не просветлены. Они могут быть кем угодно, но они не пробуждены. Различать гусениц и бабочек довольно просто, если помнить, что просветленный ничему не придает значения и что для просветления не требуется знание. Оно не имеет отношения к любви, состраданию или сознанию.

Оно имеет отношение к истине.

НЕ СВЯТОЙ И НЕ МУДРЕЦ

*Когда покоен разум, покоен и мир.
Ничто не реально,
ничто не отсутствует.*

*Не цепляющийся за реальность,
не застрявший в пустоте,
ты не святой и не мудрец,
а просто обычный человек,
сделавший свое дело.*

— Лайман Панг —

Во время тихого часа приходит Марла и садится рядом. Она чувствует себя неловко и бросает на меня неопределенный косой взгляд, будто не верит, что ей можно побыть здесь. Не думаю, что от меня исходит много вибраций, характерных для гуру, но какие-то, должно быть, исходят, потому что все реагируют на меня одинаково — со своего рода почтением. Я не одеваюсь и не говорю как гуру. Я не ношу на себе цветочные гирлянды, не совершаю чудес, не улыбаюсь блаженно и ничего не излучаю, насколько мне известно. Я думаю о себе как о довольно невозмутимом парне, который едва держится за то, что подразумевается под жизнью человека среди людей. Будто я еще могу промычать несколько тактов песни, но совершенно позабыл все слова. Я не могу стоять в очереди в магазине и

поддерживать нормальный разговор, если он заходит дальше погоды. Я не могу пойти в бар и выпить пива или сыграть в бильярд, потому что я не могу притворяться, будто разделяю опыт и интересы остальных посетителей заведения. Общность людей на этом уровне столь фундаментальна, что, надо полагать, невозможно даже представить себе, что это такое — не разделять ее. Нет двух людей, между которыми было бы меньше общего, чем между любым человеком и мной. Я не принадлежу ни к одной группе. Благодаря тому, что я живу в иной парадигме, я по сути стою особняком от человечества.

Угу. Вот и еще одна аналогия с вампирами. Когда люди становятся вампирами, они совершают сделку, хотя даже не знают, от чего на самом деле отказываются и что получают. Возможно, их подталкивает какая-то непреодолимая сила, как это было со мной. Быть просветленным означает совершить Первый Шаг на пути к просветлению — и впредь с этого момента быть вычеркнутым из мира людей. Я знал, когда начинал свое путешествие, что это значит — оставить позади все связи с людьми, и для меня это было абсолютно приемлемо. Никто не доходит сюда не будучи готовым, пусть и простодушно, заплатить цену.

^ ^ ^

На самом деле мне нет особого дела до общения с Марлой, и не потому что с ее точки зрения она здесь никуда не продвинется — а она не продвинется — и не потому что она скоро умчится навстречу очередному духовному приключению со звучным названием — а она умчится, — но из-за этого особого аромата — не подберу другого слова, — которое распространяет ее эго.

Марла скорее маскируется духовностью, чтобы избежать страха, чем имеет с ним дело. Разумеется, под

поверхностью всегда прячется страх и неважно, какую форму он принимает. У Марлы страх вращается вокруг денег, безопасности, отношений и амбиций, и все это сводится к страху отверженности и одиночества, что сводится к черному бриллианту в сердце любого страха — страху не-я. Внешне она очень хорошо владеет собой: спокойная, мягкая, убежденная в том, что она очень открытая и духовно гармоничная особа, но я бы предпочел общение с буйнопомешанным, который честно противостоит собственной лжи, чем с тем, который тратит всю энергию, чтобы подавить в себе честность. Маскировка всегда выдает себя металлической ноткой, которую те, кто способен ее «услышать», воспринимают как диссонанс и неблагозвучие.

Говоря совсем просто, одна-единственная истина любого человека покоится, подобно черной дыре, в самом его сердце, а все остальное — вообще *все* — просто мусор и обломки, которые прикрывают эту дыру. Разумеется, для того, кто ведет обычное человеческое существование, не отвлекаясь на более серьезные вопросы, мусор и обломки — это все, что делает его тем, кто он есть. Но для того, кто хочет докопаться до истины себя, это препятствие на пути.

В конечном счете любой страх — это страх этой внутренней черной дыры, и по эту сторону дыры нет ничего истинного. Достичь просветления — значит прорваться через заторы и шагнуть сквозь черную дыру, а все, что не относится к прорыву и этому шагу, образует еще больше мусора и обломков.

△ △ △

— У меня было переживание во время медитации, хотела бы поделиться с вами, — начала Марла и стала быстро перечислять череду прозрений, которые, как она полагает, помогут ей освободиться от того и этого, а может она преодолет препятствие, срязит

дракона или что-то вроде этого. Я с первых ее слов уже знаю, что она пытается произвести на меня впечатление, чтобы я вознаградил ее похвалой. Это довольно обычное развитие событий. Она исходит из того, что между нами заключен негласный договор, по которому она должна отражать и усиливать мое представление о себе как Великом Духовном Учителе, а я, в свою очередь, должен отражать и усиливать ее представление как об Очень Духовной Особе. Она исходит из того, что такой негласный договор есть, потому что он был заключен с десятком или около того других духовных наставников, и это всегда работало — удобная беспроигрышная ситуация.

Я прерываю ее.

— Никогда не слышала такой термин — макё? — спрашиваю ее я.

— Да, это ведь что-то, связанное с...?

— Это из дзэна. Очень удобный термин. В дзэне никто не заинтересован в духовном росте. Никто не заинтересован в самоисследовании или самоосознании. Они не пытаются стать лучше или счастливее. Они не следуют духовному пути, они следуют пути про-снись-уже-черт-побери. Они полностью сосредоточены на страстном и пристальном поиске просветления. Ни утешительных призов, ни вторичных целей. Они подписались на полное пробуждение. Конечно, у них, как и у любых учеников, нет подлинного понимания, что за собой влечет подобный поиск на самом деле, так что задача наставника заключается в том, чтобы следить, не сбились ли они с курса. Ты следишь за мыслью?

Она как-то неопределенно кивает.

— Дао предупреждает нас опасаться увитых цветами ловушек на этом пути или чего-то похожего. На пути к пробуждению многое придется увидеть и сделать. Все это внове и напоминает магию. Например, есть такие моменты, когда ты можешь остановиться и развить в себе то, что ты считаешь особыми силами:

пророчествование, телепатию, общение с духами, магические искусства, вращение тарелочки, да что угодно. Во время дзэнской медитации — дзадзен — ученик может погрузиться в безвременное единое сознание. Он может разрешить все затруднения в своей жизни за одну замечательную сессию. Он может почувствовать, что выблевал огромный шар раскаленного свинца, который много лет покоился у него в груди. Он может сойти в бездны ада и убить всех своих демонов. После подобного переживания он мог прибежать к наставнику, чтобы поделиться своими победами и переживаниями, думая, что он на правильном пути к просветлению, а наставник охлаждал его пыл, называя это макё.

Теперь Марла хмурится, понимая, что это ее пыл только что охладили.

— С помощью термина макё дзэнский наставник сообщает ученикам, что драгоценные камни, которые они подбирают, остановившись, или прекрасные цветы, которые они собирают, замедлившись в пути, имеют ценность или красивы только в том мире, который они решили оставить позади. Дао говорит «остерегайся увитых цветами ловушек», потому что чтобы овладеть ими или извлечь из них пользу, ты должен остановить свое путешествие, остаться во сне. В конечном итоге, это просто отвлекает от утонченного поиска пробуждения. Освобождение от заблуждений забирает все, что у тебя есть. Цена истины — все. *Все*. Таково правило, и оно нерушимо.

Она выглядит печальной. Я продолжаю тоном помягче:

— Я объясняю, что такое макё, потому что именно это здесь происходит. В медитации тебя посетили глубокие идеи, и ты принесла их мне. И это вполне понятно. Западная духовность, кажется, приравнивает просветление к самосовершенствованию, так что естественно предположить, что освобождение себя от ментального и эмоционального багажа — это и есть путь.

А я говорю тебе, что в контексте поиска просветления твои переживания — макё. Ты приносишь мне эти бесценные жемчужины, а я говорю тебе смыть их в унитаз и двигаться дальше.

Я медлю, чтобы это уложилось у нее в голове. Дело здесь не в том, чтобы помочь Марле в ее поиске просветления, но помочь увидеть, что она его и не ищет. Иногда я размышляю — а был бы я хорошим наставником дзэн — роси — но нет, я так не думаю. А может, я был бы великим наставником — зависит от того, как посмотреть. Моей эмблемой был бы рисунок головы Будды, насаженной на пику, с капающей кровью и свисающими потрохами. Под эмблемой был бы девиз: «УМРИ!» Ученики выстраивались бы после дзадзен в очередь перед моей дверью, чтобы рассказать мне о своих переживаниях, и как только первый открыл бы рот, я заорал бы во всю мочь своих легких: *«Ты не он! Ты не настоящий! Ты макё! Ты просто персонаж сна!»* В этот момент я бы, наверное, начал бить учеников палкой, что является одной из привилегий дзэнского наставника.

«Ты должен быть мертв! Почему ты не мертв? Зачем тебе видеться со мной? Ты и есть проблема! Убирайся и возвращайся, когда умрешь. Вот с тем парнем я бы хотел потолковать, а не с глупым персонажем сна. А теперь УБИРАЙСЯ!»

Вот что в сущности определяет поиск просветления: тот ты, о котором ты думаешь, как о себе, (и который думает о тебе как себе), — это не ты, это просто мимолетно существующий персонаж, который снится лежащей в основе тебя истине. Разумеется, в том, чтобы быть персонажем сна нет ничего неправильного, если только твоей целью не является пробуждение, поскольку в этом случае персонаж сна подлежит безжалостному уничтожению. Если твоя цель — переживание трансцендентального блаженства, высшей любви, измененных состояний сознания, пробуждение

кундалини, подготовка к раю, освобождение всех разумных существ или просто получение высшего из возможных данов в человечности, то — возрадуйся! — ты в правильном месте — в царстве сна, в дуалистичной вселенной. Но если ты заинтересован в том, чтобы перестать пороть чушь и разобраться в том, что истинно, то ты в неправильном месте: тебе предстоит очень грубая потасовка и нет причин притворяться, что все не так.

△ △ △

Выше я написал про отрубленную голову Будды и себя, орущего на студентов, что они должны быть мертвы и все такое, — так вот я не поэтому думаю, что из меня не получилось бы хорошего наставника дзэн. На самом деле, именно поэтому я думаю, что я был бы реально крутым наставником дзэн. Превратное толкование происходило бы, как я подозреваю, из того, что считается неважным соотношением между количеством пришедших учиться и дошедших до конца. Оказалось бы, что я довольно приятный парень с легким стилем обучения и похвальным соотношением поступивших и выпускников, и если бы у меня было знамя или эмблема, то наверняка минималистическая версия Дурака из колоды Таро — дурак, блаженно шагающий со скалы в пропасть.

Моей задачей как дзэнского наставника было бы заронить в учеников зерно полного знания абсолюта. Возможно, это звучит как невыполнимая задача, но только до тех пор, пока не примешь во внимание тот факт, что просветление требует не больше знания, чем подчинение закону гравитации или принятие солнечных ванн. Поскольку просветление есть не что иное, как осознание истины, не так уж сложно понять, что если что-либо и требует знания или усилий и чего-то вроде сверхчеловеческих способностей воображения,

так это не истина, а заблуждение, и если есть что-нибудь крайне невероятное, во что трудно поверить, так это не безбрежный океан и мириады рыб в нем, а неспособность этих рыб найти воду.

Я слышу, как Марла хлюпает носом. Она чувствует, что получила нагоняй. Мастер отверг ее подношение. Так она и должна себя чувствовать. Тем ученикам дзэн не до смеха, когда опускается палка.

— Как ты думаешь, Марла, зачем я тебе это рассказываю?

— Не знаю... так я могу выйти за пределы обще-принятого... так я могу оставить позади... знаете, так я могу...

— Мы говорим здесь о двух разных вещах, Марла. Понимаешь? Ты думаешь, я рассказываю тебе, что твои озарения в медитации — это макё, верно?

Она смотрит на меня и кивает.

— Нет, вовсе нет. Это важное различие. Я говорю, что твои озарения — это макё в контексте пробуждения. Видишь ли, в отличие от меня, дзэнский наставник точно знает, зачем собрались его ученики. Ему не надо их спрашивать. Но здесь все иначе, поэтому я спрашиваю тебя сейчас. Чего ты хочешь?

Она начинает что-то говорить, но я ее прерываю.

— Вселенная даст тебе то, чего ты хочешь, Марла. Именно так она работает, даже если ты не знаешь этого. По-другому и быть не может. Тебе не нужно быть достойной этого, но ты должна знать, чего ты хочешь. Ты должна сосредоточиться. Попробуй сделать это. Попробуй записать, чего ты хочешь, и сокращать написанное, пока от него не останется лаконичное утверждение о желании или намерении. Твой путь будет извилист, а твоя жизнь неясна, пока ты не сделаешь этого. Приходи ко мне поговорить, когда у тебя будет что-то, ладно?

Она кивает.

— И, Марла, я думаю, совершенно замечательным

ответом был бы такой: быть хорошей мамой для той маленькой девочки.

Она кивает, улыбается и обнимает меня. Она поняла. Уверен, это больно, когда наставник говорит, что твои глубокие трогательные озарения — это дерьмо, но она поняла. Это хорошо.

МНЕ НЕТ ДЕЛА ДО СЕРДЦА

*При усвоении необходимых для жизни знаний
важнее всего отказаться от того, что ложно.*

— Антисфен —

В своих монологах я имею обыкновение слегка отклоняться от темы, но они вполне могут быть куда более вольными. С моей стороны требуется сознательное усилие, чтобы оставаться в колее и не поддаваться каждому искушению отступить от основной темы. Мне нравится придерживаться курса, продиктованного моим первоначальным впечатлением о том, что именно необходимо услышать ученику, и, как правило, я заканчиваю, отправив мяч на его половину. Я могу сказать что-то, а они могут кивнуть и согласиться, но от этого нет вообще никакого толку. Если хочешь извлечь из знания пользу, тебе придется овладеть им самостоятельно, а единственный способ сделать это — сразиться за него. Эмерсон сказал: «Ни один человек не понимает до конца истину, пока не поспорит с ней». Иметь ответ недостаточно. Ты должен соображать сам.

Кресло, опустевшее после ухода Марлы, недолго остается пустым. Появляется инженер пятидесяти с лишним лет по имени Артур. Он ожидает разрешения сесть, и я легким жестом позволяю ему. Это может показаться излишне формальным, но для Артура это на самом деле шаг вперед. При первом нашем разговоре

он уселся у моих ног в позе лотоса, что заставило меня чувствовать себя глуповато. После того, как я уговорил его перебраться в кресло, мы провели около часа, развеивая его иллюзии о том, что просветление и божественность это одно и то же. В его мышлении все еще прочно зашито убеждение, что к учителю следует относиться как к возвышенному существу, поэтому он не садится без разрешения и говорит, соблюдая все условности. Артур не живет в доме, но часто здесь появляется, особенно весной, когда очень требуется помощь в саду.

Артур говорит мне, что ему нужна техника. Вернее, он хочет *ту самую* технику. У меня есть всего одна техника, и каждый, кто приходит в этот дом, скоро узнает о ней от других студентов, но, как ни странно, никто не осваивает ее, пока не получит от меня. Я много раз обнаруживал ее и старался сделать ее общедоступной для любого, кто захочет ей воспользоваться, но она так и осталась моей собственностью, словно единственный способ заставить ее работать — это получить ее непосредственно от меня. В ней и правда нет ничего такого, но, думаю, в том, чтобы закрыть глаза и повторять мантру или считать свои выдохи, тоже нет ничего особенного.

— Хорошо, Артур, — начинаю я, — техника называется духовное саморазрушение¹. Саморазрушение подразумевает самопереваривание и духовное средство... черт, я правда не знаю. Скажем, это означает такой уровень самости, который включает ментальные, физические и эмоциональные аспекты. Сложи два слова вместе и ты получишь процесс, посредством которого ты скормишь самого себя, кусочек за кусочком, очищающему, переваривающему пламени.

— Могу я задать вопрос? — спрашивает Артур.

¹ Spiritual autolysis (англ.) — самопереваривание, саморазрушение. — Прим. перев.

— Да, Артур.

— С ваших слов это духовное саморазрушение довольно неприятная штука.

— Да, Артур, это неприятный процесс.

— Да. Я понимаю. Спасибо.

— Пожалуйста. Процесс духовного саморазрушения в сущности представляет собой что-то вроде дзэнского коана на стероидах. Фактически, все, что нужно делать, — это записывать истину.

— Записывать истину?

— Звучит просто, верно? Да, это все, что надо. Просто записывай, то, что тебе кажется истинным или что ты считаешь истинным, и продолжай писать до тех пор, пока не доберешься до того, что на самом деле является истиной.

— В окружности триста шестьдесят градусов, — говорит Артур.

— Наверняка, — соглашаюсь я. — Начни с чего-нибудь, что кажется бесспорным и проверяй посылки, на которых основано это утверждение, и просто продолжай углубляться, пока не достигнешь основания, чего-то твердого — истины.

— В окружности не триста шестьдесят градусов? — спрашивает он.

— Вопрос предполагает, что есть окружность.

— А окружности нет?

— Возможно. Я не знаю. Она есть?

— Ну, если я нарисую окружность...

— Я? Когда ты успел подтвердить существование я? Окружность? Ты уже проскочил мимо той части, где подтверждается, что ты отдельное физическое существо в физической вселенной, способное воспринимать, рисовать? Ты уже утвердил двойственность как истину?

Артур на несколько минут погружается в размышления.

— Полагаю, это вы и имеете в виду под словом

углубляться. Я совсем запутался. Даже не знаю, с чего начать.

— Неважно, с чего начать. Ты мог бы начать с использования вопроса Раманы Махарши: «Кто я?» или «Что я?», — и просто поработать с ним. Попробуй сказать что-нибудь истинное и не сдавайся, пока не получится. Пиши и переписывай. Проясний и отсекай все лишнее, подсказанное твоим эго и придерживайся курса, куда бы тебя не занесло, пока не будешь готов.

— И сколько времени это обычно занимает?

— Я бы сказал пару лет. Но когда ты готов, ты готов.

— А под «готов» вы имеете в виду...?

— Готов.

— Ладно. Это что-то вроде записывания событий? Как вести дневник?

— Ага, хороший вопрос. Нет. Речь идет не о личной осознанности и не о самоисследовании. Это не имеет отношения к чувствам или прозрениям, личной или духовной эволюции. Это о том, что ты знаешь наверняка, о том, что ты знаешь наверняка как истинное, о том, что ты всем своим существом считаешь истинной. В процессе ты будешь срывать слой за слоем ложь, прикидывающуюся истиной. Всякий раз, когда ты возвращаешься, чтобы перечитать написанное, даже вчерашние записи, ты должен быть изумлен, насколько далеко ты ушел вперед. Это и правда болезненный и неприятный процесс, что-то сродни нанесению себе увечий. От этого появляются раны, которые никогда не затянутся, это сжигает мосты, которые никогда не будут отстроены заново, и единственная причина делать это заключается в том, что ты больше не можешь этого не делать.

Некоторое время он усваивает эту мысль.

— А зачем записывать это? Почему это нельзя делать в уме, как коаны?

— Еще один хороший вопрос. Да, коаны и мантры предназначены для ума. Вопрос Раманы Махарши «Кто

я?» задается в твоём уме. Причина записывать это на бумаге или на компьютере, где записи можно увидеть, заключается в том, что мозг, как бы странно это ни звучало, неподходящее место для серьёзных размышлений. Всякий раз, когда требуется серьёзное размышление, первое, что нужно сделать — взять все, что возникло в уме, и поместить это в каком-то месте, где можно обойти вокруг мысли и увидеть ее со всех сторон. Атака, переход на сторону противника, контратака. Это невозможно сделать, если мысль все еще в твоей голове. Записывание позволяет действовать тебе как собственному учителю, собственному критику, собственному оппоненту. Выводя мысли наружу, ты можешь стать собственным гуру — судить себя, давать себе отзывы, предлагать более объективную и возвышенную перспективу.

Артур смотрит на меня вопросительно, поэтому я продолжаю:

— Ты ведь инженер?

— Да.

— И ты инженер в какой области?

— Мосты.

— В уме?

Артур медлит, обдумывая ответ.

— Да и нет, — говорит он.

— Хорошо. Ты говоришь да, потому что есть процесс концептуализации, верно? Этап идеи?

— Есть, да.

— И дальше другие внутренние творческие этапы и решение проблем?

— Да.

— И что тогда? Что после первоначальной концептуализации?

— Ну, дальше собрания, предварительные наброски, опять собрания и управляющие проектами...

— Творческий процесс в действии.

— Пожалуй, да.

— Итак, в основном, это начинается с идеи — мысли в чьей-то голове, — а заканчивается как настоящий мост где-то в реальном мире.

— Хммм, да.

— И всю дорогу это развивается, принимает очертания, оказывается в центре внимания, верно? Это движется от идеи к черновым наброскам и высокоточным чертежам, моделям в масштабе и настоящему мосту, который простоит сто лет, как-то так?

— Как-то так, да.

— И вот творческий процесс — от мысли до реальности. Это всегда один процесс, идет ли речь о мосте, стихотворении, космическом корабле или твоей жизни. В этом есть смысл?

— Хорошо. Да.

— Ты можешь распознать это в собственной жизни? В своей работе?

— Да, могу.

— А могло бы это прийти из другой головы? Из головы другого человека?

Артур смеется:

— Конечно, нет.

— Нет. Мысль, в мозгу она или нет, — это творческий инструмент, а духовное саморазрушение — это творческий процесс, как и любой другой. Такой же, как строительство моста.

— Но строители мостов очень образованные люди, — замечает Артур. — Это и искусство и наука, и может понадобится вся жизнь, чтобы полностью развиться в этом качестве. Творческий проект создается на основе знания и опыта.

— Абсолютно верно, — отвечаю я, — и я могу заверить тебя, что в процессе самопереваривания у тебя разовьется волчий аппетит к любого рода знаниям — религиозным, эзотерическим, метафизическим, спиритуальным, нью-эйджевским, к восточной и западной философии и даже больше. Ты будешь полагаться

на знание и опыт мужчин и женщин на протяжении всей истории, невзирая на расовую или национальную принадлежность, но твой поиск заведет тебя далеко за пределы человеческого интеллекта. Истина превосходит время и границы, и твой поиск их превзойдет. Тебе определенно понадобится хорошая библиотека или книжный магазин поблизости.

— Делает ли это духовное саморазрушение интеллектуальным путем в противоположность пути сердца, пути преданности или пути служения?

Бррр!

— Честно говоря, ты начал слегка терять нить разговора, Артур.

Он смотрит на меня озадаченно.

— Я не знаю, что это за пути такие, Артур. Духовное саморазрушение — это интеллектуальная затея, но я против того, чтобы называть его интеллектуальным путем. Это процесс тонкого различения, процесс расставания с тем, что ложно, постепенного сдиранья фальши, пока не останется лишь истина. Различение используется в качестве мачете, чтобы прорубить себе путь сквозь плотные заросли заблуждений, или, если угодно, как меч для срубания собственной набитой заблуждениями головы. Интеллект используется как клинок, с помощью которого эго совершает медленное мучительное самоубийство — смерть от тысячи порезов. Какого рода путь получается в результате — здесь нас не должно волновать. Пусть об этом беспокоятся ученики такого рода путей. Если у тебя остается вопрос, то можешь адресовать его самому себе в процессе духовного саморазрушения.

Раньше я неплохо разбирался в духовной литературе и припоминаю, что там ведется много разговоров о разных путях, но оттуда, где я сейчас, это просто еще один способ отвлечь себя от тяжелого труда освобождения. Ни у одной теории путей нет никакой практической ценности для пробуждения. Сама идея, что есть

некий надежный путь — не говоря уж о нескольких путях на выбор, — которому нужно просто следовать, есть пагубное заблуждение. Короче говоря, этот бизнес на путях представляет собой еще один пример слепого, ведущего слепого, часть обширной мифологии, сложенной одними гусеницами, обучающими других гусениц, как стать бабочкой.

Артур прерывает мою мысль:

— Я читал, что Дон Хуан сказал...

— Постой, — вмешиваюсь я, — погоди секунду. Ты собираешься сказать что-то о пути сердца?

— Да.

Я знаком с книгой Карлоса Кастанеды, где Дон Хуан советует Карлито выбрать путь сердца. Я знаком с ней по той самой причине, что и многие духовные искатели: в ней есть тот отзвук мудрой добродетели, которая из всего, что написал Кастанеда, запоминается лучше всего. Делает ли это книгу истинной или ценной? Очевидно, что нет, это всего лишь еще одно клише. Просто еще одна привлекательная возможность пойти не в том направлении. Я хорошо осознаю, что очень многие из всемирно известных и самых популярных духовных учений отстаивают сердечно-ориентированный подход к духовному развитию, но популярность среди здравомыслящих спящих не лучший критерий для суждения о методах пробуждения.

— Давай я скажу прямо, Артур: мне нет дела до сердца. Если я вообще собираюсь отстаивать хоть какой-то путь, так это путь без сердца, лишенный сострадания, совершенно свободный от любой мысли о каких бы то ни было других. Мысль простая: сначала проснись. Проснись, а потом можешь сделать два шага назад и помогать другим, если у тебя еще останется такое желание. Сначала проснись сам, сколь бы бессовестно эгоистично это ни звучало, или так и останешься еще одной барахтающейся в океане жертвой кораблекрушения, и все сострадание этого мира будет абсолютно

бесполезно для остальных жертв, барахтающихся вокруг. Сначала реши собственную проблему, а потом, возможно, твое сострадание преобразится во что-нибудь полезное для других. Полагаю, что это звучит жестоко, недуховно и как угодно еще, но это работает только одним способом. Разумно?

Артур задумчиво кивает.

— Кстати, ты же наверняка бывал на заводах, где льют раскаленную сталь, которая идет на постройку этих твоих мостов, верно?

— Конечно. Много раз.

— Дружище, это страшные места. В сравнении с ними ад выглядит зимним курортом. Думаешь, из всего множества разных способов выполнить эту задачу они выбрали тот, который имеет отношение к сердцу?

Артур фыркает:

— Вряд ли.

— Разумеется, нет, потому что это можно сделать только одним способом. Эта штука с пробуждением не имеет отношения к сладостности и свету. Это серьезное дело с почти стопроцентной вероятностью неудачи. Подумай об этом. Ты ввязался в предприятие, которому посвятили свои жизни миллионы и миллионы искренних, умных мужчин и женщин, не достигших успеха. Это весьма отрезвляющее замечание. Это процесс, и он работает так, как работает, или не работает вообще. Ты не можешь диктовать условия. Личные предпочтения неуместны.

— Ваши слова звучат так, будто стоит мне достичь освобождения — и у меня, вероятно, даже мысли о помощи другим не возникнет.

— Не знаю. Может быть и возникнет, а может быть нет. Полагаю, это зависит от твоих врожденных качеств. Ты смотришь на то, чем я занимаюсь, все эти учительские штуки, верно?

Он кивает, а я продолжаю:

— Возможно, ты займешься чем-то вроде этого.

Возможно, будешь учить. А может, вернешься к строительству мостов и будешь просто держать это при себе.

— Трудно представить, — говорит он.

— Это невозможно представить, но ты ставишь телегу впереди лошади. Простой факт состоит в том, что ты не можешь никому принести пользы, если ты сам находишься в том же положении, что и они.

— Боже, — бормочет он. Это самое красноречивое высказывание из всех, что я когда-либо слышал от него.

— Подумай, — продолжаю я. — Занявшись духовным саморазрушением, делай его ради кого-то другого. Пиши для кого-нибудь еще. Изложи свое знание ради чьей-то еще пользы. Пиши для публикации, как будто весь мир увидит твои записи. Или пиши это как письма своему сыну, воображаемому другу или тому ребенку, которым ты когда-то был. Кому угодно. Используй процесс духовного саморазрушения как средство выражения своего собственного высочайшего знания для чьей-то еще пользы. И, конечно, вноси в записи исправления, пока утверждение не станет истинным.

— До чего я никогда не доберусь?

— До чего, до утверждения истины? Нет, конечно, нет.

^ ^ ^

Дом возвращается к жизни после тихого часа и в течение пятнадцати минут превращается из спокойного помещения для медитации в оживленный ресторан и общественный клуб. К моему изумлению, здесь более тридцати человек, включая тех нескольких, которых я не припоминаю вообще, и меня разбирает любопытство, не появляются ли здесь некоторые из них только ради кухни Сонайи. Народ из «Сознания Кришны» придает особое значение кухне, и я бы не удивился, узнав, что многие из их приверженцев в первый раз

заглянули к ним, чтобы узнать, чем там так вкусно пахнет. Соная — шеф-повар, которого с распростертыми объятиями принял бы любой индийский ресторан в мире. Когда она готовит, я испытываю сожаление по поводу своего слабого аппетита.

Думаю, что мне нужно рассказать немного больше о себе, не для того, чтобы показать, какой я замечательный, но какой я непримечательный. Понятно, что я не всегда был просветленным парнем. Я был славным младенцем, счастливым ребенком, трудным подростком и своевольным взрослым. Никто не оглядывался на меня и не считал будущим мудрым средоточием американского сельского ашрама. С другой стороны, я по природе своей всегда обладал чем-то вроде проницательности. Начало моего сражения с *cogito ergo sum* пришлось на мою раннюю юность. Будучи подростком и позднее, после двадцати, я писал короткие истории и эссе, которые были пробными нападками на природу реальности, что помогло мне дисциплинировать свое мышление.

Мое подобное грому с ясного неба прозрение случилось ближе к тридцати, после прочтения примерно пятидесяти страниц моей первой книги с отчетливо духовным содержанием. Как и всякое хорошее прозрение, оно вонзилось мне в мозг, как пуля из света, и в одно мгновение переопределило всю мою жизнь. Осознано было не что иное, как существование истины.

Истина существует.

Я был ошеломлен. В одно мгновение линии моего бытия были перечерчены заново. Это простое утверждение потрясло меня своей полнейшей абсурдностью. В конце-то концов, как можно не осознавать, что истина существует? Однако истина существует, не существовало меня. Моя мысль вечно была занята отрицанием того, чего *нет*, так что я вел себя как совершенно слепой по отношению к тому, что *есть*. Сама борьба за освобождение стала моей темницей. Ради

противостояния лжи я жил в полумраке, где ложь благоденствовала. Когда в конце концов понимаешь, что истина существует, то словно выползаешь из вонючей канализации на солнечный свет — свет существования, о котором ты всегда подозревал, но никогда не ощущал его.

Но теперь я оказался на солнечном свете, и это было умопомрачительно. В тот момент я наконец родился. «Истина существует!» — вопил мой ум. «Где-то, как-то, истина есть. Плевать, в христианстве ли она, в иудаизме, в исламе или в самом презренном культе в самом чреве порока. Она существует, и я больше ни минуты своей жизни не потрачу на то, чтобы вслепую мыкаться в грязи и миазмах невежества в поисках чего-то еще, кроме нее. Бессмысленность и невежественность — это не о вселенной: я сам бессмыслен и невежествен. Есть что-то истинное, и неважно, что это такое, я больше не собираюсь ничего подделывать. Во мне нет и следа малейшего сомнения в том, что лучше страдать и умереть, выясняя, что есть истина, чем продолжать эту жизнь в рабстве у лжи и невежества».

△ △ △

Я только что перечитал несколько последних абзацев, и они довольно близко отражают то, как выглядели мои мозги после того взрыва. Событие смерти-перерождения принимает самые разнообразные формы, и вот таков был мой Первый Шаг. Это был шаг, отделивший того, кем я был, от того, кто я сейчас. Это был день, когда я поджег свою жизнь и отправился на войну.

Следующие два года прошли в состоянии испепеляющей одержимости. Я бросил работу, выбросил свои вещи и отбыл из Чикаго в маленький городишко в Айове. Я прочесал книжные магазины и в полной мере воспользовался преимуществами библиотечной

программы штата. Я купил компьютер и проводил по несколько часов в день, сгорбившись над клавиатурой и пытаясь выразить истину. Я читал и перечитывал. Я редактировал, вымарывал и переписывал. Раз в несколько недель я удалял все файлы, переформатировал все диски и сжигал — буквально сжигал, на мангале — все свои блокноты и рукописные страницы. Я почти никогда не читал написанного, потому что само по себе записывание заставляло эти мысли устареть. Я отсекал все связи — ни работы, ни друзей, ни семьи, — и имел при себе минимум вещей. Я не занимался ничем другим. Я не думал о другом. Я подолгу бродил, размышляя, выискивая, что за препятствие задерживает меня на этот раз.

А потом в один прекрасный день после пары лет такой жизни я внезапно оказался готов. Вот так просто: Готов. Хотя я и не думал об этом в таких терминах, я стал просветленным, достигшим сатори, пробужденным, осознавшим истину, джняни, Буддой, назовите как угодно. Но чтобы приспособиться к этому состоянию, мне понадобилось еще десять лет.

Меня спрашивали — а сделал бы я снова то же самое, будь у меня выбор? — но начать следует с того, что это не выбирают. Не было никакого решения. Я никогда не делал выбор. Это не похоже на карьерный путь, когда ты выбираешь поприще и прикладываешь усилия. Скорее, это похоже на то, что ты прогуливаешься по горной тропке, которая превращается в скользкую грязь, и вот ты обнаруживаешь, что несешься с головокружительной скоростью в неизвестность, и вскоре полет с головокружительной скоростью становится твоей реальностью. А потом, в один прекрасный день, так же без предупреждения ты оказываешься запущен в пустое пространство и вскоре пустота становится твоей реальностью.

И вот я теперь здесь. Пустое пространство — моя реальность. Бездна. Не-я. Я постоянно пребываю

в недвойственном, неотносительном осознании. Эту часть объяснить нельзя. Даже для себя я не могу облечь это в слова. Нет такой штуки, как просветленная личность. Личность, которая пишет эти слова, личность, которая говорит с учениками, — не просветленная. Моя индивидуальность, мое эго, которое кажется мной, это просто остаточный след образа — физическая видимость на основе остаточных энергетических паттернов. Джед МакКенна похож на костюм, который носит невидимый человек, чтобы иметь возможность взаимодействовать с людьми, не отпугивая их.

Вот и все то небольшое, что можно сказать обо мне.

9

УЧАСТВУЯ В ИГРЕ И НЕ УЧАСТВУЯ

*Вдали от суеты и маелы стоит то,
что есть Я,*

*Стоит, никогда не скучая,
благодарное, участливое, праздное, целостное.*

*Стоит и смотрит вниз, стоит прямо
или опирается согнутой в локте рукой
на некую незримую опору.*

*Смотрит, наклонив голову набок,
любопытствуя, что будет дальше.*

*Оно и участвует в игре и не участвует,
следит за нею и удивляется ей.*

— Уолт Уитмен —

ЗАЧЕМ БОЛТАТЬ ОБ ИЛЛЮЗИЯХ И ПРОСВЕТЛЕНИИ?

*Думай же об этом преходящем мире так:
звезда на закате, щепка в ручье;
вспышка света в летнем облаке,
мерцающая лампа, призрак и сон.*

— Будда —

Сейчас вечер четверга — прайм-тайм на ТВ, так что большая часть оравы расположилась внизу, в комнате с телевизором, и смотрит подборку лучших сериалов этой недели. Мне нравятся комедии положений и драмы, если они хорошо написаны и мало-мальски оригинальны, так что я тихо проскальзываю в комнату и нахожу себе место в заднем ряду. Несколько человек, увидев, что я вошел, начинают привставать, но я делаю успокаивающий жест рукой, и они слушаются.

Если говорить о личных вкусах, например, в еде, музыке, ТВ, кино и чем угодно еще, я не склонен полагать, что мои вкусы хоть в какой-то степени возвышеннее, чем у других. Круг моих интересов довольно узок, но это не имеет никакого отношения к просветлению. Я не чураюсь ужасов или насилия по ТВ, в кино или литературе. Где нужно, я могу пустить слезу, когда что-то кажется мне смешным, я смеюсь. Добровольная приостановка недоверия, возможно, дается мне труднее, чем большинству людей, но не в традиционном

смысле, а в смысле формирования эмпатической связи с персонажами в затруднительном положении.

По мере того, как весть о моем присутствии распространяется по комнате, начинаются перешептывания. Кто-то оборачивается, люди улыбаются. Я не часто сюда спускаюсь, не возвращаюсь помногу в их круг, но сегодня вечером чувствую желание посмотреть что-нибудь с другими людьми. Меня слегка беспокоит, что мое присутствие может отвлечь группу от просмотра ТВ, но в том, чтобы время от времени вносить в их жизнь легкую сумятицу, нет ничего дурного. Может, это как-то подтолкнет их к тому, чтобы переоценить свое отношение к тому, что мы смотрим. Может, мое присутствие поспособствует их самоосознанию, чтобы они наблюдали за собой, наблюдающими драматическое представление, что, в свою очередь, может придать им смелости стать сторонними наблюдателями в своих собственных драматических представлениях.

А может, мы все просто бездельничаем, сидя перед телевизором.

^ ^ ^

На самом деле я не компанейский человек. Я не понимаю людей и не отождествляю себя с ними. Я не отождествляюсь со своим собственным статусом мужчины, личности или человека. У меня есть отчетливое впечатление, что жизнь — это драма на сцене, и я нахожусь бесконечно загадочным, что все отождествляются со своими персонажами. Я наблюдаю за собственной жизнью с удивленной непривязанностью. Я могу делать то или это — исполняя свою роль, — но я почти всегда сижу где-то в зрительском кресле, следя за происходящим, такой же неподготовленный к тому, что будет дальше, как и все остальные. Быть отстраненным наблюдателем ближе всего к моей реальности, и я нахожусь удивительным, что не все на это способны — что

все вживаются в свои персонажи, разыгрывая всю эту жизнь, словно она реальна. Иногда я думаю, что их можно вытряхнуть из этого состояния, если схватить их за плечи и хорошенько потрясти или надавать тумаков. Не буквально, но что-то вроде этого.

Я наблюдаю за самим собой в роли мудреца и не могу поверить, что кто-то и в самом деле на это покупается. Не могу поверить, что вся эта штука не очевидна кому угодно. Истина не нуждается в поиске, потому что ее нельзя потерять. Ее нет в конце какого-то пути, где она только и ждет, когда ее обнаружат. Это не результат практики, развития или обучения. Истина везде и всегда: она не бывает отсутствующей или далекой. Истина не изворотлива, это наипростейшая штука. По сути дела, истина это то, что нельзя сделать проще. Способность *не* видеть истину — вот что самое удивительное из всего, что я видел. Я бы ни за что не поверил, что это вообще возможно, если бы сам не был таким в течение тридцати лет.

Я смотрю на свою жизнь до просветления как на состояние сна, из которого мне удалось себя вытряхнуть, а о тех, кого я вижу пребывающими в том же сонном состоянии — как о сомнамбулах, ходящих во сне и говорящих во сне. В таком подходе нет ничего характерного исключительно для меня — любой пробудившийся скажет то же самое. Я вижу свою роль в том, чтобы направлять свет на спящие умы, и если они тянутся к нему, если они хотят пробудиться, если они готовы вступить в борьбу за выход из цепких объятий царства сновидения, тогда, вероятно, я смогу быть полезен.

Моя роль не подразумевает спасения или избавления кого-то, ведь и обычные люди не стремятся спасти друг друга от сна и сновидений. Я не считаю людей жертвами, пациентами или в каком-либо роде неполноценными, но просто спящими. Некоторые вынырнут из своего царства сновидения, и я могу сыграть в этом свою роль или, возможно, оказать им содействие после

их пробуждения. Я привратник. Я окликаю людей через портал, и те, кто меня слышит, могут почувствовать верное направление, а те, кто пройдет через врата, найдут в моем лице приветствующего их друга.

^ ^ ^

Сегодняшние сериалы очень даже неплохи: куча комедий и одна часовая драма. Сезон подходит к концу, поэтому комедии сняты так, чтобы понравиться нам еще больше, а драма подходит к своей напряженной открытой развязке, и все усилия направлены на то, чтобы мы ждали продолжения, когда начнется осенний сезон. Вскоре возникает мысль, что это довольно скучная затея — сидеть в подвале и смотреть по телевизору непринужденное кривляние, когда на улице стоит прекрасная и долгожданная весна. Я иду наверх, беру одну из книг Сатъяма Надина и выхожу на крыльцо почитать.

Пока я раскачиваюсь взад и вперед в кресле-качалке, мои мысли перетекают от слов на странице ко всем этим людям, что появляются здесь последнее время. Зачем они приходят? Некоторые, я знаю, приходят по четыре-пять раз ради каждой встречи со мной. Это место превращается во что-то еще, и я не знаю во что. Меня забавляет мысль, что мы могли бы построить временные домики для гостей, и напоминаю себе не шутить о временных домиках вслух, иначе через пару недель я выгляну в окно — и вот они. Так все и бывает во сне: мысли становятся осязаемыми вещами еще до того, как придут на ум.

Возможно, все эти люди приходят, потому что надеются получить что-то полезное от простого пребывания рядом со мной. Я бы не беспокоился, увидев, что все движется именно в этом направлении. Я могу понять, когда люди стремятся к самоотверженному служению, так что пусть себе приходят, жертвуют на

хозяйство, трудятся ради неких идеалов, которые по их мнению этот дом воплощает, приносят подарки, но все это в надежде на что? Заработать очки? Сжечь карму? Развить в себе безусловленную любовь ради самого себя? Я правда не знаю.

Разумеется, некоторые здесь в основном ради Сонайи. Она не учит и даже говорит немного, если речь не идет о том, чтобы устроить все как надо по хозяйству, но она обладает тем, что многие ищут — абсолютной невозмутимостью. Те, кто сюда приходит, кажется, наслаждаются работой под ее руководством, будто они хотели бы отдать себя, но не могут найти подходящий контекст, в которой это можно сделать. В Сонайе сочетаются свойства самоотверженности и беспричинности, что позволяет людям отдавать себя не ради высшего блага какого-то учения или организации, а просто ради отдавания. Я способен различить, когда людям нужно именно это, и понять, почему может быть затруднительно найти такой выход для своего желания. В Сонайе они находят совершенную самоотверженность — равновесие, устойчивость, непогрешимую правильность — и это дает им блестящий пример, куда ведет путь самоотверженного служения.

Очень любопытно размышлять над тем, в каком направлении будет развиваться этот сельский дом в Айове, и суть в том, что неважно, что это за направление, важно само развитие. Я буду обдумывать эту мысль и дальше.

Или нет.

Дело в том, что все идет идеально без того, чтобы я совал свой нос. Еще дело в том, что мне и правда все равно, кто сюда приходит и почему. Это приятное местечко, и у меня к нему приятные чувства, в этом ничего не переменялось. Мы не устраиваем пивные вечеринки по ночам, насколько мне известно. Никто не пляшет голышом и не приносит в жертву белок, насколько я знаю. Не думаю, что это место превращается

в какую-нибудь коммуну и уверен, что Соная бы этого не позволила.

Выбегает Энни и запрыгивает мне на колени. Она засовывает свой большой палец в рот и мгновенно засыпает. Из-за нее я больше не могу читать, поэтому откладываю книгу и просто наслаждаюсь вечером. На ум приходит стихотворение Рёкана:

*Слишком ленив для амбиций,
Я позволяю миру заботиться о себе.
В сумке риса на десять дней,
Кучка хвоста возле очага.
Зачем болтать об иллюзиях и просветлении?
Слушая стук ночного дождя по крыше,
Я устроюсь поудобней, вытянув вперед обе ноги.*

Одно из моих любимых.

11

УБИТЬ БУДДУ

*Не ищи, где прошли мудрецы,
чтобы следовать им.
Ищи то, что искали они.*

— Басё —

Идет дождь. Все небо во вспышках молний, грохочет гром. Торо называл себя добровольным зрителем ливней и снежных бурь, и если он имел в виду, что он был настолько очарован бурями, что чувствовал себя обязанным наблюдать за ними, хоть это и означало выбраться из теплой постели, то я понимаю, что он имел в виду, и тогда я тоже добровольный зритель ливней и снежных бурь.

Сейчас раннее утро, солнце только что встало, а разбудила меня гроза. Я завернулся в одеяло и уютно устроился в кресле на галерее второго этажа, выходящей на запад прямо из моей спальни. Здешняя погода по большей части приходит с запада.

У меня всегда было такое ощущение, что грозы устраиваются ради моего собственного развлечения, и я чувствую угрызения совести, если не уделяю им внимания. Впрочем, это не так уж сложно — уделять им внимание, потому что они доставляют мне изрядное удовольствие. Я размышляю о грозах, пока вселенная издает неистовые звуки и вспышки для тех, у кого достаточно благоразумия, чтобы оценить их великолепие

и грандиозность. Это не имеет отношения к просветлению, просто мне нравится.

Эндрю — единственный из гостей, кто сидит на этой галерее со мной. Обычно они и близко не подходят к хозяйской комнате, если только речь не идет об уборке, да и то, как правило, когда меня нет. Это и правда неловко. В конце концов, я не могу придумать ни одной причины, почему мне не следует самому застилать свою постель. Даже не знаю, что должно случиться в моей жизни, чтобы люди стали делать за меня мою работу. На самом деле время от времени я прокладываю себе путь на кухню, велю всем выйти и сам привожу в порядок послеобеденный хаос. Я делаю это не для того, чтобы быть хорошим парнем или что-то этим сказать, но потому что мне это нравится. Мне нравится мыть посуду и убираться на кухне. Кто бы мог подумать.

Однажды, прошлым летом, я пригласил сюда Эндрю на время послеполуденной грозы. Лично мне Эндрю понравился. Ему перевалило за тридцать, он был худой, негромкий и большую часть своей взрослой жизни посвятил буддизму. Насколько я помню, он практиковал випассану, что может объяснить его невозмутимое сдержанное поведение. Я хотел, чтобы кто-нибудь присоединился ко мне на время грозы, и Эндрю оказался неплохим выбором, что подразумевало его способность сидеть тихо и наслаждаться грозой.

Что он и сделал. Когда гроза почти закончилась, мы налили чаю и стали обсуждать его отношения с буддизмом. Мне было интересно услышать о его взглядах и опыте. Вообще говоря, я никогда не мог понять буддизм концептуально. Я прекрасно понимаю дзэн — по крайней мере, ту его версию, которую сам тщательно очистил от лишнего, — но, как ни странно это звучит, мне ни разу не удалось найти связь между дзэном и буддизмом. Прежде всего, я никогда не мог понять, как желание стало плохим парнем, а сострадание хорошим. Судзуки говорит, что буддизм не имеет ничего общего

с глубокими переживаниями, что буддизм — это обычные вещи вроде поесть и идти спать. Время от времени я читал об этом в книгах и вроде бы что-то понял, но по большей части нет. Возможно, причина моего непонимания в том, что я продолжаю думать, будто цель буддизма состоит в пробуждении от заблуждений, а может и нет. Возможно, его цель в том, чтобы просто поесть и идти спать.

Было интересно послушать, что привело Эндрю в буддизм, но разговор с ним только подкрепил мое убеждение, что я чего-то не понял. Я не теолог, конечно, и никогда не углублялся в изучение религий, но в той степени, в какой я их изучал, мне не трудно понять, о чем они говорят. Христианство, иудаизм и ислам посвящены тому, чтобы сделать Бога счастливым, и он тоже подарит нам счастье. В индуизме похоже, но больше богов. Но буддизм ускользает от меня даже на таком свехупрошенном уровне. Откровенно говоря, я думаю, что он ускользает от многих его приверженцев, что проявилось и в разговоре с Эндрю.

Он застрял на нескольких вопросах, по его словам. Мы обсудили некоторые из них, и я поделюсь ими, потому что они могут преподать важные уроки любому, кто пытается освободиться от уз заблуждений (как выржаемся мы в этой игре в просветление).

Что касается буддистской концепции непривязанности, то Эндрю следовало говорить не столько о ее непонимании, сколько о неспособности достичь непривязанности. Это, само собой, вело к парадоксу о желании не иметь желаний, которое само по себе является желанием, что представляет собой погоню за хвостом. Вместо того, чтобы просто подвести его к ответу, я предпочел какое-то время бубнить что-то вокруг да около, наблюдая за его реакцией. Эндрю не нуждался в деликатном подходе, в отличие от других. У него было достаточно мужества и ума, чтобы самому взглянуть на то, что ему показывают.

— Непривязанность можно понимать двумя способами. Один способ — в контексте мирной, счастливой жизни. Другой — в контексте пробуждения от заблуждений, и это, кажется, называют нирваной. Я прав, когда говорю, что целью буддизма зачастую объявляется искренность, свобода от страданий или что-то вроде этого?

Эндрю подтвердил, что насыщенная и удовлетворенная жизнь во многом является целью буддизма, но добавил, что просветление — нирвана — ему ближе.

— Значит, ты будешь счастлив узнать, что о непривязанности можно забыть, — сказал я. — Ты ставишь телегу впереди лошади. Непривязанность — это не ключ к освобождению, а побочный эффект.

Привязанность — лишь один из симптомов куда большего и куда более интересного недуга, который хронически поражает самых честных искателей. Более интересного для меня, во всяком случае.

— Это очень распространенная ошибка, которую можно встретить во всех мировых учениях и религиях, — продолжаю я. — И часто они смотрят в противоположную сторону от истины. Это верование, что если ты хочешь быть как Христос, то должен вести себя как Христос, — как будто можно стать кем-то с помощью подражания. Если ты хочешь быть просветленным, подсказывает мышление, то должен *вести* себя как просветленный. Полная чушь, конечно, но общепринятая. Стоит тебе распознать эту ошибку, и ты удивишься, насколько она распространена. Например, я просветленный и обладаю непривязанностью, которая не требует усилий. Я знаю, что это такое, и знаю, что под этим подразумевается, потому что у меня это есть. Я не привязан к непривязанности. Я не возвращаю ее. На самом деле, я не думаю, что мне когда-либо приходилось даже задумываться о непривязанности, пока не пришлось отвечать на вопросы о ней. Это то, что пришло само вместе с просветлением — побочный эффект.

У просветления много побочных эффектов, но попытки вызвать их — неважно, насколько искренние — никогда не приведут к просветлению. Легко взглянуть на просветленного и сказать: «Ого! Он ест только рис. Мы должны есть только рис, если хотим достичь нирваны!». Но это, разумеется, неправда. Если просветленный прыгнет с моста, тебе тоже придется прыгать?

Эндрю вежливо улыбается.

— Если просветленный прыгнул с моста, — повторяю я, — тебе тоже придется прыгать?

На этот раз он не улыбается.

— И так во всем, — продолжаю я. — Ты видишь это все время. Почему я должен поворачиваться другой щекой, если кто-то бьет меня, а я хочу врезать ему обратно? Чтобы действовать, как Христос? Когда это я вляпался в эту затею — действовать, как Христос? Какие-то великие индийские мудрецы сидят лицом только на север, так и я теперь должен все время сидеть лицом на север? А если мудрец ковыряется в носу? Я должен сидеть лицом на север и ковыряться в носу восемь раз в день? Зачем? Потому что дело всей моей жизни — подражать великим мудрецам? Я так не думаю. Скажем, я хорошо питаюсь, а ты голодаешь. Ты приходишь ко мне и спрашиваешь, как хорошо питаться. Ну, замечаю я, каждый раз, когда я ем вкусную еду, у меня начинается отрыжка, и я советую тебе отрыгивать, потому что это означает, что ты сыт. А ведь все наоборот, верно? Ты все еще голоден, но теперь ты еще и рыгаешь, как свинья. А хуже всего в этом — обрати внимание на трюк — хуже всего то, что ты перестаешь искать еду. Твоя голодная смерть теперь гарантирована.

Я сделал паузу, чтобы эта мысль впиталась. Здесь есть несколько важных уроков, и я не хочу, чтобы он проскочил их слишком быстро. Маленькие вопросы всегда служат воротами для больших вопросов.

— То же самое с непривязанностью, — продолжаю я. — Если ты смотришь на нее, как на ключ к покою

и счастьем, тогда у меня нет стоящего ответа, разве что замечание, что это звучит глуповато. Но если ты смотришь на непривязанность, как на важный шаг на пути к пробуждению, то могу заверить тебя, что это не так. Сначала проснись, а потом этой непривязанности у тебя будет целый вагон.

Мы еще немного поговорили о непривязанности, но все это целиком на самом деле очень просто, и, со слов Эндрю, теперь он почувствовал, что понимает намного более непосредственно. Я не сомневался — с отрыжкой получилось вдохновенно.

Потом мы с Эндрю разобрали вопрос, что значит быть *в* миру, но не *от* мира. Это не заняло много времени, потому что ответ был в основном такой же, что и для непривязанности:

— Тебе не о чем беспокоиться, — сказал я, — это позаботится о себе само, когда придет время. В понимании этого нет смысла.

Однако он так легко не поддался, так что пришлось мне продолжить.

— С моей перспективы, — сказал я ему, — непроясненные люди кажутся персонажами в мыльной опере. Вот что я вижу, наблюдая за людьми с их заботами, надеждами, сновидениями, конфликтами и драмами. Я никоим образом не умаляю человеческий опыт — и всякий наблюдатель на моем месте сказал бы то же самое, — но когда я говорю «мыльная опера», я именно ее имею в виду. Слезливый, истеричный, неубедительный, дурно написанный и неуклюже снятый вымысел, в котором нет ни смысла, ни особой развлекательной ценности. Раньше я был таким же, как все остальные, разумеется, жил своей жизнью невольного персонажа в мыльной опере, но теперь нет. Теперь я вне этого, волен выходить и возвращаться. Вот чего я больше не могу сделать, так это снова перепутать мыльную оперу с реальностью, ну разве что получу серьезную травму головы.

— И вот стою я на сцене прямо сейчас, в эту самую минуту, разговаривая с одним из персонажей в этой мыльной опере. У этого конкретного персонажа есть своя сюжетная линия, которая разворачивается вокруг разрушения самой мыльной оперы. Этот конкретный персонаж хочет знать, существует ли он вне драматического контекста мыльной оперы или нет ничего, кроме плоского персонажа, существование которого прекратится, как только его убьют сценаристы или отменится само представление. Добьется ли этот персонаж успеха или потерпит неудачу в своей борьбе за свободу? Продолжит ли он свой поиск или сменит курс? Имеет ли это значение? Смотрите продолжение завтра.

Эндрю был очень спокоен, очень задумчив. Он достаточно благоразумен, чтобы не принять мои слова за выпад против него лично. Он слушал, схватывал, но не сопротивлялся и не оборонялся. Кажется, я слегка перестарался, слишком налег на объяснения, растянул и без того тонкие аналогии, пытаюсь, вероятно, развлечь самого себя, но еще пробуя способы рассказать о каких-то вещах и так и эдак.

— Итак, — продолжил я, — ты, Эндрю, одновременно и *в* мыльной опере и не *от* мыльной оперы. Ты желаешь вырваться из оперы, и это желание — как говорят актеры — манящая тебя морковка, которая обеспечивает твою мотивацию, а она, в свою очередь, придает драматический импульс многим трагикомическим эпизодам, вращающимся вокруг Эндрю.

— А счастливый конец? — спросил он.

Я пренебрежительно махнул рукой.

— Ах да, конечно. Тебе не удастся вечно избегать собственной истинной природы. Чудо, что кто-то вообще умудряется это делать.

Эндрю нахмурился.

— Ваши слова звучат так, будто просветление это...

— Что?

— Ну, вроде как ничто. Что-то неважное. Как будто

это...

— Не относится к делу? — закончил за него я. — Представь, что ты смотришь по телевизору мыльную оперу, но у тебя есть власть войти внутрь нее. Вот сейчас ты смотришь глупый телевизионный сериал, а через минуту ты в палате больницы навещаешь персонаж, умирающий от рака мозга. Для него это реально, он в полном отчаянии, но для тебя он просто актер, играющий роль. В действительности на кону ничего не стоит. Сколько подлинного сочувствия у тебя найдется для этого бедняги в его положении?

— Но он же просто вымышленный персонаж.

Я всматривался вдаль и ждал.

— Я и *есть* вымышленный персонаж, — сказал Эндрю ровно. — Я и *есть* тот персонаж с раком мозга. Вы заглянули в *мою* мыльную оперу.

Это хороший урок — веселый. С тем же успехом я мог бы привести в пример бродвейскую постановку «Гамлета» вместо мыльной оперы, но тогда вымышленные персонажи появились бы в ореоле славы, а не пошлости. Аналогия с мыльной оперой очень лаконично описывает две особенности, с которыми мы игрались: во-первых, Эндрю сам по себе вымышленный персонаж, а во-вторых, любое важное значение иллюзорно. Но была тут и еще одна особенность, которую следовало затронуть, пока мы не ушли далеко.

— А кто создает твой персонаж? — спросил я.

— Вы имеете в виду, кто создал меня таким, какой я есть?

— Кто автор, создавший тебя?

— Ну, в некоторой степени, я автор, — ответил Эндрю.

— Хорошо, тогда кто автор тебя, который, по твоим словам, в некоторой степени автор тебя?

Над этим он задумался.

— Мое истинное я?

— Оксюморон. Нет истинного я. Истина и я

взаимоисключающе.

— Это похоже на спор о том, что ответственно за наше развитие — природа или воспитание.

— Хорошо.

— Так что настоящего ответа нет.

— Конечно, есть.

— Какой?

— Не ты. Автор тебя не ты.

— Тогда я... что? Что создает меня?

— Я не знаю. Это имеет значение?

— Ну, очевидно... — начал он, но затих.

— Тут нет ничего очевидного, — объяснил я. — Полное понимание той обширности и сложности влияний, которые приводят к созданию этого фальшивого я, невозможно и избыточно, но здесь нет проблемы, потому что от полного понимания нет никакой пользы. Зато кое-какая польза есть от осознания, что ты то ли не имеешь никакого отношения к тебе, то ли совсем незначительное. Наверное, это трудно представить себе, не принимая близко к сердцу, но возможно, если ясно видишь, что тот, кто ты есть, не имеет то ли никакого отношения к тебе, то ли имеет, но незначительное.

— Тот кто?

— Неплохо сказано.

Мы некоторое время сидели в тишине, каждый со своими мыслями. Я потратил это время, чтобы оценить действенность своих слов и подумать, что можно улучшить. Эндрю, что вполне понятно, использовал этот момент тишины как возможность поискать утешение и твердую почву под ногами в своих буддистских учениях, что и обнаружилось, когда он спросил о чем-то никак не связанном с тем, о чем мы только что говорили.

— Но что насчет страдания? Будда сказал...

— Стоп.

^ ^ ^

Если бы я позволял ученикам задавать направление разговора их вопросами, то все наше время было бы потрачено на продвижение в любом возможном направлении, кроме прямого. Ученики, что вполне естественно, считают важным понимание. Они думают, что правильность и точность их информации жизненно важна. Они думают, что это что-то вроде школы, где ты должен понять одну вещь, прежде чем сможешь понять следующую. Но все это имеет отношение к знанию и представляет собой незнание. Все так называемое знание — это именно то, что стоит между искателем и искомым. Конечно, я могу понять их точку зрения на все это, но меня всегда изумляло, когда я видел, как другие духовные наставники позволяли ученикам водить себя кто в лес, кто по дрова вопросам, которые никуда не вели. Пробуждение — это не теоретический предмет, который овладевают посредством обучения и понимания, это путешествие, которое надо совершить, битва, в которой надо сражаться. Наставники хотят быть популярными и выглядеть мудрыми, вот и отвечают на любые вопросы, которые приходят ученику на ум, словно они учат следующее поколение наставников, а не помогают людям пробудиться.

И сказав это, я также вынужден добавить, что это путешествие, эта битва еще только предстоит Эндрю. Многие годы медитации и духовного обучения не смогли изменить тот факт, что он еще не сделал и Первого Шага в своем собственном путешествии. Первый Шаг — это главное. Все, чему я учу, — на самом деле об этом. Сделай Первый Шаг — и продолжение наверняка последует. Можно болтаться на сцене, разыгрывая духовную роль, можно медитировать, зарекаться, быть бессамостным, обретать заслуги и сжигать карму год за годом, жизнь за жизнью, но так и не сделать Первого Шага.

На самом деле это характеризует состояние пробуждения на Западе: здешняя духовность была совсем недавно посажена в культурную почву и успела дать множество опьяняющих цветов, но без прочной корневой системы. Вот что говорит Мариана Кэплэн в своей книге «На полпути к вершине: ошибки преждевременных притязаний на просветленность» о сиренах просветления с их обманчиво манящими песнями:

Самая частая и широко распространенная фантазия о просветлении сводится к тому, что это свобода от страданий, отсутствие боли и борьбы, молочная река с кисельными берегами, состояние вечной любви, блаженства и покоя. В этой форме просветление олицетворяет собой всеобщую мечту об идеальном, совершенном мире чистого счастья и неувядаемой красоты. И это не только нью-эйджевская фантазия, а тайное желание всех людей без исключения, наша общая мечта о спасении. И все-таки это просто фантазия.

Короче говоря, как и большинство духовных искателей, Эндрю вообще не подписывался на просветление, только на фантазию о рае на земле, в данном случае названную нирваной. Вопрос в том, переключится ли автоматически энтузиазм искателя, лишённого этой фантазии, на реальность? Другими словами, если ты заказал мороженое, горячий шоколад, взбитые сливки и вишенку сверху, то будешь ли ты так же счастлив, если вместо лакомств официант ткнет тебе в глаз заостренной палкой?

Вероятно, нет.

△ △ △

Итак, теперь Эндрю захотел взвалить на меня Будду, но для меня Будда бесполезен, и хотя он этого еще не

осознал, для него он тоже бесполезен.

— Стрaдание не относится к делу, — сказал я ему. — Сострадание не имеет отношения к делу. Начнем с того, что ни у одного из нас нет и малейшего понятия, что сказал Будда, потому что он не вел записей и не заверял их у нотариуса. И поскольку его здесь нет, чтобы объясниться, мы предоставлены сами себе.

Глаза Эндрю были широко открыты от такой ереси. Я почувствовал, что он близок к тому, чтобы встать и уйти.

— Эй, это хорошая новость. Я говорю только о том, что тебе не нужно полагаться на крайне подозрительные учения кого-то, кто мертв уже тысячи лет. Ты можешь полагаться на себя. Если царевич Сиддхартха справился, то и ты можешь, верно? Будда был просто каким-то парнем, который взялся за дело и разобрался в нем сам, так, может быть, это и есть его настоящее учение — что ты можешь разобраться сам. Может, дело не в том, что он какое-то там божество или супермен, а наоборот. Что он был таким же, как ты или я.

Эндрю слегка покачался вперед и назад в волнении.

— Что касается страдания, — продолжил я, — забудь об этом. Это неважно. Стрaдание означает только то, что тебе снится плохой сон. Счастье означает, что тебе снится хороший сон. Просветление означает выход из состояния сна. Такие слова, как страдание, счастье и сострадание — это просто мешки с камнями. В конце концов тебе придется бросить их, если хочешь двигаться дальше.

Эндрю сидел неподвижно, но внутри него явно царило замешательство. Кому понравится, что его верования, в которых он души не чаял, окажутся на помойке, но эта игра так и называется — выброси любимые верования в мусор. Мы просидели еще несколько минут в тишине, пока Эндрю не свернул к предыдущей теме:

— Итак, нельзя осознать нашу природу Будды, если

вести себя, как Будда.

— Дао говорит, что мудрец проходит по земле, не оставляя следов. Это просто еще один способ сказать «в миру, но не от мира». Чего дао *не* говорит, так это что непробужденный человек, который желает стать мудрецом, должен путешествовать таким образом, чтобы на земле не осталось следов, но представь, что будет, если этот отрывок прочитает секта одержимых буквальным толкованием даосов и примет его за прямое указание никогда не касаться почвы или пыли? Не согнуть ни единой травинки? Это было бы смешно, но разве не так же смешны многие вещи, которые делают люди, чтобы заставить других поверить, что они и есть то, чем надеются стать. Бессмысленно вести себя так же, как тот, кто находится там, куда ты хочешь попасть, смысл в том, чтобы попасть туда самому. Чтобы стать мудрецом, не нужно вести себя, как мудрец. Сначала стань мудрым, а все эти характеристики мудрости возникнут сами по себе и без труда.

— Непонимание относительно подражания просветлению как способа стать просветленным можно увидеть везде. Если ты хочешь быть просветленным — подсказывает ум — веди себя, как просветленный. Если бы вампиры действительно ходили по земле (а я не говорю, что они не ходят), то существовали бы наставники и школы, куда можно записаться, если сам хочешь стать вампиром, и такие люди, полагаю, нашлись бы. Если бы наставники сами были вампирами, то могли бы просто укусить каждого, пососать жидкости или что они там сосут — и *вуаля*, все ученики вампиры. Но если бы наставник был обычным человеком, а не подлинным вампиром, то ученики обнаружили бы, что он учит их особым правилам: не выходить на солнце, не есть чеснок и не пить святую воду, не совать осиновый кол в сердце и так далее. И претенденты в вампиры стояли бы в ряд и старались следовать наставлениям учителя в надежде, что таким образом они в конце концов

достигнут вампирства.

Но, как нам всем известно, вампирами становятся не так, так становятся дураками. То же самое и с этими штуками — непривязанностью и жизнью в миру, но не от мира. Если ты хочешь быть счастлив и тебя делает счастливым подражание вампирам — отлично, это как раз то, что тебе нужно. Но если ты хочешь *стать* вампиром, то черный костюм и вставные клыки не сработают.

Эндрю поднял еще одну тему, которую стоит упомянуть — об указании «если встретишь на дороге Будду, убей его». Судя по всему, это еще один предмет продолжительных споров между Эндрю и его товарищами-буддистами.

— Хммм, — сказал я, наслаждаясь приятными воспоминаниями. — Я тоже не знал, что это значит, когда впервые встретился с этим указанием.

— А теперь знаете? — спросил Эндрю. Думаю, он был убежден, что это утверждение наподобие коана, не поддающегося подлинному пониманию.

— Конечно, — ответил я. — Это означает что-то вроде указателя «на втором светофоре повернуть налево». Эндрю уставился на меня.

— Это дорожный указатель, — продолжил я. — Это не бесценная жемчужина мысли вроде «пристегните ремни» или «чистите зубы после еды». Это просто небольшой совет, который один путешественник, побывавший в определенном месте, может предложить тому, кто туда все еще собирается.

Эндрю пока не понял, возможно, потому что я сам наслаждался этой болтовней а-ля гуру. Мне пришлось сделать усилие, чтобы выразить мысль отчетливее:

— На пути к просветлению есть одно волшебное слово. Это твоя мантра, твой боевой клич. Это слово «дальше». Очень важное слово. Серьезная вещь. Нам не надо беспокоиться о значении этого слова сейчас, просто запомни это. В один прекрасный день, может

быть, даже в этой жизни, ты подступишься к подлинному пробуждению, и такое слово, как «дальше», может послужить тебе очень мощным талисманом. Сейчас нет особого смысла заниматься этой штукой с убийством Будды, разве что ради того, чтобы ты выбросил это из головы. Я имею в виду, что понимание не даст тебе ничего ценного, чтобы задерживаться на этом. Придет время, когда ты поймешь все целиком, а потом, возможно, и не вспомнишь ни разу, как о любой другой мелочи, указавшей верный путь во время долгого путешествия.

Несмотря на эту мою осмотрительную оговорку, Эндрю ерзал на стуле в ожидании ответа на вопрос, почему ему следует убить Будду.

— В процессе пробуждения бывают такие моменты, когда те, кто прошел свой путь до тебя, могут прийти тебе на помощь и дать ключ к твоему следующему шагу. Собственно, это единственное, что может сделать для тебя твой наставник или учение — время от времени подавать знак. Это может быть большой знак для всех, как слово «дальше», а может быть маленький, специфический, как «убить Будду». Когда я проходил через все это, у меня не было наставника или гуру, но мне помогали все путешественники, которые взяли на себя труд оставить знаки, предупреждения и подсказки вдоль пути. Поэты, философы, мыслители — серьезные люди. Люди, которые не пожалели времени, чтобы изложить в письменном виде свои знания для тех, кто придет после них.

Не будучи уверен, что хочу это обсуждать, я сделал минутную паузу. Кажется, хочу.

— В этом путешествии есть не слишком приятный этап, когда ты догоняешь и обгоняешь некоторых своих наставников — перешагиваешь через людей, к которым относился с высочайшим уважением. Со мной это случалось не раз, я был прекрасно осведомлен о том, что именно происходит, и могу сказать, что это

странный и пугающий опыт, в силу чего его трудно перепутать с чем-либо, когда приходит время. Эти люди были, образно говоря, исполинами в своем деле, а простой факт, который делал все таким особенным, заключался в том, что я стал очень близок с этими людьми, и когда я оказался там, где они остановились, я стоял с ними, отдавал им дань своего глубочайшего уважения и скрепя сердце переступал через них. Понятия не имею, как это звучит для того, кто ни разу не переживал такое, но это был один из самых болезненных этапов всего путешествия, и мне по душе, что я могу предупредить об этом.

Эндрю, казалось, погрузился в воспоминания. Я был достаточно осторожен, чтобы не упомянуть имен своих наставников. Учителя, в которых мы нуждаемся, всегда сами появляются, когда нужны, и нет смысла разыскивать чьих-то еще учителей.

— «Убей Будду» — это один из таких знаков, которые оставляют прежние путешественники. У него очень специфическое применение. Он имеет смысл только в одном конкретном месте на пути и, насколько я помню, ближе к его концу. Он не имеет никакого смысла, если ты не достиг этого конкретного места. Потом приходит момент, когда ты уже там и тебе непонятно, что делать дальше. По правде говоря, в этот момент велико искушение принять неправильную вещь за правильную. А потом, как бы из ниоткуда, в твой ум влетает эта маленькая абсурдная фраза об убийстве Будды, твое сердце охватывает невыразимая благодарность, теперь ты знаешь, что делать, и опасность соскользнуть обратно в кому предотвращена.

Я засмеялся — настолько были сильны воспоминания.

— Такая вот жизнь на этом пути, старик. Всегда в движении.

Я на несколько минут погрузился в приятные воспоминания, а потом подвел итог для Эндрю:

— Это значит дальше. В тот самый момент, когда проще всего сесть и решить, что ты готов, это означает: «Вставай! Ты еще не дошел. Не дай себя обмануть. Не будь сентиментальным. Не будь самодовольным. Продолжай идти. Ты думаешь, что ты уже там, но это не так. Ты еще видишь два, но есть только одно. Тот образ, перед которым ты преклоняешь колени — *кто* бы это ни был, *что* бы это ни было — еще одна проекция твоего собственного дерьма. Убей эту долбаную штуку и продолжай идти». Вот что это значит.

Я взглянул на Эндрю. Он не сводил с меня глаз в нескрываемом благоговении.

Я могу его понять. Такое приводит в трепет.

12

ИСТИНА ОДНА

*Во всех десяти направлениях вселенной
есть лишь одна истина.*

*Когда наш взор ясен,
между великими учениями нет различий.
Что можно потерять?
Что можно обрести?*

*Если мы и обретаем что-либо,
то оно было здесь с начала времен.
Если мы и теряем что-либо,
то оно прячется где-то рядом.*

*Смотри — вот шарик в моем кармане:
можешь ли ты понять,
как он бесценен?*

— Рёкан —

Я ДОСТИГНУ ВЫСШЕЙ ИСТИНЫ

*Мне снилось, что я бабочка,
счастливо порхающая среди цветов.*

Вдруг я проснулся.

*Теперь я пытаюсь понять кто я —
человек, которому приснилось, что он бабочка,
или бабочка, которой снится, что она человек.*

— Чжуан Цзы —

Зима в этом году не особенно суровая. Поначалу было немного холодно и маловато драматичных снежных бурь, но все не так плохо в сравнении с другими годами. Февраль, март и апрель могут быть невзрачными, нагоняющими тоску и выматывающими душу, но в этом году бог в основном миловал от этого. Сейчас мы в самом начале того, что обещает стать сырой весной.

Сырую или сухую, весну здесь всегда ждут. Силы возвращаются, когда видишь взрыв ярких цветов после долгого их отсутствия. Это происходит внезапно, будто по взмаху волшебной палочки, после, казалось бы, нескончаемой хмурости и серости. Цвета выплескиваются из земли, деревьев и неба, и вся природа начинает резво пробуждаться. В начале апреля бывает всего один погожий день в неделю или два, поэтому никто не упускает возможность выбраться из дома и начать подготовку сада к новому сезону. Я старая душа, если вам

нравится смотреть на вещи таким образом, и у меня возникает ощущение, что мое место там, снаружи, где можно возиться с подрезкой ветвей, заниматься виноградными лозами и близко общаться с природой, хотя на самом деле я для этого не приспособлен. Иногда, если удастся одновременно найти трактор, полную канистру бензина и мотивацию, я подстригаю газон, но как вы и сами можете догадаться, эти три планеты выстраиваются в ряд не слишком часто.

Имейте в виду, я не такой уж неповоротливый. Я совершаю долгие прогулки пешком или на велосипеде каждый раз, когда выпадает возможность. Обычно я гуляю один, но если еду на велосипеде, иногда приглашаю кого-нибудь присоединиться. Но не сегодня. Я надежно закрепляю горный велосипед на багажнике пикапа и направляюсь к близлежащему городку, где могу насладиться пятнадцатью-двадцатью милями прогулки через жилые кварталы, туристическими тропами и объехать вокруг маленького исторического центра. Я доезжаю до парка на краю городка и готовлю велосипед к прогулке. Пока я вожусь, ко мне подруливает серьезный велосипедист в шлеме, перчатках, велосипедных шортах и в этих туфлях, которые пристегиваются к педалям, и завязывает разговор. Это хорошенькая блондинка, маленькая, почти хрупкая, и ей, вероятно, нет даже восемнадцати.

— Вы Джед, верно? — спрашивает она.

Неважное начало для моей прогулки. Именно поэтому я не слишком часто бываю в городе. Кажется, я приобрел какую-никакую известность, как раз достаточную, чтобы время от времени причинять неудобства, вот как сейчас. Я признаю, что я Джед.

— Круто, я узнала вас! Меня зовут Джолин. Я пару раз бывала в «Джед-зоне». Я вас там видела.

Я улыбаюсь. Она славная. Полагаю, такое узнавание раздражает меня не столько на практике, сколько в теории. «Джед-зона» вызывает у меня улыбку. Я уже

слышал это раньше. В городе ходят какие-то слухи о доме, и я уверен, что некоторые из них я бы предпочел никогда не слышать. Разумеется, им нужно как-то называть это место. «Джед-зона» — это пронциательно.

— Припоминаю, что видел тебя, — говорю я, — но не помню, чтобы мы разговаривали, так ведь?

Я что-то разболтался. Когда она сняла шлем, я точно вспомнил, что видел ее в доме, но спрашивать, говорили ли мы, было лишним. Я и так знаю, что нет.

— Нееет, — сказала она с улыбкой. — Я же на самом деле просто ребенок. Не думаю, что мне есть что сказать интересного для вас.

Мой велосипед снабжен бутылками с водой и маленькой велосипедной сумкой, в которой лежит экземпляр книги Рамамурти С. Мишры «Основания йоги», прихваченной с собой на тот случай, если найдется тенистое дерево, чтобы поваляться с книгой. Я пока не взобрался на свой велосипед.

— Что делала в доме? — спрашиваю я. Не могу заставить себя называть это «Джед-зоной». — Приходила с друзьями?

— Ага, — говорит она и начинает перечислять имена каких-то людей, среди которых я узнаю только одно. Она объясняет, что они приходили несколько раз летом и осенью прошлого года: трудились над чем-то в саду, счищали старую краску с подсобной постройки и красили ее заново, а однажды ночью присутствовали у общего костра.

— Что ж, тогда с меня небольшая беседа, — говорю я ей. — Не желаешь ли присоединиться к прогулке?

Она за. Я произношу неуклюжие оправдания, которые почти сорокалетний парень обычно произносит перед тем, как приступить к сопровождающемуся физическими нагрузками занятию в присутствии прекрасно экипированного и явно не чуждого спорту подростка. Мы вместе отправляемся в путь и набираем удобный темп для прогулки вокруг парка, прежде чем

рискнуть направиться в город, а потом и за город.

Компания на время велосипедных прогулок мне нравится больше, чем на время пешеходных, потому что езда не так способствует разговорам, особенно если пытаешься поддерживать скорость в двенадцать-пятнадцать миль в час по лесным тропинкам или когда движешься по дороге, не особо соблюдая правила дорожного движения.

Сегодня отличный денек и прогулка получается очень приятная. Я могу ехать наравне с Джолином без особого напряжения, а может, она дает мне фору. Мы мчимся сквозь какие-то пригородные районы с гладкими дорожками, затем по асфальтированным тропам, которые уводят нас в холмистую местность в нескольких милях от города, где мы можем позволить себе набрать приличную скорость, прежде чем нырнуть в ворота лесного заповедника. В лесу мы в основном держимся асфальтированных дорог, потому что велосипед Джолин не предназначен для бездорожья. В конце концов мы сворачиваем и направляемся к крутому холму, который мне удастся одолеть только наполовину, а потом я спешиваюсь и толкаю свой велосипед. Она с велосипеда не слезит, но ездит такими кругами, чтобы оставаться неподалеку.

— Показушница, — ворчу я.

Она хохочет. На верху холма я ставлю ногу на одну педаль и накатом съезжаю в безлюдное место для пикников с видом на озеро. Достāju бутылку воды и пью, пока не перехватывает дыхание.

— Думаю, я тут посижу некоторое время и прочитаю, — говорю я ей, предполагая, что она воспользуется моими словами как предлогом, чтобы поехать дальше одной, но отчасти надеюсь, что она этого не сделает.

— Могу я тут еще немного поболтать? — спрашивает она. — У меня тоже есть книга. Я не буду вам надоедать. Я еще никогда не общалась с настоящим живым мистиком.

Я фыркаю от смеха.

— Да, можешь позависать здесь, если хочешь, но, боюсь, мне придется тебя разочаровать насчет этих мистических штук. Я не слишком мистический парень.

Джолин ничего не ответила на это. Вместо этого она, к моему удивлению, стащила у меня мою книгу и сунула взамен свою. Наверное, хорошенькие юные девушки вполне могут быть дерзкими и кокетливыми, но я уже давненько не оказывался участником этой игры. Там, в доме, все склонны проявлять легкую почтительность, что бывает утомительным.

Книга, которую она мне подкинула, — один из тех маленьких сборников дзэнских афоризмов, составленных редактором, который, вероятно, зациклился на работе во время затишья между выпусками журнала «Кролиководство острова Борнео». По правде говоря, трудно его в чем-то винить. Будь у меня издательство, я выпекал бы книжечки с дзэном с такой скоростью, с какой редакторы успевали бы наскрести глубокомысленных изречений кого угодно с восточным именем или титулом. Если дизайн обложки соответствует канонам изящной простоты, а внутри сплошная заумь, то это стопроцентный хит продаж.

Конечно, могло быть и хуже, чем книжечка с дзэном, даже просто плохо. Я не знаю, что читают обычные девочки-подростки, но я благодарен, что эта вот читает о дзэне. Она устраивается на траве рядом с озером, и я присоединяюсь к ней. Перелистывание ее книжки подтверждает мои опасения, что это очередной кусок дерьма (*«Когда кипятишь воду для риса, помни, что эта вода — твоя жизнь»*), но за неимением ничего лучшего я начинаю читать.

— Ого, — тихо произносит она через несколько минут. Я смотрю на нее, чтобы понять, собирается ли она поделиться тем, что привлекло ее внимание, хотя уже знаю, что там. Там есть закладка, корешок перегнут так, что страница открывается сама, а отрывок обведен

желтым маркером. Она читает вслух выделенный абзац, приписываемый Будде. Я хорошо его знаю, но мне приятно слышать, как его читает человек, для которого это вновь.

— Я достигну Высшей Истины и Высшей Реальности, — читает она медленно, задумчиво. — Это высшая цель моей жизни в этом мире — останется ли со мной мое тело или распадется на части. Мои кости и плоть могут подвергнуться уничтожению или остаться со мной, я все равно достигну Истинной Формы Вселенной. Бесчисленные инкарнации привели к благому итогу: я обрел человеческое тело. Я не упущу эту счастливую возможность и обязательно достигну самадхи и Реальной Формы Сознания. Покой может прийти на меня или оставить меня, пусть горы рушатся мне на голову, но я не нарушу свое обещание достичь нирваны.

Она откладывает книгу и просто всматривается в даль за озером.

Я тоже растворяюсь в тихой задумчивости. Этот отрывок вызывает у меня сильную ностальгию. В этом и причина, что я взял эту книгу с собой. Написание моей книги заставляет меня вглядываться в собственное путешествие к пробуждению, в котором эта конкретная декларация цели сыграла важную роль. Что-то во мне откликнулось на эти слова, когда я впервые прочитал их много лет назад, и я не забываю их перечитывать довольно часто. Если бы я захотел передать это своим ученикам, то, наверное, слегка сократил бы текст, но оставил нетронутой глубину серьезности намерений.

— Пусть горы рушатся мне на голову, — прошептала он себе под нос.

Через несколько минут она подняла книгу и заложила страницу большим пальцем.

— Занимаетесь йогой? — спросила она.

— Нет. В общем-то эта книга — сувенир из моей прежней жизни. Я с тех пор прочитал много книг, но

эту держу при себе из-за того отрывка, что ты прочитала. Как видишь, книга истрепана и зачитана до дыр. Она много времени провела в карманах.

Она одобрительно улыбается.

— А моя книга вам не понравилась, верно?

Разговор сворачивает на другую тему. Вот как все происходит. Она мне вопрос задает или просто болтает с Джедом-мистиком? У меня нет особой охоты соскальзывать в учительскую рутину, если только она сама не попросит меня это сделать. Мне, как всегда, неловко начинать разговор в этом русле, если нет очевидного сигнала. Боюсь оказаться одним из тех людей, что на вопрос «как дела» действительно битый час рассказывают о своих делах.

— Просто не мое, — уклоняюсь я от ответа.

— Вы не в дзэне?

Уф. Я откидываюсь и лежу с руками под головой, разглядывая гряду облаков, которые выглядят в точности как Мэрилин Монро, когда воздух из вентиляции раздувает ей юбку. А может, это облако Роршаха и моя интерпретация предупреждает меня, чтобы я не дурачился на траве с хорошенькими юными девами.

— Нет, правда. Мне интересно.

Что ж, это все, что мне нужно, чтобы приступить, но я пока держусь.

— Есть два дзэна, — говорю я. — Один дзэн продает книжки, миниатюрные сады камней, наборы для каллиграфии и фигурки Будды. Другой дзэн — это просветление.

— Моя книга — это плохой дзэн, да? — спрашивает она.

Я смеюсь.

— Ага, это плохой.

— Я начала читать о дзэне всего несколько месяцев назад, — объясняет она. — Кажется, это реально круто. Я прочла кучу книг о дзэне и ходила на собрания, где один японец говорил о нем. Думаете, все эти книги,

что я прочла, такие же, как эта?

— Зависит от того, что ты из них почерпнула. В дзэне есть особый налет притягательности. Люди находят очень привлекательным читать о дзэне и, может быть, практиковать медитацию дзадзэн. Ты уже купила особые подушечки?

Купила.

— Что еще?

— Небольшой сад камней, — признается она с улыбкой только что пришедшего к ней понимания. — Фигурку Хотэя, смеющегося Будды.

— Ага, такая мне тоже нравится, — говорю я. — Ну и вот, все хорошо. Тебе нравится это, ты можешь читать об этом, можешь приобретать аксессуары. В этом нет ничего неправильного.

— Но это не настоящий дзэн, вы же об этом говорите.

— Да, это не настоящий дзэн. Это, скорее, симпатичный кузен дзэна. Настоящий дзэн не такой симпатичный и для него тебе не нужны книги.

Есть длинное объяснение и есть короткое. Мне не хотелось слишком грубо наезжать на новое хобби Джолин, но с дзэном у меня непростые отношения — любви-ненависти, вернее, я люблю дзэн и ненавижу новый дзэн. Настоящий дзэн — это страстный и пристальный поиск просветления — кратчайший путь между сном и пробуждением. Никаких правил, никаких церемоний, никаких учений, лишь грязное, кровавое сражение за пробуждение.

Новый дзэн — дзэн, приводящий в движение издательский и торговый бизнес, — целиком посвящен сну и тому, чтобы оставаться спящим. Разумеется, говоря подобным образом я рискую навлечь на себя гнев всех этих сияющих энтузиастов, которые верят, что дзэн — это то, о чем можно прочесть, что можно попрактиковать и чем можно овладеть, словно дзэн это хобби, религия или общественная деятельность, словно дзэн это что-то, чем можно заниматься в дополнение к чему-то

еще, словно дзэн имеет отношение к тому, чтобы быть сознательным, присутствующим или молчаливым. Но если ты действительно заинтересован в пробуждении, тогда следует поблагодарить всех этих обиженных любителей, потому что это именно те люди, которые хотели совершить путешествие, но были одурачены симпатичным кузеном дзэна, с которым они торчат на одном месте и никуда не двигаются.

Убедиться в этом всегда можно с помощью того же самого критерия: сколько просветленных? Не надо этих если, и или но. Другие цели или достоинства не представляют ни малейшего интереса. Где постоянный поток просветленных существ? В неприятном дзэне он есть, а в симпатичном — нет. Точка.

— Так это что-то вроде злого брата-близнеца дзэна, — говорит она.

Я смеюсь после этих слов.

— Ага. Злой близнец отвесил оплеуху доброму и сослал его на далекий остров, а сам купается в лучах славы и успеха и завоевывает мир.

Мы еще несколько минут смеемся с этого сценария и придумываем все новые детали, просто наслаждаясь непринужденностью момента и солнечным теплом.

— Все знают, что вы мистик, — говорит Джолин, переводя разговор на меня. — Почему вы говорите, что нет?

Кряхтя, я усаживаюсь и обхватываю колени руками.

— Хммм. Ладно, я отвечу тебе, если ты расскажешь, за что тебе нравится дзэн.

— Хорошо! — живо восклицает она. — Ну, когда здесь был мистер Ямамата, он говорил...

— Мистер Ямамата или Ямамата Роси? — прерываю ее я.

— Ага, Ямамата Роси. Он говорил об однонаправленности и жизни в дзэнском монастыре и разного рода вещах, которые звучали действительно интересно. Он рассказывал много отличных историй о людях,

которые занимались дзэном, а потом просто как гром среди ясного неба — *бах!* — они просветленные! Может быть, кто-то сказал что-то правильное в правильный момент и...

— Бах.

— Ага!

— Довольно круто, а?

— Круто же! — восхищенная, она привстала на колени. — Он рассказывал об истории дзэна и всяком таком, а потом показал нам видео о своем монастыре в Северной Каролине и там все выглядело, ну, не знаю, — реально круто!

— Поэтому ты стала читать об этом и делать онлайн-покупки?

— Я купила книгу у человека, который оплачивал эту встречу. И да, я зашла в интернет, выбрала подушки и какие-то еще книги. Садик камней я купила в магазине в Айова-сити и еще несколько подержанных книг о дзэне и буддизме.

— Он сказал, что такое просветление? — спросил я.

Она с минуту размышляла. — Он говорил о самадхи, или это было сатори? Думаете, я глупая, да?

Я смеюсь.

— Нет. Мне тоже нравится дзэн. Он понравился мне задолго до того, как я понял его, и примерно таким же способом, как тебе.

— Ваша очередь! — говорит она.

Я помню наш уговор.

— Ладно, но тебе это может и не показаться интересным. Я говорю, что я не мистик, потому что я не мистик, ну или совсем чуть-чуть. Вообще говоря, это довольно запутанный вопрос, но между тем, что представляю собой я, и мистиком есть разница.

— А что вы собой представляете?

— Ну, я просветленный.

— И это не то же самое, что мистик?

— Нет. Звучит, будто это то же самое, но

стоит разобраться в вопросе — и разница оказывается значительной.

— И что лучше? Быть просветленным, верно?

— О да, определенно. Мистики отстой. Просветленные парни рулят!

Она хохочет и толкает меня. Я тоже смеюсь.

— Нет, правда, — говорит она, — какая разница?

— Нет, правда, — передразниваю я ее. — Это не настолько интересно.

Она утихомиривается и так же пристально смотрит на меня, как я на нее.

— Могу я сказать кое-что? Пожалуйста. Я не знаю, с чего мне так повезло, что через пару месяцев после того, как я начала, ну, знаете, интересоваться дзэном, духовностью и прочим, я оказалась тут в компании с... — Она колеблется. — Как будто Бог, или вселенная, или мое высшее я, говорит, что я делаю что-то действительно правильное. Оно говорит: «Вот, ты хочешь знать, так вот этот парень, вот твой шанс». И вот я сижу с вами, и вы очень милый и все такое, но вы тоже, наверное... это странно... серьезно, вы... вы тот, кого все...

Она волнуется и вот-вот заплачет.

— Вы действительно настоящий просветленный, так? Не дурака валяете? Я хочу сказать, я знаю, что просветленный. Вы же правда просветленный, верно?

Я редко бываю захвачен врасплох. Я внимательно смотрю на нее, прежде чем ответить.

— Да, Джолин, — говорю я, — действительно просветленный.

Она кивает — впитывая, размышляя.

— Ага... ага... видите, что я имею в виду? Вот что я имею в виду. Я имею в виду — каков был шанс?

Я внимательно наблюдаю за ней какое-то время, восхищаясь глубиной искренности в ее глазах.

— Хорошо, — говорю я, — я понимаю.

— Вот в чем дело: я знаю, что я молода и не понимаю

этого, а вы правда очень добры ко мне, но я хочу знать. Мне интересно. Я не хочу быть просто еще одной... Это как те слова Будды: «Я не упущу эту счастливую возможность».

Она затихает, ее губы дрожат, а глаза наполнены слезами.

Вот так мы и сидели здесь еще несколько часов, пока я торжественно отвечал на ее вопросы о разнице между просветлением и разными видами и степенями мистцизма, о разнице между настоящим дзэном и дзэном для продажи книг, об индуизме, медитации, христианстве, коренных жителях Америки, американских трансценденталистах, о том, есть ли куда еще расти Брэду Питту и других высоких вещах.

Но в основном мы говорили о кинотеатре Платона.

ОЧИЩАЮЩИЙ ОГОНЬ

*Битва за истину
ведется против лжи.*

*Когда все сжирает пламя
и рассеивается дым,
остается лишь истина.*

*Разрушь все. Сожги все дотла.
Подожги даже собственное сердце.
Швырни свою душу в топку.*

*Это Великий Пожар.
Ничто ложное не уцелеет.
Ничто истинное не погибнет.*

*Таков этот процесс.
Такова эта война.
Поле битвы — ты.
Битва абсолютна.*

*Если тебе не нравится,
не делай этого.
Оно всегда будет здесь,
поджидая тебя.*

— Джед МакКенна —

ЭТО ЖЕ НЕ ПЛАТОН, ВЕРНО?

*Давай забудем о течении времени,
давай забудем о противоборстве мнений.
Давай обратим наши взывания к бесконечному
и утвердимся там.*

— Чжуан Цзы —

По возвращении домой я застаю тихий час, поэтому на цыпочках пробираюсь наверх и принимаю душ. У меня до неприличия роскошная ванная комната, неуместная в доме с сельскими корнями в той же мере, что и комната с домашним кинотеатром. Когда появилась Соная, казалось вполне естественным, что она займет гостевую комнату наверху. В доме была всего одна полноценная ванная комната, так что мы были вынуждены делить ее к обоюдному чувству неловкости. Мы решили (ладно, она решила), что наилучшим решением было бы превратить одну из верхних спален в хозяйскую ванную с отдельным входом из моей спальни. Поначалу она привлекла к планированию и меня, но вскоре ее одолело раздражение от моего докучливого желания устроить все как можно проще. К тому времени к ней уже перешел контроль над хозяйственными счетами, так что она просто исключила меня из процесса и делала, что ей вздумается.

Так я и получил одну из тех ваннных комнат, которые можно найти в дизайнерских журналах. Комната была отделана изящным вишневым деревом и черным

гранитом и не слишком выбивалась из общего стиля дома. В простоте дизайна было что-то японское, и я, конечно, не мог бы даже пожелать чего-то лучшего. В какой-то момент я стал ныть по поводу стоимости всего этого, а Соная посмотрела на меня, как на слабоумного. Она знала, что деньги — это что-то, что течет, что они приходят и уходят, и если не препятствовать потоку, их всегда будет достаточно. Это я иногда забываю об этом.

Вода в душе нагревается довольно быстро. Большой водяной нагреватель, специально предназначенный для нескольких душевых разбрызгивателей и черного гидромассажного джакузи, был установлен на чердаке как раз для этой ванной. В ходе установки оборудования я внес всего одно предложение — чтобы нагреватель подавал воду еще и в ванную Сонайи, потому что к тому времени внизу уже образовывались очереди в душ, и я не хотел, чтобы у нее из-за этого заканчивалась горячая вода. У нее в ванной нет джакузи, поэтому пару раз в неделю она подолгу занимает мое, с благовоениями, свечами и музыкой.

Пока я принимаю душ, ум возвращается к сегодняшнему дню на траве в компании Джолин. Я воспользовался вариацией на тему аллегорической пещеры Платона, чтобы проиллюстрировать разницу между просветлением и мистицизмом, а она, кажется, довольно неплохо поняла ее. Если вы не заметили, у меня хорошо получаются аналогии. Собственно, вот вам аналогия, почему мне нравятся аналогии: если вы пытаетесь объяснить, что такое огонь, человеку, который никогда его не видел или не чувствовал, то вам наверняка придется прибегнуть к сравнениям с вещами, которые этому человеку уже знакомы. Разумеется, это не заменит прямого опыта с огнем, просто это самое лучшее из всего, что можно сделать при таких обстоятельствах. Аналогия нужна для того, чтобы человек, столкнувшийся с настоящим огнем, понимал, на что

смотрит.

Джолин не была знакома с аллегорией платоновской пещеры и тем более с моей кинематографической версией, так что я начал с самого начала и быстро обрисовал ей всю картину.

— Вот в кинотеатре сидит человек, но он не знает, что это на самом деле кинотеатр. Он усажен таким образом, что видит лишь экран, но не другие кресла, других зрителей, — экран, и все. Более того, он прикован к креслу. Он не может двигаться, не может смотреть по сторонам. Его голова и тело удерживаются на месте с помощью цепей.

— Это же на самом деле не Платон, верно?

— Но и это еще не все, он проводит здесь всю свою жизнь. Это единственная реальность, о которой он знает — сидеть здесь, наблюдать образы на экране и слушать звуковое сопровождение. Это все, что он знает о реальности.

— Вы сочиняете.

— Итак, подумай, на что это похоже, когда ты идешь смотреть кино. Тебе встречалось когда-нибудь такое понятие, как «добровольная приостановка недоверия»?

Она покачала головой — нет.

— Это соглашение, которое заключается каждый раз, когда ты идешь в кино. Ты соглашаешься подвлять свою способность к различению и позволяешь фильму взять верх. Ты знаешь, что фильм — это не реальность, но два часа тихо сидишь и позволяешь себе переживать события фильма, как будто они настоящие. Ты приостанавливаешь свое недоверие, чтобы возникла эмпатическая связь с событиями в жизни персонажей, а фильм, в свою очередь, не должен злоупотреблять твоим доверием и показывать события, в которые трудно поверить. Понимаешь, в чем смысл?

— Это как игра в поддавки? — спрашивает она.

— Точно. А потом, когда фильм заканчивается, ты возвращаешься к яркому свету реальности и

перестаешь препятствовать своему недоверию. Так?

— Конечно.

— Итак, наш парень сидит в кинотеатре, смотрит фильм, полностью поглощен им и верит, что все происходящее и есть жизнь. В нем нет недоверия. Он эмпатически связан с героями и событиями на экране. В конце концов, что еще он знает? Образы на экране — это реальность, это жизнь.

— Хорошо, — говорит она с некоторым сомнением в голосе.

— Но в один прекрасный день, без всякой на то причины, он случайно смотрит вниз и замечает, что его оковы на самом деле не закрыты на замок. Его неволя — это не подвергавшаяся проверке иллюзия.

— Круто!

— Ага, и он так думает, но еще он испуган. Итак, парень избавляется от оков, первый раз в жизни встает и смотрит по сторонам. От этого взгляда по сторонам у него начинает брезжить идея, что есть другой уровень реальности, о котором он совершенно ничего не знает. Это заставляет его задаться вопросом по поводу образов на экране, которые он беспрекословно принимал за реальность, так что он смотрит вверх, видит там мигающий свет и обнаруживает его источник.

— Будку киномеханика, — говорит она.

— Правильно. И где мы теперь? Наш парень расстался с заблуждениями и начал процесс пробуждения к большей реальности, верно?

Она кивает.

— Он смотрит по сторонам внутри кинотеатра, изучая эту новую, более реальную реальность, верно?

Она кивает.

— В этом темном кинотеатре он всегда видел свет, верно? Свет, отраженный от экрана. Но теперь он видит источник света, источник образов, которые раньше он по ошибке принимал за реальность. Итак, теперь он определяет будку киномеханика как истинный

источник реальности, поскольку именно оттуда исходит свет — единственный свет во всем этом месте.

— Ну жеее, — говорит Джолин, чувствуя, что я тяну резину.

— Эй, это история о пробуждении, а не сказка на ночь. Если у тебя проблемы с этим, поговори с Платоном.

— Хмммм, ладно. Продолжайте.

— Ты поняла, в чем смысл, верно? Этот человек делает первые шаги к освобождению и обнаружению истины. Он видит, что прежняя «реальность» — это просто двухмерная игра света и тени. Он отодвигает занавеску и обнаруживает волшебника.

— Ага, я поняла, — говорит она, улыбаясь и подыгрывая мне.

— Заблуждение! — восклицаю я.

— Я *поняла*, — говорит она, хихикая.

— Хорошо. Итак, наш парень набирается мужества прогуляться по кинотеатру. Можешь себе представить, что у него уходит какое-то время на то, чтобы приспособиться к этой новой, намного более обширной и насыщенной реальности. Требуется время, чтобы адаптировались его мышцы и его чувства, не говоря уж о том, что ему приходится иметь дело с эмоциональным воздействием того факта, что вся его жизнь до этого момента была надувательством.

— Вы уверены, что это Платон, да? — спрашивает она игриво. — Тот самый Платон?

— Поверь, тебе достается простая и удобная версия. — Она смеется, а я продолжаю. — Наш парень может увидеть, что проход между креслами ведет к двери и что из-под нее пробивается свет. Может, он увидит это, а может нет. Все понятно?

— И это все?

— Нет, это просто описание того, что происходит. Теперь мы собираемся использовать эту аллегория, чтобы ответить на твой вопрос.

— Я забыла, какой у меня был вопрос.

— Я подожду.

— Ах да! Разница между мистицизмом и просветлением.

Джозин готовится раскритиковать меня в пух и прах. Она крутится и устраивается поудобнее, стоя на коленях, словно эта поза способствует полному вниманию, и я продолжаю:

— Как только проходит первоначальный шок и парень приспособливается к новой реальности, он видит, что театр действительно довольно большой и полон других людей вроде него самого, погруженных в разного рода деятельность.

— Это Платон сказал? — спрашивает она.

— Нет, это я от себя сейчас говорю. У Платона не так весело. Вот что мы теперь видим...

— В кинотеатре множество людей, и все они погружены в разного рода деятельность? — дерзит она.

— Правда, что ли? — отвечая я ей тем же. — Каких людей? Какого рода деятельность?

Она слегка сбита с толку.

— Я не знаю. Это *ваш* кинотеатр, — говорит она.

— Теперь он твой, — отвечаю я.

Над этим ей пришлось задуматься. К ее чести, она не стала просто выпаливать ответы. Я знал, что она осматривает кинотеатр у себя в воображении, пытаюсь собрать все детали вместе. Будь у меня всего один инструмент обучения, им была бы усовершенствованная версия аналогии с пещерой. Почти любой аспект путешествия к пробуждению можно объяснить на модели кинотеатра с проходом, ведущим к выходу. Разумеется, я допустил с этой аллегорией немало вольностей, но, думаю, Платон одобрил бы это.

— Ямамата Роси — в кинотеатре, — сказала она уверенно.

— Хорошо. Чем он занят?

— Учит?

— Учит кого?

— Меня?

— Я не знаю, Джолин. Почему ты ходила на встречу с ним? Почему ты здесь со мной? Почему ты не проводишь время за покупкой вещей в компании подруг или не в кафе с другом?

— Потому что образам на экране больше не удастся одурачить меня? — Она сделала из этого вопрос и смотрела на меня, что я отвечу.

— Ты мне скажи, — сказал я.

Она поразмышляла, прежде чем отвечать.

— Однажды, когда мне было пятнадцать, я сидела в церкви со своими родителями и мне в голову пришла очень ясная, удивительная мысль. Я смотрела на затылки всех этих людей, которые расселись на скамьях передо мной, и в тот момент меня просто озарило, что они все как будто коровы, как будто скот, как будто... как будто они никогда и не были настоящими людьми. Как будто они были просто коровами, которые притворялись людьми. Мне это показалось смешным, и я не могла сдержать хихиканье, так что пришлось притвориться, будто я кашляю и выскочить оттуда. Моя мать *реально* разозлилась.

Она сделала паузу, размышляя, прежде чем сказать. Это всегда добрый знак.

— Вот почему я стала приходить в ваш дом в прошлом году. Вот почему я ходила слушать Ямагату Роси. Мне хотелось побыть среди людей, которые не выглядят так, будто их похищали пришельцы. Я странная или как? Мне кажется, что я единственная здравомыслящая, а все остальные безумны или как будто я одна проснулась, а они все спят, но ведь думать таким образом — это по определению безумие.

Я вспомнил, как она во время своей страстной речи о серьезном отношении к себе сказала: «Я не хочу быть просто еще одной...», но не закончила мысль. Теперь я знал, что она хотела сказать. Коровой.

— Тебя это беспокоит? — спросил я.

— Ну, я много думаю об этом. Эта мысль всегда со мной. Мне нравится, что я больше не часть этого мира, что как-то я просто... выпала.

— Давай снова воспользуемся аналогией с кинотеатром, — сказал я. — Раньше я не упоминал об этом, но когда наш парень наконец освобождается от цепей и встает, вот первое, что он видит: кинотеатр заполнен другими людьми, людьми, которых он любит и о которых заботится, и их удерживают на месте такие же незамкнутые оковы, они наблюдают за теми же образами на экране, словно ничего, кроме них, больше не существует. Понимаешь?

— Понимаю.

— Что он делает?

Она отвечает без колебаний.

— Пытается помочь им. Ну, тормозит их. Проснитесь. Сбросьте цепи и посмотрите по сторонам. Смотрите, что на самом деле происходит.

— Ты так и делала?

— Ага, вроде того. Вот тогда-то меня и удивило, что ничего не получается. Пыталась поговорить с мамой, с некоторыми из друзей и даже с братом, но они все реагировали так, будто я чокнутая. *Вернись на землю, Джолин*, что-то вроде этого. Я перестала их доносить, потому что их это раздражало и они грубили, как будто защищались от чего-то.

— Надо быть немного осторожнее, Джолин. Люди не любят, когда кто-то трахает их версию реальности. Можно попробовать, если есть потребность излить душу, но будь готова к неприятным последствиям.

Она даже глазом не моргнула, когда я употребил грубое словечко. Я не избегаю сильных выражений, когда за этим стоит необходимость что-то подчеркнуть. В данном случае это необходимость научить ее избегать альтруистических позывов на раннем этапе путешествия.

К этому времени я лежал на спине с закрытыми глазами, впитывая солнечный свет.

— Так какая же разница между мистицизмом и просветлением? — спросил я ее.

Она помолчала. Прошло несколько минут, и я успел соскользнуть в легкую дремоту. Потом, к моему удивлению, она дала правильный ответ:

— Понятия не имею.

ГАРМОНИЯ СФЕР

*Просветление означает возвращение
к Божественному юмору,
к осознанию, что ни в чем нет нужды.*

— Мастер Да Авабхаса —

После душа я одеваюсь и размышляю, не спуститься ли мне вниз, чтобы захватить пару книг. У меня на уме эта тема с просветлением и мистицизмом, но прогулка вниз, поиск книг и возвращение наверх — не такое просто мероприятие, как кажется. Там внизу сейчас все в сборе — готовят еду, едят, общаются — и атмосфера довольно расслабленная. Но когда я спускаюсь, все живо меняется. Каждый останавливается, каждый переключается на более формальный стиль общения, потом я оказываюсь в центре внимания и все выжидающе смотрят на меня, а это уже чересчур, если ты просто спустился за книгами.

У нас огромная библиотека о духовности. На самом деле, их несколько. Основная расположена в гостиной, но по всему дому разбросано еще штук шесть. Вероятно, все вместе они включают в себя все издания, посвященные духовности и нью-эйджу, за последние сто лет, как и бесчисленные версии, переводы и толкования всех древних текстов. Практически каждый человек, приезжающий сюда с кратким визитом или надолго, считает своим долгом что-нибудь привезти с собой. Даже если они приходят просто позависать

здесь или выполнить какую-нибудь работу, они обычно чувствуют, что нельзя прийти с пустыми руками, и приносят подарки. Подарки на самом деле важная часть всего этого предприятия, как и работа, которую они здесь выполняют. Ученик не может приблизиться к учителю как попрошайка со шляпой в руке, который только берет. Должен произойти энергетический обмен. Не имеет значения, что я, скорее всего, никогда не увижу, что за дары они принесли, — важно, что принесли. Не имеет значения, что я не знаю, какую работу они выполняют, — важно, что они ее выполняют. Если бы вы надумали прийти к тибетскому ламе за его наставлениями, то естественно было бы начать с подношения ему шелкового шарфа. Не великолепного, не дорогого, не такого, чтобы лама кувыркался от радости. Просто шарфа. Одного из тысяч таких шарфов, что он получил за время своей карьеры мудреца.

Подлинный получатель подарка — сам дарящий. Это один из универсальных законов, который поддерживает всеобщее равновесие.

Я уже говорил, что остерегаюсь упоминать идею о гостевых домиках из-за опасений, что благонамеренные ученики рьяно примут это за проявление желания наставника. Это и правда вещи такого рода, что они легко могут выйти из-под контроля. Бывало, мне или этому дому подносили непомерно дорогие подарки, и все они были возвращены или переданы куда-то еще. Полагаю, у нас уже введено ограничение в пятнадцать долларов на подарок, а гостям мягко намекают, что лучше всего дарить книги или живые цветы.

Эта работа наставником может быть настоящей прогулкой по натянутому канату. Не имеет значения, что для пробужденного ума экстравагантные подарки — это просто жесты признания и приятия. Мы все видим мир через свои фильтры, поэтому жадность, испорченность и сексуальная невоздержанность ожидаемо проецируются на духовного наставника. Из этих

соображений я никогда не должен терять бдительность в отношении себя. Мне нельзя флиртовать с девушками, выражать восхищение красивыми машинами, делать случайные намеки на секс, наркотики и рок-н-ролл или рассказывать колоритные истории из времен моей юности.

Изначально я покупал этот дом в надежде зажить тихой, мирной, уединенной жизнью. Хотя смехотворность этого плана стала очевидной уже давным-давно, факт остается фактом: мне хочется иметь возможность жить здесь и дальше. Я не хочу, чтобы меня смыло отсюда на волне какого-нибудь отвратительного скандала, родившегося из местных слухов. И я, и эта группа странных людей, которые притягиваются ко мне, — чужие для этих краев. Мы пересадили сами себя в чей-то чужой сад, и, я думаю, нам важно оставаться дружелюбными, уважительными и принимающими небольшие меры предосторожности ради поддержания долговечной гармонии.

С другой стороны, я не стану плохо спать из-за подарков, репутации и всего такого. Все само о себе позаботится, а если нет, то позаботится Соная.

Так вот, в последнее время нам дарят все больше книги и живые цветы, а раньше это могло быть что угодно: фигурки индийских божеств, нефритовые украшения, растения, компакт-диски, ювелирные украшения, колоды Таро, картинки на стену, свечи, благовония, футболки, пища, вино, золотые рыбки, барабаны, шаманские приспособления для вызывания дождя, музыкальные инструменты австралийских аборигенов, китайские колокольчики, видео, сладости, свежая выпечка. Люди подносили мне или этому дому что угодно. Разумеется, никакого применения всему этому не находилось. Мы не смогли бы выставить напоказ каждую вещь, иначе это место превратилось бы в нью-эйджевскую лавочку со старьем. Мы бы не смогли ни съесть всю эту пищу, ни найти помещение для всех этих растений, ни надеть

на себя все эти аюрведические ожерелья, поэтому я предложил Сонайе решить проблему, распространив информацию, что тем, кто чувствует необходимость сделать подарок, следует ограничиться книгой или цветами. Конечно, это решило проблему лишь частично, потому что теперь мы получали десятки экземпляров любой книги, которая оказывалась в топе изданий, посвященных духовности. Будь я практичнее, то открыл бы перед домом маленький книжный магазин и цветочную лавку и продавал бы подарки сами дарителям, чтобы они могли прийти не с пустыми руками и обеспечить дальнейшие продажи.

Интересно, сколько экземпляров этой книги я получу в подарок? (*Шутка, ребята. Не надо.*)

Живые цветы — это хорошо, особенно зимой, когда наш собственный сад ничем таким не радует. Практически в каждой комнате дома всегда стоят свежие цветы, и это добавляет дому жизнелюбия, за что я постоянно чувствую признательность. Мы предпочитаем живые срезанные цветы растениям в горшках, потому что через неделю их можно выбросить. С растениями в горшках нам пришлось бы нянчиться несколько месяцев, пока они расцветут.

Прямо сейчас я занят поисками конкретного отрывка и, думаю, он обнаружится в одной из библиотек наверху. Я фанат трансперсональной психологии вообще и д-ра Станислава Грофа в частности. Я прохожусь по подборке его книг и довольно быстро нахожу главу, где описывается мистическое переживание, о котором я размышлял:

Это экстатическое состояние, характеризующееся исчезновением границ между субъектом и объективным миром, с последующим чувством единства с другими людьми, природой, всей Вселенной и Богом. В большинстве случаев этот опыт бессодержателен и сопровождается видениями бриллиантово-белого или

золотого света, радужными сполохами или замысловатыми узорами, напоминающими перья петушиного хвоста. Оно, однако, может быть связано и с архетипическими видениями богов или божественных персонажей из различных культур. ЛСД-субъекты по-разному описывают это состояние, основываясь на своем образовании и мировоззрении. Они говорят о космическом единстве, божественном трепете, космическом сознании, единстве с Богом, слиянии с Атман-Брахман, самадхи, сатори, мокше или о гармонии сфер.

Это лучшее описание такого переживания из всех, что мне попадались. Я забрал книгу, устроился с ней в своем большом уютном кресле в комнате с телевизором, включил лампу и продолжил читать.

Лично для меня отличие просветления от мистицизма не представляет особого интереса. Я точно знаю, что такое просветление, и имел достаточно близкое знакомство с мистицизмом. Проблема — вечная моя проблема — в том, как это выразить. Если бы мне не приходилось это объяснять, то я не тратил бы времени и не прилагал усилий, исследуя вопрос. А я потратил на это время. Я провел тысячи часов, уткнувшись носом в каждую духовную, нью-эйджевскую, метафизическую или эзотерическую книгу, которую вы сможете назвать, а также немногие религиозные и философские книги, используя все эти знания для подпитки неугасимого внутреннего пламени. Я помешался на этих штуках, когда это было нужно для моего путешествия, но теперь все позади и мой непреходящий интерес к теме продиктован лишь тем, что передо мной стоит трудная задача объяснить это другим людям. Я наслаждаюсь общением с умами, которые смогли лаконично выразить эти сумасшедшие противоречия. Тем паче, что их крайне немного.

Конечно, самадхи, описываемое Грофом, — самое прекрасное и глубокое переживание, которое только

может надеяться испытать человек, но в контексте духовного пробуждения оно вызывает второстепенный интерес. Я хотел бы справляться с этими двумя темам лучше для того, чтобы, как я уже говорил, иметь больше возможностей для исправления склонности идущих по «духовному пути» гнаться за одним и называть это другим. Каждый хочет сияния, блаженства и единства с божественным, и каждый, судя по всему, верит, что духовное просветление — это когда ты погрузился в божественное столько раз, что навсегда изменил свой духовный оттенок.

В 1975 году в «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» вышла статья под заголовком «Мы нация мистиков?», где рассказывалось об исследовании, согласно которому сорок процентов респондентов сообщили, что в разное время своей жизни испытывали чувство бытия, «очень близкого к мощной духовной силе, которая, казалось, вынимает их из самих себя». В заключении статьи говорилось, что «в американском обществе подобные мощные, всеподавляющие, неопишуемые переживания чрезвычайно распространены, почти повсеместны».

Это, безусловно, совпадает с моими собственными взглядами по этому вопросу. Если я чему-то и удивлен, так это столь низкому проценту сообщивших о переживании. Но даже если всего лишь сорок процентов американцев могут заявить о своих мистических переживаниях, о каком непреходящем трансформирующем воздействии этих переживаний можно говорить? Либо мы совершенно точно никакая *не* нация мистиков, либо трансформация, приписываемая встрече с божественным и/или преодолению эго, является мистической в какой-то малозначительной и не вызывающей никаких последствий степени, особенно с учетом того, что влияние переживания со временем проходит.

Мое мнение таково, что переживание единства подобно самому возвышенному музыкальному произведению, что только может услышать человек. Оно так

поднимает планку, что вся остальная музыка в сравнении с ней начинает отдавать жестью и дисгармонией, но в конце концов воспоминания о ней тают и обычная музыка снова занимает свое прежнее место в сердце слушателя. Что еще важнее, на мой взгляд, — мистическое переживание можно испытать только сейчас, но не в прошлом. Воспоминание о нем начинает гаснуть с того мгновения, как оно завершилось, и быстро приобретает те же качества, что и полузабытый сон. Человек может помнить, что у него было мистическое переживание, но память о нем лишь отдаленно напоминает само переживание, если напоминает вообще.

Я не собираюсь умалять трансформирующее воздействие мистического события. Нет никаких сомнений, что если все, что человек знает об огне, — это пляска света и теней на стене, то непосредственное восприятие ревущего пламени радикально преобразит его взгляды на реальность и свое место в ней.

Довольно! Я устал размышлять над этим. Слова — отстойное средство коммуникации, мозги не место для серьезных мыслей, и глупо пытаться описывать неопишуемые переживания. Я закрываю глаза и отпускаю все события дня с помощью очищающего дыхания, пока не чувствую свободу от всех ничтожных трудностей и огорчений, что приходят вместе с работой наставника. Открыв глаза, я вижу Сонайю, которая сидит в другом удобном кресле. Она улыбается. Плохой знак.

— У тебя завтра встреча, — сообщает она мне. Теперь она у меня секретарша. — Завтра в одиннадцать часов тебе нужно быть в Айова-сити у лодочной станции на реке, чтобы встретиться...

— С моим связным из КГБ?

— ... с Джули Мейерс, которая возьмет у тебя интервью...

— Интервью у меня?

— ... для своего нью-эйджевского журнала.

— Интервью? Какое интервью? С каких пор я даю

интервью? С каких пор кто-то хочет взять у меня интервью? Зачем?..

Но Соня уже ушла.

ВЫ БЫ МЕНЯ УБИЛИ?

*Если бы в аду я мог держаться
за единственный твой локон,
То удел святых в раю
казался бы мне пыткой.*

— Руми —

Я делаю, как велено. На следующий день преодолёваю двадцатиминутный путь до Айова-Сити на машине с закрепленным на багажнике велосипедом. Приехав почти на час раньше назначенного времени, паркуюсь в нескольких кварталах от студенческого городка и привожу в порядок велосипед. Айова-Сити отличное место для велосипедных прогулок, и великолепная погода заодно со мной. Накатывают темные облака, и далекий гром раскатисто предвещает приближение чего-то приятного.

Сегодня суббота, и в студенческом городке тише, чем в центре, так что я энергично и весело наяриваю вокруг и между зданий, в которых некогда размещались правительственные учреждения, пока их не вывели в город Де-Мойн, а старые здания и земли тем временем приобрел университет. На травке дремлют или читают редкие студенты, в самом разгаре редкие баскетбольные матчи, но серое небо и приближающаяся непогода вроде бы удерживают большую часть людей под крышей, так что в моем распоряжении широкие тротуары и возможность кататься по большей

части беспрепятственно.

Закладывая лихие виражи по аллеям высшего образования с одним-единственным опасным моментом, в котором участвовали человек на роликах и собака, преследующая фризби, я замечаю, что до одиннадцати осталась пара минут, так что приходится свернуть на крутую дорожку, которая ныряет прямо в долину у реки, где я едва успеваю свернуть направо, чтобы остаться сухим, и следую с четверть мили по набережной до пешеходного моста, который стремительно проскакиваю, за чем следует серия трудных левых поворотов и несколько еще более трудных попыток затормозить на спуске к лодкам, и в итоге в воде оказывается только переднее колесо. Я прибываю к лодочной станции ровно в одиннадцать.

— Как раз вовремя, — замечает Джули. — Точность — вежливость королей.

— Вежливость королей — мое второе имя, — отвечаю я.

— Вы врете.

— Это ложь через умолчание. Мое полное имя — Джед Надежда-Народов Тема-Для-Поэтов Вежливость-Королей МакКенна. Моя мать думала, что такое многообещающее имя заставит меня добиваться успеха.

— И помогло?

— Пока рано говорить.

— Знаете, лучше бы вам не лгать мне.

— Я бы ни за что вам не солгал.

— Правда?

— Нет, не правда.

— Так вы бы мне солгали?

— Вы танцуете на самом краю одной интересной темы.

— Да ну? И как я могла бы срезать путь прямо к теме...?

— Просто сделайте это вопросом жизни и смерти. Вместо того, чтобы спрашивать, стану ли я привирать

или украду ли ваш рецепт вишневого фламбе...

— Вы бы убили меня?

— Именно.

— Ладно, так убили бы? Убили бы меня?

— Конечно.

— При каких обстоятельствах?

— При любых обстоятельствах, которые потребовали бы от меня убить вас, разумеется. Но видите? Вот мы уже переходим к небольшому толкованию теории правильного действия и при этом еще даже как следует не представились... Так вы Джули!

— Да.

— Мы встречались в доме.

— Да.

— Я видел вас там несколько раз.

— Я побывала там пять или шесть раз, дважды провела целый день.

— Соная дала вам задание?

— О да. Один раз мы разбирали на части кухню и расчищали, пока не остались одни половицы. И один день я провела в помещении для пересадки растений в подвале, подготавливая саженцы.

— Это очень интересно.

— Интересно?

— Да. Я не знал, что у нас есть помещение для пересадки растений. Надо будет заглянуть туда.

— Правда?

— Нет, не правда. Я снова соврал.

— Вы много врете.

— Я просто хотел избавиться от лжи перед началом интервью.

— Значит, вы не настолько пунктуальны, как думаете, потому что интервью началось двадцать строк этого блистательного диалога назад.

— Вот оно что.

Лодочная станция — это давно заброшенный каменный домик между набережной и рекой. Со стороны

реки есть крытое крыльцо и бетонный спуск, ведущий к воде. Опустевшая лодочная станция годами стоит закрытая на замок и постепенно приходит в упадок, но это одно из лучших трех мест в Айова-сити для наблюдения за грозами.

Джули довольно хороша собой — стройная и высокая длинноволосая шатенка, и, я уверен, она этим много раз пользовалась, чтобы без труда разговорить своих беспечных интервьюируемых. Она спрашивает, можно ли ей называть меня Джедом, и я отвечаю, что можно. Она прикрепляет к моей майке микрофончик и подсоединяет его к диктофону, который я буду носить в кармане. В ходе всего интервью при каждом своем вопросе Джули будет наклоняться ко мне и говорить прямо мне в шею.

Я прогуливаюсь с велосипедом вокруг крытого крыльца и прислоняю его к стене здания. Жестом предлагаю Джули присесть на опоясывающую крыльцо низкую стеночку и сажусь рядом.

— Итак, что вы делали в доме?

— Говорила с людьми о вас.

— Узнали что-нибудь интересное?

— У Сонайи нашлось несколько замечательных историй.

— Сонайя неисправимая лгунья. Боюсь, я не могу доверять вашему журналистскому инстинкту, если вы этого не смогли увидеть.

— Сонайя так же неспособна врать, как я пить воду из этой реки.

— На самом деле, она способна. Вообще говоря, я могу поручиться, что она бы вас тоже убила. Есть история о Господе Кришне и его женах, спутницах или кто там они были...

— Непохоже, что вы действительно знаете эту историю.

— Ну, я не индуист и не слишком часто говорю притчами, так что вам придется отнестись ко мне

с пониманием. Итак, у Кришны разболелась голова и единственным способом принести ему облегчение было бы наступить на нее, поэтому он просил каждую из этих в высшей степени преданных ему женщин постоять у него на голове ради облегчения боли, но их возмутила сама эта идея. Они решили, что это испытание и что коснувшись стопой головы их Господа они навеки попадут в ад, и поэтому все отвернулись от него, за исключением последней жены, которую, вроде бы, а может быть и нет, звали Радха. Если вы соберетесь использовать эту притчу, то, я надеюсь, изложенные факты будут перепроверены, чтобы я не выглядел глупо, или, как минимум, вы не позволите мне оскорбить миллиард индуистов.

— У меня читателей будет поменьше миллиарда.

— Итак, Радха согласилась сделать это, и все остальные женщины были потрясены, что она оказалась способна на такой ужасный поступок — поставить свою ногу на голову Господа, что считалось бы смертным грехом самой тягчайшей природы.

— И?

— А Радха просто сказала им, что она будет рада провести вечность в аду, лишь бы даровать своему Господу минуту облегчения.

— Вот... дерьмо.

— Ага.

— Так Соная..?

— Абсолютная преданность.

— Это самая прекрасная вещь, что я слышала.

— Угу. Вот с чем мне приходится мириться.

— Вы же не имеете в виду, что она, ну, знаете, или вы говорите...? Преданность вам?

— Нет, конечно. Кришне. Это все ради Кришны. Она бы и меня выпотрошила, как рыбу, если бы подумала, что это его позабавит.

— Абсурд какой-то. Я не буду это печатать.

— Благодарю вас.

Гроза уже прямо над нами, но дождя еще нет. Молнии сверкают у нас слева, а гром как будто рукоплещет нам прямо сверху. Затем на наших глазах возникает завеса дождя, которая начинает двигаться вниз по реке в нашу сторону, а уже через секунду мы оказываемся посреди ливня и можем наблюдать, как дождевой фронт уходит вдаль справа от нас. Другие две площадки для наблюдения за грозами расположены намного выше и дают лучший обзор, но оставаться в укрытии на уютном и сухом крыльце лодочной станции с видом на реку, да еще в компании приятной молодой леди — само блаженство.

— Еще я говорила с несколькими вашими учениками, — говорит Джули.

— Разумеется, они все отзывались обо мне в самых превосходных выражениях.

— Вообще говоря, да, хотя многие из них никогда даже не говорили с вами.

— Ага... Я не стану притворяться, что понимаю много из того, что там происходит. Люди приходят по каким-то собственным причинам. Я знаю, что все идет в точности, как надо, я просто не знаю как и почему.

Она сверилась со своими записями и задала следующий вопрос, вероятно, предназначенный для того, чтобы сломать лед между нами:

— Случались ли в вашей практике учителя такие моменты, когда вы оказывались сбиты с толку, или такого не было?

— Ну, был у меня один парень, который совершенно увяз в грязи. Даже близко ничего интересного, просто барахтался в подробностях своей жизни. Семейные проблемы, проблемы с деньгами, проблемы со здоровьем и так далее. Не мог ни выбраться из этого, ни подняться над этим. Я хотел его как-то воодушевить, чтобы он попробовал усвоить более широкий взгляд, более широкий контекст, в котором можно наблюдать за своим существованием, поэтому я велел ему сделать

вид, будто он только что узнал о своей завтрашней смерти, и потом взглянуть на все свои проблемы с этой точки зрения.

— Звучит очень впечатляюще. Могу себе представить, как это помогло бы увидеть чьи-то повседневные проблемы в более широкой перспективе.

— Ага, — ответил я несколько смущенно, — Билли Джек тоже.

Она разражается хохотом:

— Правда? Вы это взяли из фильма «Билли Джек»?

— Ага. Я его видел, когда мне было лет десять, и эта штука с завтрашней смертью стала для меня, вероятно, первым глубоко тронувшим меня откровением. Я имею в виду, что в этом совете нет ничего дурного, но я пожалел, что дал его, как только произнес. Я боялся, что меня разоблачат как мошенника, который ходит тут и повторяет мудрости из фильмов про кунг-фу.

— А какое было второе глубокое откровение?

— Не знаю, возможно, *cogito — cogito ergo sum*. На это я потратил много времени — годы, правда. Если дерево падает в лесу и все такое.

— Все какое? Вы имеете в виду дзэнский коан? Если дерево падает в лесу и нет никого, кто бы мог это услышать, то есть ли звук падения?

— Именно это.

— А какое это имеет отношение к «мыслию, следовательно, существую»?

— Ну, обе эти вещи по сути солипсические. Дерево в лесу — не коан, потому что здесь есть конкретный ответ...

— Какой же?

— Да.

— Да ну! Что ж, я уверена, что сотня поколений наших величайших мыслителей будет признательна...

Я рассмеялся.

— Ответ да, потому что ответ содержится в самом вопросе. Вопрос утверждает, что о существовании дерева

и леса известно даже без наблюдателя, поэтому из этого естественно следует, что любой звук там существует, даже не будучи услышанным.

— Больше похоже на то, что вы нашли прореху в вопросе.

— Скорее, червоточину, ведущую к более глубокому вопросу. Что мы знаем наверняка? Вот настоящий вопрос. Вот что такое cogito. Вот что такое солипсизм. Это не теория. Это не верование или вера. Это основной факт бытия. Это попытка точно выяснить, что мы знает несомненно в противоположность всему остальному. Поистине удивительно, что предмет, видимый невооруженным глазом и неоспоримый, повсеместно игнорируется наукой, философией и религией.

— И это, что..?

— Что мы не знаем ничего — *не можем* ничего знать.

— Можете дать определение этого «ничего».

— Солипсизм определяется как верование, что единственная вещь, которую мы знаем наверняка, — это то, что мы существуем, и что любое другое истинное знание невозможно. Но, как я уже говорил, на самом деле это не верование. Просто так все и есть.

— Итак, я знаю, что я сижу здесь, но...

— Не так. Вы знаете, что вы есть. Тело, планета, пространство, время, люди, все остальное принимается на веру.

— Так я не сижу здесь?

— Нет, этого вы тоже не знаете. Все это не означает, что то, что кажется существующим, не существует, просто это невозможно проверить. Вы можете сказать, что высока *вероятность*, что вы сидите здесь, но это и не истина. Нет никакой особой вероятности, что ваше восприятие реальности основано на реальности.

— Черт, это слегка жутковато. Я вижу, вы не обычный духовный учитель, говорящий о высших состояниях сознания и более глубоких состояниях любви.

— Да. Туда я не суюсь. Я больше по части истины.

Ваш журнал такие темы не слишком часто затрагивает?

— По правде говоря, да, мы обычно пишем о набирающих популярность наставниках и ченнелинговых сущностях, пророчествах, йоге и прочем в этом духе.

— И о тантре.

— О да, — смеется она. — Тантра делает продажи.

— Что ж, мы коснулись правильного действия, солипсизма, бхакти-йоги а-ля Соная и Билли Джека, — говорю я, но меня прерывают вспышки молний через все небо над зданиями на том берегу и в одно мгновение и без того сильный ливень становится вдвое сильнее. Молотящие по воде капли дождя придают обычно медлительной реке вид бурного потока, который замечательно смотрится в паре с беснующимся небом. Некоторое время мы сидим молча и просто наслаждаемся представлением.

— Что дальше? — спрашиваю я, когда гроза немного стихает.

— Ладно, — говорит она, просматривая свои записи, а затем наклоняется к микрофону у меня на воротнике, чтобы задать вопрос:

— Вы просветленный, но ведь у вас со всей очевидностью есть эго. Нет ли тут противоречия? Разве для достижения нирваны эго не должно быть уничтожено?

— Ооооо, — воркую я с признательностью. — Хороший вопрос. И то и другое верно. Да, у меня есть эго и оно похоже на то, которое я сбросил, чтобы, как вы сказали, достичь нирваны. Но потом я вернулся весь такой просветленный и мне нужно было что-то надеть. Я посмотрел вокруг и увидел свое списанное эго в куче хлама на полу. Я просто скользнул в него, и вот я есть.

На этой теме заикливается много учеников и искателей, и на самом деле здесь нет удовлетворительного ответа, не считая совета: «Пойди и сам посмотри». Рамана Махарши так говорил об этом: «"Я" отбрасывает иллюзию "я" и все еще остается этим "я". Таков

парадокс самоосознания. Осознавший не видит в этом противоречия». *Неосознавший видит* противоречие, но, откровенно говоря, неосознавший видит много из того, чего нет.

Я продолжаю отвечать на вопрос Джули:

— Вероятно, вы слышали высказывание: «До просветления гора это гора, во время просветления гора не гора, а после просветления гора это снова гора». Что ж, так и есть. До просветления я верил, что мое эго это я, потом приходит просветление и эго больше нет, есть лишь лежащая в основе реальность. И вот после просветления эго может быть слегка неудобным, натирает временами, но это все, что у меня есть. Идея, что эго разрушается в процессе просветления относительно правильна, но не совсем. До просветления — вы человек в этом мире, как и все остальные, кого вы видите. Во время просветления вы осознаете, что человек, которого вы считали собой, — просто персонаж в пьесе и что мир, в котором, как вам казалось, вы живете, — просто сцена, и вы проходите через процесс радикальной разборки своего персонажа, чтобы увидеть, что останется, когда его не будет. В итоге это не просветленное я или истинное я, а не-я. Когда все конечно, приходит время снова быть человеком в мире, и это означает забраться обратно в костюм и вернуться на сцену.

— Но теперь вы знаете..?

— Конечно, потому что теперь вы действительно среди публики, смотрите драму. Я бы больше никогда не перепутал пьесу с реальностью или мой персонаж с моим истинным состоянием. К счастью, я никогда не знаю, что собирается сделать или сказать мой персонаж, пока он не сделает или не скажет, так что все представление остается интересным.

— Мне тут видится еще много противоречий. В-первых, мы ничего не можем знать...

— Это все противоречия. Уитмен сказал:

«Я противоречу себе? Ну что же, значит, я противоречу себе. Я широк, я вмещаю в себе множество разных людей». Он говорил о характерной проблеме всех подобных рассуждений. Когда ты не можешь ничего знать, это просто начальная точка исследования, ты как будто берешься за рукоятку коробки передач, прежде чем отправиться в долгое путешествие. Если ты собираешься странствовать ради самоисследования, то тебе захочется начать со слов: «Ладно, что я знаю наверняка? Что абсолютно достоверно?» Это и есть *сogito*. Жаль, мы не можем развести костер.

— А? Костер?

— Ага, прямо здесь, на террасе. Маленький очаг, бутылка вина, эта гроза. Правда приятный момент. Такое ощущение, что мы зря тратим его на всякую болтовню.

И мы еще некоторое время сидели молча, любуясь грозой. Хороших зрителей бурь легко отличить — они счастливы. Без всяких сознательных усилий они всегда смотрят в правильное время в правильном направлении. Им не приходится крутить головой, приговаривая: «Черт, я пропустил отличный разряд молнии», — потому что они смотрят куда надо, когда это происходит. Джейн Робертс сказала, что чудеса это естественная беспрепятственность — хороший способ сказать, что если ты уберешь руки с штурвала, судно будет управляться само и сделает это куда лучше, чем смог бы ты сам. У Джули, кажется, есть эта способность расслабиться в моменте и позволить вселенной управлять происходящим.

Если в жизни и есть секрет счастья, то я бы сказал, что это как раз он.

ОТКРЫТОЕ НЕБО

*Если тебя не изумляет, каким наивным ты был вчера,
ты все еще стоишь на месте.*

*Если тебя не ужасает следующий шаг,
твои глаза закрыты.*

*Если ты еще стоишь на месте и твои глаза закрыты,
то тебе просто снится, что ты проснулся.*

Птице в клетке посреди бескрайнего неба.

— Джед МакКенна —

**МОЙ ЗНАК — НЕ ИМЕТЬ
И НЕ ДАВАТЬ ЗНАКОВ**

*Место моего рождения — безместность,
мой знак — не иметь и не давать знаков.
Ты говоришь, что видишь
мои губы, уши, глаза, нос — они не мои.*

*Я жизнь жизни.
Я та кошка, этот камень, никто.
Я отшвырнул двойственность,
как старый пыльный коврик,
я вижу и знаю все времена и миры,
Как одно, одно, всегда одно.*

— Руми —

Гроза утихает, и мы решаем, что за труды с интервью нам положено поесть. Она хочет, чтобы мы поели за счет журнала, но я вежливо спрашиваю, можно ли мне самому расплатиться и она соглашается. Вместе с велосипедом мы идем по мосту над взбухшей грязной рекой и направляемся в центр города, где расположено несколько хороших ресторанов на выбор.

— Можем продолжить интервью? — спрашивает она.

— Конечно, — говорю я.

— Можем мы на минутку вернуться к тому месту, где говорилось о правильном действии?

— Конечно.

— Понятие «правильное действие» широко используется в духовных кругах. Это одна из ступеней на буддистском восьмеричном пути, но я не думаю, что вы имеете в виду правила воздержания. Правильное действие звучит как понятие, имеющее отношение к какой-то высшей нравственности, ориентированной на сердце, но у вас оно звучит очень своеобразно, и, я полагаю, речь не о нравственности, раз вы допускаете убийство.

— Вы знаете, что такое агапэ?

— Да, это высшая форма любви. Божественная любовь.

— Ага, вот так все и думают, но это не верно. Это одна из тех вещей, которые нельзя понять, пока не попытаешь напрямую. Любовь, какая нам известна, похожа на тень агапэ — как свет свечи, мерцающий на стене, но не само пламя. В своем источнике это совсем другое, но любовь — это ближайшее представление об агапэ из всех, что нам доступны, и именно поэтому агапэ переводится как любовь. То же самое с правильным действием. Нравственность — это всего лишь тень правильного действия. Правильное действие не является высшей степенью нравственности, как агапэ высшей степенью любви. Когда вы понимаете и способны действовать правильно, нравственность больше не нужна — она мгновенно устаревает и отбрасывается. Это лежит в сердце «Бхагавадгиты». Арджуна, как нравственное существо, роняет оружие и отказывается начинать сражение. Кришна обращает его в существо правильного действия, освободив его от заблуждения, и Арджуна поднимает свое оружие и начинает войну. Правильное действие не имеет ничего общего с правильным и неправильным, добром и злом, дурным и хорошим. В нем нет альтруизма или сострадания. Нравственность — это набор правил и установлений, которые используются для навигации по жизни, когда вы все еще пытаетесь крутить штурвал, вместо

того чтобы позволить ему следовать потоку.

— Охренть можно.

Я смеюсь.

— Можно. Дао говорит: «Когда великое дао забыто, появляются доброта и нравственность». Вот что это значит.

— Охренть.

— Потом вы этим ртом свою маму целуете?

— Так, ладно, значит, ваш персонаж на сцене...

— ... и исполняет свою роль. Он видит, как к нему течет будущее, и движется вместе с ним. Он не останавливается, чтобы свериться с чьими-то сводами правил.

— И если поток велит начать войну...?

— Само собой. Ты начинаешь войну.

Она медлит, размышляя.

— Думаю, я так и делаю иногда, в потоке, но не всегда, не в значительных вещах. Думаю, что я бы побоялась обходиться без нравственности.

— Это абсолютно естественно. Это доверие, которое развивается постепенно, по мере того, как вы учитесь отказываться от иллюзии контроля.

— Это то, что делают люди вроде Сонайи или, ну, знаете, глубоко верующие люди?

— Безусловно. В сущности, акт веры во что-то другое, нежели вы сами, позволяет отпустить штурвал — сдать. Какова бы ни была причина сделать это, какое бы имя вы ни дали этой новой направляющей силе, это становится весьма положительной переменной, потому что управление берет на себя бесконечный и безошибочный разум вселенной.

— Значит, утвердившиеся во Христе..?

— Верно. Они отказались от иллюзии контроля. Неважно, почему они это сделали, важно, что сделали. Это точка отсчета и основа учения всех основных религий. Христиане говорят: «Не чего я хочу, а чего Ты». Индуисты говорят: «Брахма — возница». Мусульмане говорят: «Такова воля Аллаха». Это все одно и то же.

Страх и эго — другими словами, невежество — удерживают вашу руку на штурвале. Отпустите штурвал по какой угодно причине, и управление само о себе позаботится.

— Значит, когда люди говорят «сбиться с пути»...

— Они просто видят местность с самого низкого уровня. У них нет большей картинки. Возвращение — это движение дао. Все пребывает в постоянном процессе возвращения к своему истинному состоянию. Чтобы действительно «сбиться с пути», нужно быть вне сознания. А такого места не существует.

Джули говорит, что хотела бы съесть на завтрак сэндвич с шампиньонами, поэтому мы сворачиваем к продуктовому магазину, где делают сэндвичи на вынос. Я паркую велосипед, мы входим, делаем заказ и пару минут листаем журналы, пока готовится наша еда. Я выбираю экземпляр журнала о просветлении. С обложки задают вопрос: «Что значит быть в мире, но не от мира?»

— Итак, — говорит Джули, заглядывая мне через плечо, — что же это значит?

Я небрежно пролистываю номер, и мои подозрения подтверждаются. В сущности, это переформулированный вопрос: «Как можно вести духовную жизнь в материальном мире?»

— По мнению редакции, это значит: «Как можно иметь пирожное и одновременно съесть его?»

— Что, очевидно, невозможно, верно?

— По их мнению, возможно.

△ △ △

Это вопрос из разряда «домовладелец или отшельник»¹. Любой желающий упаковать просветление для

¹ Два кармических пути согласно индуистским священным писаниям. — Прим. перев.

массового потребления должен сначала создать иллюзию, что оно не вызовет затруднений для покупателей. Возможно, это правда, что цена истины — все, но не истина вносит оплату в кассу. В коммерческой модели цена истины — это то, что ты можешь себе позволить без особых усилий.

Журнал, который я держу в руках, собрал вместе целый ряд духовных светил, чтобы они блеснули умом, ответив: в миру. Разумеется, им приходится так отвечать, коль скоро они надеются убедить искренних и неглупых читателей, что абсурд — это истина, а то, что очевидно, — ложь. Возможно, это звучит как что-то невозможное, но редакторы и маркетологи знают, что люди купят что угодно, если правильно это упаковать. Религиозная архитектура — устремленный ввысь памятник этой истине.

Я не наивен в таких вещах. Я знаю, что издатели книг и журналов не имеют отношения к просветлению. Они имеют отношение к продаже книг и журналов, а не истины, и знают, что искатели с радостью заплатят за то, чтобы их убедили в возможности пробудиться, не просыпаясь, и неважно, что там твердит здравый смысл. Таково положение дел в сфере нынешнего духовного книгоиздательства, нынешней духовности, и причиной тому, в конечном счете, желание эго выжить.

Я провел немало времени в книжных магазинах и букинистических лавках, прочесывал интернет, пролистывал журналы, вечно искал кого-нибудь, кто говорит правильные вещи, кто может рассказать о состоянии просветленности и, что еще интереснее, о процессе просветления. Разумеется, когда речь заходит о просветлении, сказанное ограничивается объяснениями, чем оно не является, потому что нельзя сказать, что это такое. На каждые несколько сотен публикаций, которые претендуют на то, что им есть что сказать по этому предмету, возможно, лишь одно говорит что-то веское, и на каждые несколько сотен духовных пастырей,

пасущих свою приукрашенное стадо где-то высоко в горах, возможно, лишь один ведет их к обрыву и в реальность.

Это я не к тому, что все духовные пастыри непроясненные. Следуя тому же безрассудному побуждению попробовать выразить то, что я знаю, пробужденный человек в редких случаях может стать духовным наставником. Но когда это происходит, он никогда не ведет к просветлению. Откуда я знаю? Я знаю, что ни один духовный наставник *не* ведет к просветлению, потому что к просветлению *нельзя* провести. Не существует *обучения* просветлению. Следовательно, итог, который мы видим повсюду, неизбежен — все выказывают интерес к гуру, становятся духовнее и духовнее, но никто не пробуждается.

Что касается учений без наставников, то можно обратить внимание на дзэн или адвайту, но соблюдая при этом осторожность, чтобы избежать туристических ловушек, в которых можно провести годы, если не всю жизнь, гуляя по кругу. Например, Рамана Махарши рекомендовал проводить исследование «Кто я?», чтобы с его помощью бурить насквозь все слои эго и заблуждений. Но этот процесс самоисследования сам погряз в слоях эго и заблуждений, будучи переупакованным для массового потребления. Ученики Раманы стали наставниками, их ученики стали наставниками, и бриллиант в самом сердце его учения — процесс самоисследования — стал приманкой в многочисленных ловушках из разряда «подмани и подмени». Соблазненные простотой и непосредственностью самоисследования, люди оказались втянуты в трясину наставников и учений, гуру и болтовни, эго и заблуждений, и непохоже, что из этого можно быстро выкарабкаться.

Четыре слова: «Спроси себя: "Кто я?"». Четыре слова, которые с избытком представляют все остальные слова, в том числе слова Раманы Махарши. Четыре слова,

не требующие объяснений, дополнений, прояснений. Четыре слова, которые даруют уверенность в себе и самоопределение. Но никто на самом деле не хочет совершенного духовного учения, которое помещается на спичечном коробке. Никто на самом деле не хочет обрести уверенность в себе. Что это за механизм, который искажает и раздувает такую простую вещь, как самоисследование, до полной неузнаваемости?

Эго. Это *всегда* эго.

Основополагающее противоречие в духовном исследовании заключается в том, что эго *жаждет* духовного просветления, но оно не может *достичь* просветления. Я не может достичь не-я. Вот почему всякий, кто хочет продать просветление, сперва должен уменьшить его до разумных пропорций — таких, чтобы эго *могло* с ним справиться. Просветление низкокалорийное — меньше калорий, отличный вкус.

Основополагающее противоречие может быть разрешено только изменением уравнения. Да, это мощенничество, но всех это устраивает. Духовное просветление переопределяется как нечто такое, чего может достичь эго, и теперь, ко всеобщему удовлетворению, уравнение работает. Эго занимается благородным поиском, а процветающая духовная индустрия продолжает процветать. Разумеется, священный Грааль никому не достается, но с пониманием основополагающего противоречия становится ясно, что никто и не хотел его обрести.

Поиск Грааля имеет отношение к поиску, а не к Граалю.

△ △ △

Послушай!

Вот что тебе нужно знать, чтобы стать просветленным: *сядь, заткнись и спрашивай себя, что есть истина, пока не узнаешь.*

И все. Вот это и есть полное учение о просветлении, полноценная практика. Если у тебя возникают вопросы или проблемы — неважно, какие это вопросы или проблемы — ответ всегда в точности тот же самый: *сядь, заткнись, и спрашивай себя, что есть истина, пока не узнаешь.*

Другими словами, иди прыгни со обрыва.

Не ходи рядом с обрывом и не размышляй о прыжке. Не читай книгу о прыжках с обрыва. не изучай искусство и науку прыжков. Не ходи в группу поддержки желающих прыгнуть. Не пиши стихов о прыгании. Не донимай того, кто прыгнул.

Просто прыгни.

^ ^ ^

Я возвращаюсь к вопросу Джули о журнале с обложкой «в миру, но не от мира».

— Мы уже говорили об этом, — отвечаю я ей. — Это означает, что ты играешь роль на сцене, но не путаешь свою роль с собой или сцену с реальностью. То есть ты знаешь, что играешь персонажа в постановке на сцене. Или вот другая аналогия — это похоже на осознанный сон. Ты достигаешь нормального пробужденного состояния во сне, так что оказываешься во сне, но не от сна.

— Сомневаюсь, что в журнале они это имели в виду, — говорит она.

— Неважно, — отвечаю я. — В понимании нет никакой выгоды. Либо ты с этим знаком, потому что это твоя реальность, либо не знаком, потому что не твоя реальность.

Я перелистываю журнал и вижу сплошную рекламу книг, учителей и товаров: порнографическое глумление над человеческим желанием знать истину, торговля в храме.

— Что бы сказали об этом в вашем

журнале? — спрашиваю я Джули.

— Как быть домовладельцем и отшельником одновременно, при том что это невозможно, так?

— Если вы имеете в виду, можно ли провернуть такую сделку с просветлением — пробудиться без пробуждения, то ответ — нет. Если вы имеете в виду жить духовной, сострадательной жизнью и вместе с тем растить детей, иметь дом, вкладываться в акции, делать карьеру и все такое, то, наверное, ответ — да, но это, по правде говоря, не мое.

Называют наше кодовое имя Беатрис, значит, наши сэндвичи готовы.

— Что вы думаете о людях? — спрашивает Джули.

Я слегка удивлен ее вопросом и просто смотрю на нее, приоткрыв рот.

— Ээээ...

— Вам не обязательно отвечать прямо сейчас, — говорит она. — Просто подумайте и, может быть, мы сможем поговорить об этом, пока едим.

— Хм... ладно.

В заведении не сидячих мест, так что я захватываю дополнительный пластиковый пакет и мы устраиваемся неподалеку за столиком для пикников, а пакеты кладем под себя, чтобы не замочить пятую точку. Я заказал сэндвич с ростбифом, и моя плотоядность удивляет Джули, бросающую на меня вопросительные взгляды. С деревьев на нас немного капает, но нам, кажется, все равно.

— Я смотрю на людей так же, как вампиры.

Джули поперхнулась.

— Как на еду? — спрашивает она с полным ртом.

— Ах да, извините. Нет, не как на еду. В вампирской аналогии есть недочеты. Я забыл о кровососании.

— Думаю, что это довольно значительная часть аналогии. И как же вампиры смотрят на людей?

— Как на нецелостных. Полуживых. Полупробужденных. Способных к пробуждению, но

не пробужденных.

— Вроде зомби?

— Не знаю, мне кажется, это уже слишком. С другой стороны, я смотрю на свою жизнь до просветления и зомби уже не выглядят так ужасно. Как будто я ходил во сне или как будто был живым, но не присутствовал при этом. Звучит, как что-то замшелое, но уж таким оно было. Давайте снова воспользуемся аналогией с осознанным сновидением. Проснувшись внутри сна, какими бы вы видели других людей во сне? Насколько серьезно вы относились бы к происходящему?

Она жевала очень медленно. Думаю, она задумалась. Я вернул к аналогии со сценой.

— Представьте, что вы в зрительном зале, смотрите пьесу и медленно начинаете осознавать, что актеры не знают, что они актеры. Они думают, что они обычные люди, живущие своей обычной жизнью, и не сознают, что разыгрывают представление на сцене. Вы бы никогда даже не поверили, что подобное возможно, если бы сами не выступали там когда-то, веря в то же самое.

— Это было бы довольно странно, — соглашается она. — Итак, вы сидите здесь, рядом со мной, и мы оба на сцене, и с вашей точки зрения вы вроде как сидите с..? Вот это да! Вот почему вы почувствовали себя неловко, услышав этот вопрос. Вы не хотели называть меня зомби! Это так мило!

Я подарил ей свою фирменную смущенную ухмылку.

— Не знаю, может быть. Мне не трудно отвечать на любой вопрос со всей честностью и тщательностью, на какие я способен, — это мой конек, — но это попросту не всегда возможно. Если я скажу, что вижу людей полусонными, или — как говорится в «Дао дэ цзин» — соломенными чучелами, это даже близко не ответит на большие вопросы: кто я, что такое сцена и что делают другие персонажи. Так что да, для меня не пробужденные люди на самом деле вроде как не присутствуют, но если задуматься, то в этом и заключается

предназначение этого места. Какой, черт возьми, смысл быть просветленным на этой планете? Что может быть нелепее, чем сидеть в зрительном зале, где идет драматическое событие, устроенное исключительно для развлечения разыгрывающих его. Ну правда, если на кого-то за этим столом и нельзя положиться в каком бы то ни было смысле, так это на меня, потому что я тот, кто раздраженно сошел со сцены со словами: «Я не хочу больше играть».

— Черт, — говорит она.

— Что ж, это на самом деле только начало. Разница между нами не в том, что я просветленный, а вы нет. Разница между нами в том, что я знаю это, а вы нет. Я обладаю бессамостным сознанием, а вы нет. Понимаю, что это начинает звучать, как речь гуру, но это простая истина. Истина одинакова для нас обоих. Я не достиг лучшего положения, чем вы. Когда говорят, что поиск просветления похож на попытки рыбы в океане найти воду, это именно то, что имеется в виду. Одна рыба может знать, а другая может не знать, но они обе плавают в океане воды и всегда плавали.

— Черт, — говорит она.

Какое-то время едим молча. Насколько я помню, мне уже давно не доводилось говорить так много одним залпом, и я начинаю уставать от собственной варварской болтовни. Покончив с едой, мы прибираем за собой и отправляемся прогуляться к холму в стороне от города, где расположен маленький парк.

— Я думаю об этом театре ваших... — говорит она и не заканчивает мысль.

— Да?

— Это же не о «высшем я» вы сейчас говорите, верно? Вы не говорите...

— Я понял. Нет. Это не имеет ничего общего с иерархией душ, разными планами сознания, высшим или низшим я и всяким таким. С моего места в зрительном зале, который я описываю, каждый стоит на сцене,

будь они в теле или не в теле, на физическом плане, на астральном или на плане Будды, каком угодно. Все это просто более широкие измерения того же драматического события.

— Значит, если я мгновенно стану просветленной, прямо сейчас, просто вдруг...

— Что, несмотря на многочисленные уверения в обратном, не может произойти, но продолжайте.

— Многие люди говорят, что это происходит.

— Многие люди говорят многие вещи. Я уверен, что они верят в это.

— А вы нет?

— Я не действую на уровне верований. Я мог бы *предположить*, что на земле в любой момент существует не более пятидесяти осознавших истину, а также я мог бы *допустить*, что у большинства из них достаточно здравого смысла, чтобы держать рот на замке, но вот что я *знаю*, так это то, что ни один из них не осознал истину иначе, нежели посредством медленного и мучительного процесса самоуничтожения.

— Что насчет все этих наставников и гуру, которые говорят..?

— Когда кто-то утверждает, что стал просветленным в один миг, он, вероятно, говорит о трансформации, которая происходит благодаря трансцендентальному переживанию — опыту мистического единства или какой-то его вариации. Это мощный опыт, и он может быть чрезвычайно трансформирующим, но это не просветление. Просветление не вспыхивает и не возникает как озарение.

— Что насчет учеников в дзэне? Всегда можно услышать эти истории...

— Ага, — я вспоминаю Джолин, — *бах!* Нет такой штуки, как мгновенное просветление, как нет мгновенного рождения ребенка. Аисты на самом деле не приносят детей, и нет Феи Просветления, кружащей над дзэнскими монастырями или где-то еще. Идею легко

ухватить, но есть только один способ превратиться из гусеницы в бабочку. Никакое глубокое озарение о том, на что это похоже — быть вампиром, не сделает вас вампиром. Или в понятиях платоновской пещеры: те, кто пьются на огонь, который освещает пещеру, естественно, будут верить, что они достигли источника, но огонь — это слабый отблеск солнца, которое освещает все, включая гору, в которой расположена пещера.

— Черт, — говорит она и бросает хитрый взгляд. — Вам никогда говорили, что вы, возможно, хм, как бы так выразиться? Душевно... хм, ну, знаете, нездоровы?

Я смеюсь.

— Сумасшедший? Самое время кому-нибудь это сказать. Ну, давайте поразмышляем над этим. Я думаю, что я здоров, а все остальные — *не* здоровы. Я никогда не встречал других таких, как я, и должен был обратиться к другим векам и цивилизациям, чтобы найти кого-нибудь похожего на меня. Величайшие мужи и жены из когда-либо живших для меня просто дети в песочнице. Я думаю, что знаю ум Бога, что вселенная исполняет мою волю и что все творение существует ради моего развлечения. Есть ли у слова «безумие» хоть одно значение, которое мне *не* подходит?

Она просто смотрела на меня.

— Итак, — говорю я, — что это был за вопрос, который я прервал?

Она продолжает глазеть на меня.

— Я совсем забыла.

Я просто смеюсь.

ПРЯМО СЕЙЧАС, ПРЯМО ЗДЕСЬ

*Все мировые силы
трудились надо мною от века,
чтобы создать
и радовать меня,
и вот я стою на этом месте,
и со мною моя крепкая душа.*

— Уолт Уитмен —

Я заруливаю на подъездную дорожку около пяти. От меня не ускользнуло, что Соня подстроила мое отсутствие, и сейчас собираюсь выяснить зачем. Первый ключ к разгадке — цементовоз.

Я паркую машину, гадая, что готовит мне будущее — плавательный бассейн или теннисный корт. Если так, то они выбрали неподходящее место. Кажется, вся деятельность сосредоточилась за пределами меньшей из двух рощиц, прямо за небольшим холмиком.

Я направляюсь туда. Восемь или девять рабочих готовятся заливать бетон. Геодезисты и экскаватор уже, очевидно, успели уехать, опалубка установлена, бетономешалка, которую я видел, была не первой. Бетон заливается в опалубку, уходящую ниже уровня замерзания. Общие очертания прямоугольные. Ясно — они отливают фундамент под стены и вдоль двух из них — большие Г-образные перекрытия. Строение, которое я исследую, врезано в холм таким образом, чтобы почва и деревья защищали его с северо-западной стороны,

откуда дуют наши самые противные зимние ветра. Фундаменты расширяются в треугольник, который намного больше, чем сооружаемые перекрытия, и я понимаю, что строение будет дополнено окруженным низкими стенами двориком. Я знаю, что строение будет состоять из нескольких спален на четыре человека каждая и что пара ванных комнат и большая центральная гостиная с камином будут общими для всех. Еще я знаю, что во дворике будет большое патио с местом для разжигания костра, где можно готовить еду. Здание и стенки вокруг будут сложены из соломенных и землябитных блоков. Все целиком будет выглядеть как выцветшая на солнце хижина. Все это мне известно, потому что мы с Сонойей обсуждали именно этот дизайн для гостевых домиков примерно пять лет назад.

Ого. Что, черт возьми, я сказал еще? Кажется, однажды я обмолвился о том, что хочу взлетную полосу, чтобы у нас здесь был самолет и прыжки с парашютом. Я лучше поищу Сонойю и отменю конкретно это пожелание.

Или не отменю.

Я уже вижу, где они выкопали траншеи под водоснабжение и электропитание, и могу понять, что они задумали в качестве канализации. Мы в той части штата, где не требуются согласования, и ничего из всего проекта не будет предметом получения разрешений от государства, кроме канализации. Мне известно, что местный инспектор по канализации ходячий кошмар, но уверен, что после нескольких минут с Сонойей он попросит лопату и сам сделает все как надо. У нее есть такая власть над людьми.

Я плюхаюсь на вершину холмика и наблюдаю за работой. Они пытаются залить все опалубки бетоном за раз. Теперь я вижу, что они привезли с собой водосточную трубу, грузовик гравия и сделали временный съезд с дороги с северо-востока, чтобы не слишком сильно раскурочить местность. По крайней мере, я

предполагаю, что он временный. Мне надоедает смотреть, поэтому я спускаюсь вниз и помогаю с опалубкой, кидаю лопатой гравий и делаю все, что еще требуется. Мы продолжаем примерно до девяти, когда залита последняя порция бетона, и приводим себя в порядок. Садится солнце, а на верхушке холмика сидят, болтают и глазуют с десятков учеников. Когда я приближаюсь, они раздражаются аплодисментами. Вероятно, им никогда раньше не доводилось видеть, чтобы я занимался какой-нибудь настоящей работой.

Приветствую всех собравшихся. Обмениваемся легкими шутками. Рита передает мне пластиковый контейнер с палочками для еды, и я обнаруживаю в нем матар-пулао с еще горячим куском пури. Я приступаю к еде, а банда начинает пересказывать вопросы, которые возникли во время разговора, пока я трудился.

— Не так быстро, — прерываю их я. — Сходите за дровами, сиденьями и всеми, кто хочет присоединиться. Мы устроим хороший костер в будущем двореке, чтобы торжественно открыть новую постройку. Попросим Сонайю прийти к нам и зажжем костер, когда все будет готово.

Они срываются с места, а я сижу и ем. Сегодня прохладный вечер, почти холодный, так что огонь будет в самый раз. Мне сообщают, что Соная проводит для новой постройки церемонию пуджа и что мы должны начинать без нее. Начинается мелкий моросящий дождь, что на самом деле очень приятно.

— Джед?

— Да? — отвечаю я с полным хлеба, риса и сыра ртом. Я поворачиваюсь и вижу Сару. Во время нашего последнего разговора мы договорились, что она попробует заглянуть за пределы общепринятых взглядов на достоинства ее духовных верований и практик и вернется ко мне, когда у нее возникнут какие-нибудь свежие идеи, которыми можно поделиться. Проходит несколько мгновений, но она молчит, так что я смотрю

на нее снизу вверх и вижу, что ее душат слезы.

— О нет, золотко, что случилось? Ну же, давай, садись.

Я отнюдь не неуязвим перед слезами хорошеньких юных девушек. Она садится на траву рядом со мной, и я приобнимаю ее. Она устраивается поудобнее и дает волю сдерживаемым слезам.

— Я не могу сделать, что вы велели... Я пыталась... Я много думала об этом...

Я смеюсь и толкаю ее шуточно.

— И это все? Ты меня заставила волноваться, я думал, что-то не так. Ты знаешь, что это значит, когда застреваешь на чем-то вроде этого?

Заплаканная, она смотрит на меня, как ребенок.

— Что?

— Это значит, что следует прийти ко мне и спросить. Если люди не будут приходить ко мне и задавать вопросы, то я останусь без дела. Ты же не хочешь оставить меня без дела, да?

Она смеется.

— Что я говорил тебе? Я сказал: *«Не о чем беспокоиться, друг мой»*. Разве я не говорил этого?

Она кивает.

— И вот ты приходишь вся обеспокоенная из-за глупого вопроса. Вот что мы сделаем... Ты собираешься сегодня побыть у костра и послушать старого мудрого болтуна?

— Да, — говорит она.

— Хорошо, просто расслабься, наслаждайся вечером и приходи поговорить со мной после, и мы посмотрим, что с тобой, хорошо?

— Хорошо.

— Молодец, теперь хватит хныкать. Если они застанут меня обнимающим такую хорошую юную девушку, как ты, то обвинят в непристойном поведении и мне придется стать бродячим аскетом. Знаешь, что это значит?

— Что?

— Остаться без дома. Жить в помойках, мыть подмышки в туалетах на заправках, сражаться с крысами за объедки.

— Это ужасно! Все, я ухожу!

— Приходи после, — напоминаю я ей.

Она встает и идет помогать с подготовкой. Я продолжаю есть свою еду под моросящим дождем, а тем временем готовится костровая яма — выкладывается камнями и наполняется дровами, а потом ее окружают садовыми стульями и импровизированными скамейками. Места для публики организованы неравномерно: одно, самое удобное, отдельно, а напротив все остальные. Я наблюдаю за этим в удивлении и изумлении, а на ум мне, как это часто бывает, приходит строка из «Грэйтфул Дэд»: «Что за долгий и странный этот путь». Как я здесь оказался? Как такая простая вещь, как жажда истины, превратилась вот в это?

И, что еще любопытнее, куда эта эволюция ведет? Сюда? К этому? К этому дому? К этим людям? Я наблюдаю, как они готовятся зажечь костер для нашего совместного вечера. Это оно? Все ради этого? Все сводится к этому моему наставничеству?

Я знаю, что ответ — нет. Близко, но не совсем. Картинка еще не закончена. Даже теперь большой паттерн моей жизни только начинает проступать.

Чтобы объяснить это, я должен сказать несколько слов о том, как работает мой ум, — как я смотрю и как продвигаюсь по жизни. Если говорить совсем просто — я не думаю. Я не делаю выбора и не принимаю решений. Я не взвешиваю возможности и не выбираю одну из нескольких. Вместо этого я наблюдаю паттерны и двигаюсь вместе с ними. Я обострил чувство правильности и неправильности, которое направляет меня во всех этих вещах. Ни одно решение в моей жизни не принимается с помощью умозаключений. Я жду разворачивания. Я чувствую течения и плыву с ними.

Не нужно быть просветленным, чтобы действовать таким образом: нужно просто оставить в покое штурвал. Как только вы это сделаете, для вас откроется совершенно новый способ течения по жизни — способ, основанный на правильности и чувствительности к неправильности. Итак, когда я смотрю на свою собственную жизнь, свою собственную историю, я ищу паттерны, объединяющую тему, сумму частей, которой объясняется мое существование.

И я хорошо знаю, что это не вот это все. Не этот дом. Не эти люди. Это все просто еще один кусочек мозаики. Самозаклание, которое я с тех пор называю духовным саморазрушением, было критическим элементом, но не определяющим. Смысл моего существования — не просветление, оно тоже просто еще одна часть мозаики. Кто я теперь, чем я стал — это не конечный результат: просто еще один элемент большей картины.

Но насколько велика картина? К чему она сводится? Как будет выглядеть головоломка в собранном виде? Я сижу на промокшей уже пятой точке, поедая промокший обед, и любопытствую, каков же единый итог, связывающий воедино все, казалось бы, несвязанные между собой зигзаги и повороты вот этой моей жизни. Ответ на этот вопрос только теперь оказывается в центре внимания.

Книга. *Эта* книга.

Все это обретает смысл в свете этой книги. Эта книга и есть большая картина, и есть полное выражение меня — моего существования. Книга — вот о чем все, что было, с первого дня и до того. Сотни, казалось бы, несвязанных эпизодов моей жизни, в которых в любом другом контексте было мало смысла или не было совсем, разрешились в этом центре. Книга и есть эта штука. Эти люди — мои ученики — все они совершают собственные путешествия, но еще они играют критическую роль в моем творческом странствии, а эта книга есть и всегда была истинным пунктом назначения

этого странствия. Все указатели это подтверждают. Паттерн виден ясно. Это все для книги.

Лениво, отсыревая, я любопытствую, что будет дальше.

^ ^ ^

Наконец, все готово — костер потрескивает, и все стоят вокруг него в ожидании. Я буквально вижу накопившееся предвкушение и энергию этих людей. Каждый настроил себя на ожидание чего-то эйфорического, а я счастлив, что могу присоединиться и прокатиться вместе с ними. Мелкими шажками я спускаюсь с холмика к своему месту, но не сажусь. Они хлопают при моем приближении, и я хлопаю им в ответ.

Моя улыбка становится до невозможности широкой. Временами все это просто бурлит у меня внутри.

— Вот это путешествие! — слышу я свои слова, и энергия растет быстрее, чем я могу высвободить ее.

— Что за совершенно безумная и волшебная прогулка у нас. Разве это не *прескверная штука*? Разве нет?

Все кивают, реагируя на эту энергию — чувствуя ее. Я чувствую их, а они меня, и все мы чувствует эту штуку, которую мы вместе создаем и которой делимся.

— Гляньте-ка, — говорю я. — Я просветленный, а вы все тоже хотите быть просветленными, поэтому все мы находимся здесь в этом прекрасном месте под славным дождем, у чудесного огня, и что может быть лучше? Что могло бы быть круче? Я действительно наставник? Я смотрю на вас, ребята, на каждого из вас, и вижу людей, которых хотел бы иметь в качестве своих наставников. Я вижу вашу сердечность, и я пребываю в совершенном благоговении и восхищении. Я вижу мужество, ум и мне жаль, что я не обладаю ими в той же мере. Я вижу искренность, выносливость и пульсирующую жизненную силу. Я думаю о Сонайе там, в доме, и мое сердце почти взрывается от благодарности.

Я заглядываю в глаза каждому из них по очереди, оставаясь на мгновение с каждым наедине, выражая признательность, делясь своими чувствами.

— Вот оно. Не когда-нибудь, не где-нибудь. Прямо здесь. Прямо сейчас. Я стою в самом центре бесконечности, я вижу совершенство, красоту и абсолютный восторг везде и во всем. Легчайшее дуновение ветра, блеск единственной звезды в разрыве туч, вой щенков койотов вдалеке, и сияния славы и красоты всего этого достаточно, чтобы разорвать меня на части, и все, что я могу сказать, это благодарю вас, благодарю вас, благодарю вас!

Хлопки, восклицания, слезы, объятия и рукопожатия. Не из-за слов, а благодаря тому, что та вскипающая штука вырвалась наружу и всех нас накрыла. Это вздымающаяся волна энергии, и если бы сейчас здесь сидели председатель Организации Освобождения Палестины и премьер-министр Израиля, то они, всхлипывая, обнялись бы, а все потому что эта мистическая штука — дурь что надо и никто не защищен от нее.

— Другими словами, — кричу я, — я просто в охренительном настроении!

После этих слов прокатывается еще одна волна улюлюкания, аплодисментов и восклицаний. Все вскочили на ноги и шумно переговариваются. Я достаю из кармана сложенный листок и громко говорю.

— Это поэма Руми, которую я принес с собой.

Прочищаю горло и начинаю читать:

— Я сказал: «О нет! Помоги мне!» И это «О нет!» стало веревкой, спустившейся в мой колодец. Я выбрался оттуда и стою на солнце. Только что я был на дне илистой, пугающей тесноты, а через мгновение меня уже не вмещает вселенная. Если бы каждый кончик каждого волоса на моей голове мог говорить, я все еще не выразил бы своей благодарности. Посреди этих улиц и садов я стою и говорю и говорю снова, и это все, что я

говоря. Хотел бы я, чтобы каждый знал то, что знаю я.

Я посмотрел на лица, и все они были открытыми, радостными, сияющими. Я передаю стихотворение по кругу. Мы позволяем этому моменту длиться. Я сажусь на свое место, смотрю на огонь и улыбаюсь этим прекрасным людям.

— Раз вы начали взрываться всей этой мистической благодарной любовью, — говорю я им, — то Руми ваш парень.

ПАСУПАТАСТРА!

*Я есть Он.
Я мудрец.
Я Высший Человек.
Я Венец Творения.*

*Я бесшабашный, непрозрачный, смутный.
Я ем, когда голоден, сплю, когда устал.
Я двигаюсь с, а не через или против.
Я потираю подбородок в назначенный час.*

*Я вижу только паттерны.
У меня нет зрения для мелочей.
Я не иду. Зачем идти? Идти куда? Это приходит.
Я не пытаюсь. Я не делаю. Ничто не остается
несделанным.
Я не занимаю сторон. У меня нет предпочтений.
Это все я. Это все мое.
Если нет другого, чего желать?*

*У меня поразительная власть!
Я получаю лучшие столики в ресторанах.
Я не сбивал палец на ногу уже двенадцать лет.
Я могу разрушить вселенную силой мысли.*

— Джед МакКенна —

РАЗГОВОР ОБ ИСТИНЕ В ЦАРСТВЕ СНОВИДЕНИЯ

*В знании Атмана,
подобном темной ночи
для невежественного,
сосредоточенный ум
полностью пробужден и осознан.*

*Невежественный пробужден
к своей чувственной жизни,
подобной тьме для мудреца.*

— Бхагавадгита —

Проходит минут двадцать, прежде чем все успокаиваются. После этого разговор постепенно сворачивает на темы, которые разные участники группы, судя по всему, обсуждали между собой. Я в удовлетворении откидываюсь на спинку, прислушиваюсь, вчувствуюсь в разные индивидуальные особенности этих людей и как они взаимодействуют друг с другом. Время от времени меня призывают огласить свое мнение, но я отвечаю кратко и в основном в виде вопросов. Все идет очень гладко и легко.

В какой-то момент один из них, приятный искренний парень по имени Брендан, спрашивает меня, в чем смысл жизни, но роняет этот вопрос как бы случайно, предполагая, что он считается неотвечаемым, поэтому я не обращаю внимания.

— Джед, — говорит один из ребят, Рэнди, — когда ты говоришь что нет ничего, что надо знать, чтобы быть просветленным...

— Да?

— Мне никак не удастся увязать это ни с одним из великих мировых учений или религий. Я имею в виду — а что насчет йоги, веданты или буддизма? Что насчет греческих и немецких философов? Что насчет христианства, ислама и иудаизма? Как может быть, что нечего знать.

Очевидно, что с этим ему на самом деле приходится сражаться.

— Мне это недоступно. Это уже слишком. Я не могу с этим справиться.

Слышится ропот одобрения. Вопрос, похоже, задевает всех сразу.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — отвечаю я. — Единственная вещь, с которой надо справиться — это отрицание, процесс разрушения. Я знаю, что ты хочешь научиться чему-то, принять что-то, понять. Люди состоят из эмоций и интеллекта, поэтому естественно желание следовать аспектам себя — одному или обоим — вглубь до самой истины, но это невозможно. Можно провести тысячу лет, уткнувшись носом в книги или в стопы наставника, но так и не приблизиться к пробуждению от иллюзии. Нет такого объема или сочетания знаний, что могли бы привести к реализации истины, и это факт.

Все внимательно прислушиваются. Эта тема интересует каждого из них. Они сидят и стоят, некоторые стоят на коленях или сидят на влажной траве, но все сосредоточились на словах, словно дети, слушающие за полночь историю о привидениях.

— Это не то, во что вы вырастаете или разовьетесь. Это не эмоция и не состояние сознания. Возможно, это не так легко понять, пока не осознаешь, что эмоция и сознание — это одно и то же или, если говорить точнее,

эмоции и *есть* состояния сознания. Например, полчаса назад я спустился к огню, стал говорить и мы все вместе вошли в необычное состояние — своего рода групповую эйфорию. Это пример измененного сознания, не слишком отличного от слепой ярости или влюбленности по уши. Вы оглядываетесь из своего обычного состояния на что-то такое, и кажется, будто это был другой человек. Наркотики, дыхание, медитация и другие вещи могут изменить ваше состояние сознания, но самоосознание — осознание истины — не является состоянием сознания.

Я оглядел освещенные пламенем лица и увидел на них разочарование. Они не понимают, как можно достичь чего-то, что недостижимо, чтобы быть чем-то, чем нельзя стать.

— Вы хотите опустить всю эту штуку на тот уровень, где вы сможете иметь с ней дело, но это невозможно. Истина — это не идея и не концепция. Ее нет в библиотеках или в словах мудрецов. Она не приходит со вспышкой озарения или высшего переживания. Это не чувство блаженства и не экстаз. Это не концепция, которую нужно понять, и не чувство, которое надо испытать. Это не в сердце и не в уме. Это дальше.

Воздух наэлектризован. Пляшет пламя, идет дождик, но есть здесь еще какой-то элемент. Включенность. Каждый включен в эти слова. Каждый очень собран и сосредоточен. Они чувствуют, что стоят в преддверии какого-то важного шага вперед, и если все пойдет как надо, так и есть.

— Значит, вы говорите, — произносит Рэнди, — вы говорите, что все религии и философии... Вот, именно это не укладывается в голове... в сущности, вы говорите, что все человеческие духовные учения... будто ни одно из них не..?

Он останавливается, словно не совсем уверен, как сформулировать вопрос, но я знаю, о чем они все хотят спросить. Для моего слуха это словно две ноты,

звучащие вместе как раз таким образом, что намечается целая симфония. Паттерн начинает открываться сам собой, и если я ничего не испорчу, он может развернуться во что-то неслабое.

— О чем я говорю? — спрашиваю я их. — Мы разговариваем о лжи. Важной лжи. Лжи прямо в сердце того, кто и что мы есть. Мы выносим серьезные обвинения, мы творим ересь, потому что это и есть ересь — говорить об истине в царстве сновидения.

Это веселая штука.

— Духовное пробуждение, — продолжаю я, — касается открытия того, что истинно. Все, что не касается стремления к истине, должно быть отброшено. Истина не имеет отношения к знанию вещей — вы и так уже слишком много знаете. Истина имеет отношение к незнанию. Речь идет не о том, чтобы стать истинным, а о том, чтобы *перестать* быть ложным, и тогда все, что останется, — это истина. Если хочешь стать ламой, раввином или теологом, тогда нужно много знаний — тонны и тонны. Но если хочешь разобраться, что истинно, тогда это совершенно другой процесс и последнее, что тебе нужно, — это больше знать.

Я использую множество слов, чтобы сказать, что хочу сказать, но в конечном счете скажу только одно. Я шагаю взад-вперед у огня, смотрю, как танцует свет на их влажных внимательных лицах.

— Самый короткий и самый простой путь ответить на вопрос Рэнди — сказать, что все системы верований — это истории, которые мы сочиняем, чтобы иметь дело с пустотой. Эго ненавидит вакуум, поэтому каждый торопится создать иллюзию чего-то там, где ничего нет. Системы верований — это просто устройства, которые используются для объяснения немыслимого ужаса не-я.

Все разворачивается неплохо. Иногда мне приходится нелегко, когда я оцениваю реакцию людей на свои слова, потому что вещи абсолютно очевидные для

меня могут быть абсолютно невероятными для слушателей. Для некоторых из них обличение всех сразу человеческих религий и философий чудовищно, а для других это уже пройденный этап. Для целей сегодняшнего урока это просто еще одна ступенька.

— Верования — это свечи, которые человек использует, чтобы разогнать окружающую его тьму. Это амулеты, с помощью которых мы обуздываем бесконечность, рассеиваем черное облако, что висит над каждой головой.

Прежде чем переходить к другой теме, я хочу закрепить эту. Они не должны верить мне или соглашаться со мной, я просто хочу, чтобы они поспевали за мной. То, что я скажу им сегодня вечером, на самом деле предназначено не для сегодняшнего понимания, но для того, чтобы они взяли это с собой, а они не смогут это сделать, если мы сейчас пойдем дальше.

— Что здесь происходит? — спрашиваю я. — В чем дело? Кто я? *Что я?* Что за пределами этого? В чем суть? Это большие вопросы, и во всех религиозных и духовных традициях представлены наши попытки ответить на них. Понятно, что ответить правильно нельзя, но все в порядке, потому что нам это и не надо, мы должны ответить удовлетворительно. Мы не должны заставлять черное облако исчезнуть, нам просто нужно заставить его выглядеть темно-серым, а не черным. Наши объяснения могут быть на девяносто девять процентов неудовлетворительными, и это довольно неплохо, потому что нам не требуется исчезновение черной тучи, нам просто нужно поумерить ее прыть.

Я остановился и позволил словам повитать в воздухе. Никто не двигается. Никто не говорит. Я знаю, что они молча переоценивают свои верования с этой перспективы, но пока не время это делать. Я продолжаю.

— Были когда-нибудь в депрессии? — спрашиваю я их. — По-настоящему подавлены? Как будто больше ничто ничего не значит? Как будто смысла больше нет

ни в чем?

По их реакции я вижу, что им всем это знакомо.

— И что хуже всего в эти мрачные минуты? В чем они черпают свою силу?

Я делаю паузу, чтобы они могли подумать над этим и узнать это чувство, когда я скажу в чем.

— Они черпают силу в том, что с ними не поспоришь, разве нет? В том факте, что им нечего возразить? Разве не понимаете вы абсолютно точно, что это все правда, когда оказываетесь в таком состоянии?

Слушатели кивают. Слышен приглушенный согласный ропот.

— И это правильно. Когда вы попадаете в это пространство, вы знаете, что это не просто настроение. Вы видите что-то такое, что в обычном состоянии не позволяете себе видеть. Ваши моменты мрачайшего отчаяния — это ваши самые честные моменты — ваши самые осознанные моменты. Вот когда вы видите без защитных линз. Вот когда вы отдергиваете занавес и видите вещи такими, какие они есть.

Долгое молчание. Тяжелое молчание. Теперь это личное. Они все переживали такие неотфильтрованные моменты. Они все знакомы с этим чувством абсолютной пустоты. И самое важное: они помнят, что в сердце этого черного отчаяния лежит знание того, что все, кажущееся реальным, — пусто.

— Представьте себе руку, смахивающую одну из этих прекрасных тибетских мандал из песка, — говорю я тихо.

Я беру свою бутылку с водой и делаю глоток. Мы еще не добрались туда, куда все идет, но это определенно важная пауза. Я не хочу ни заканчивать слишком быстро, ни затягивать слишком надолго. Через несколько мгновений я нарушаю тишину.

— Кто-нибудь знает какие-нибудь истории о привидениях?

Они смеются, и пелена, опустившаяся на них,

рассеивается.

— Что насчет атеистов? — спрашивает Мартин — У них ведь нет системы верований, которой можно прикрываться.

— В этом контексте, нет такой штуки, как атеизм. Если уж на то пошло, мы все агностики и единственное различие между любыми двумя людьми заключается только в степени различия. Все во что-то верят, но только в той мере, в какой это необходимо, чтобы функционировать. Разумеется, облако все еще на месте, нависает над каждой головой, глумится над любой надеждой или мечтой, но благодаря нашим религиям и философиям оно не абсолютно черное, просто очень темно-серое, и мы можем жить дальше.

Это вампиры не могут войти, пока их не пригласят? Я немного играю с этой идеей, просто чтобы развлечься, пока не поступает приглашение. Его доставляет Рэнди:

— Так вы говорите... это все как... я имею в виду все? Все, во что все верят, это все просто... вроде как ложь? Вроде как чушь собачья?

Это не просто вопрос, это один из тех больших вопросов. Это вопрос, который следует задавать и на который следует отвечать настолько можно более ясно — так, чтобы этим прониклись и чтобы это запомнилось. Мы потратили несколько минут, чтобы подойти к этому, подготовить путь для этого, но если бы я сейчас остановился и задал вопрос на засыпку, никто из них не был бы даже уверен, а что *это* такое было.

Вот в чем суть. Вот почему большие вопросы требуют столько внимания. Это не песня, которую мы поем, и не гора, на которую мы взбираемся, — это сон, который мы расплетаем. Нет ни единого шанса, что мы распутаем фантастически сложный многослойный гобелен за один вечер, но нить, за которую мы сегодня потянем, нельзя будет затянуть обратно. Эту ткань нельзя заштопать.

Звон колокольчика нельзя запихнуть обратно в колокольчик.

Я позволяю вопросу Рэнди повисеть в воздухе еще немного, чтобы в тишине выстроилось в одну линию все, что привело к вопросу. Все глаза ожидающе устремлены на меня. «Что скажет мудрый глупец?» — любопытствуют они. Это часть драмы. Они уже столько раз слышали, как она всегда разыгрывается по одному и тому же сценарию, что им только и остается, что ждать, пока я спляшу вокруг вопроса чечетку дежурных ответов об уважении к верованиям других людей, правомерности любых точек зрения и что, дескать, для нас всех найдется место. Они ждут политкорректных уверток, потому что они только их и слышали. Но в этот раз все по-другому. Я не отвечаю на вопрос, я подтверждаю подозрение.

— Да.

Я делаю паузу ради драматического эффекта.

— Нет истинных верований. Нет. Истинных. Верований.

Я просто оставляю эти слова повисеть в воздухе, позволив им впечататься в их умы, так чтобы они смогли вернуться к ним и подтвердить их для себя позднее. Это очень большая идея, но вот-вот станет еще больше.

Двигутся лишь танцующие блики огня и падающие капли дождя. Я говорю достаточно громко, чтобы быть услышанным:

— Все верования. Все концепции. Все мысли. Да, все они фальшивы, все это дерьмо собачье. Конечно, дерьмо. Не только религии и духовные учения, но все философии, все идеи, все мнения. Если вы ищете истину, вы не возьмете ничего из них с собой. Ничто из того, что говорит два, не одно, не выживет.

Вот что я говорю. Это звучит искренне, потому что это истинно. Это звучит чистой нотой, которая будет продолжать звучать в умах этих людей, пока ее вибрация не превратит их фальшивые структуры верований

в кучу хлама. Да и возможно ли иное? Я не рассказываю им, что я знаю, я показываю им, что они *сами* знают.

Я прерываюсь, чтобы каждый мог заняться самостоятельными вычислениями, вместо того чтобы смотреть, как наставник пишет формулы на доске. Какой бы соблазнительной ни была для меня вера в то, что людей можно разбудить, тормоша их, с помощью оплеух, вглядываясь достаточно глубоко им в глаза или прибегая к лести, я знаю, что их не так легко вывести из транса, в котором они пребывают. Впрочем, такого рода прямой натиск — это моя версия побивания палкой, которое практикуется в дзэне.

А теперь, поскольку они на самом деле еще не поняли...

— Хорошо, Брэндан, — говорю я. Он вздрагивает, что обратились к нему. — Так каков ответ на твой вопрос?

— Я, эээ, я не знаю. Какой вопрос?

— О смысле жизни. Разве ты не спрашивал меня, в чем смысл жизни?

— Хмм, ну да, я просто, эээ, шутил. Я правда не ожидал... хмм, какого-то ответа или чего-то еще.

— Почему бы и нет? — я адресую свои слова всей группе. — Почему меня не следует спрашивать о смысле жизни? Черт возьми, разве не должно быть это *первым* заданным нами вопросом? Почему из всех вопросов именно этот должен быть шуткой? Мы что, скот? Как мы можем заниматься чем-то еще, пока нет ответа на самый основополагающий из всех вопросов?

Никто не рвется отвечать, а меньше всего Брэндан.

— Итак, Брэндан, не сделаешь ли нам одолжение — в чем смысл жизни?

Он выглядит, как пойманный в свете фар олень, но думает обо всем, что было сегодня сказано, и складывает услышанное вместе.

— Нет никакого, — говорит он.

— Никакого чего?

— Нет смысла. Смысла жизни нет.

Щелк.

Вот оно. Вот где случается вся эта штука. Слова о том, что нет истинных верований, — просто обратная сторона этого бодрящего, безупречного утверждения — жизнь не имеет смысла.

— Спасибо, Брэндан. Очень хорошо.

И хотя это безупречное утверждение может быть пунктом назначения сегодняшнего урока, это не пункт назначения процесса самоосознания. Это только начало — точка старта для исследования. Как я говорил Джули у лодочной станции, ты должен начать свое путешествие с переосмысления всего, что тебе известно наверняка. Попытки принять желаемое за действительное и замешанные на страхе волшебные сказки здесь не годятся.

— Я не священник, — продолжаю я перед молчаливой группой. — Я не святой и не гуру. У меня нет учения. Я не представляю какую-либо линию преемственности или систему. Я не говорю вам, что черное облако — это хорошо, я говорю, что оно бесконечно большое и бесконечно черное. Я не говорю, что вы можете жить с этим, я говорю, что черное облако — это реальность, поэтому придется иметь с ним дело, и если оно убьет вас — что с того?

Я не знаю, как они это воспринимают, но для меня это лучшая часть. Только этим путем можно достичь свободы — *единственной* свободы.

— Ни у кого из тех, кто хочет пробудиться, нет такой роскоши — делать вид, что облако это хорошо. Это не хорошо. Оно не темно-серое. Это реальность — *ваша* реальность, и если вы хотите стать настоящими, то туда вы и должны отправиться.

— Но... — говорит Рэнди.

— Никаких но. Вслушайтесь: одна миллионная доля лжи — это полная ложь. В двойственности все ложно — ложно, то есть не истинно, не истинно, то есть

дерьмо собачье. Исключений нет. Черное и белое, а не оттенки серого. Истина одна, и она недвойственна, она бесконечна, она — одно без другого. Истина — это растворение, не-я, слияние. Об этом ничего нельзя сказать, ничего нельзя почувствовать, ничего нельзя знать. Вы либо истина, либо ложь, как в путах эго, как в двойственности, как во сне.

Тишина. Это хорошее настроение. Ткань треснула. Какие бы истории какой бы степени достоверности ни использовали эти люди, чтобы защититься от реальности, их структура только что треснула. Истории могут жить еще недели, месяцы и годы, но их судьба теперь предрешена, и придет такое время, когда каждый из этих людей получит то, за чем пришел сюда — прямое столкновение с реальностью. Или нет. Никогда не делайте ставок против Майи. Истина бесконечно проста, заблуждения бесконечно сложны. Нельзя недооценивать нашу способность избегать прямого взгляда на очевидное. Возможно, некоторые из них зароятся в свои истории еще глубже, но для тех, кто пришел услышать, — для них звоночек уже прозвучал.

И еще раз Рэнди задает вопрос, ответ на который они все хотят услышать:

— Так все верования дерьмо собачье в сравнении с... чем, например?

— В сравнении с прямыми фактами. В сравнении со словами: «Пошло все к черту. Я собираюсь увидеть сам». В сравнении с заявлением: «Истина или смерть!», — имея в виду именно это. Истина, чего бы она ни стоила. Истина, не взирая на последствия. Истина любой ценой.

Ну и ну!

^ ^ ^

Я плюхаюсь в кресло и даю им возможность посидеть наедине с их мыслями, пока я сижу со своими. Это

была попытка передать им непростую штуку. Все ли я правильно сказал? Не пропустил ли чего-то важного? Я проигрываю свою речь в голове и остаюсь удовлетворен тем, что трудная, но важная часть информации передана наилучшим образом. Проходит несколько неподвижных минут, и я, кажется, дремлю.

— Ладно, а правда ли, что в основе всех религий лежит одно и то же? — спрашивает одна из них, Марла. — Что во всех религиях содержится одна и та же истина?

Хороший расслабляющий вопрос. Напряженная часть разговора позади, и я воспользуюсь этой возможностью, чтобы перевести беседу в более гладкое, если можно так выразиться, русло.

— О черт, да, думаю, это возможно, если в действительности вы хотите сделать себе поблажку, но для того, кто пытается пробудиться, это ни в коем разе не принесет никакой практической пользы. Я бы сделал такую оговорку, если бы хотел произвести впечатление открытого и лояльного человека, но я, разумеется, никогда не стану помогать с пробуждением, предлагая людям изучить мировые религии или духовные учения. Я могу взять Библию, Коран, Талмуд, Упанишады, Джаммападу или любой стоящий упоминания духовный текст, и я — я, Джед, — могу расшифровать их в контексте истины. Я могу увидеть возможную ценность того, что в них написано, могу увидеть, что, вероятнее всего, казалось ценным для тех спящих умов, которые их переписывали, могу увидеть, что из написанного просто чушь. Короче говоря, я могу прочитать выдающиеся мировые духовные учения с перспективы человека, который уже совершил путешествие, и вынести о них суждение на основе их ценности как карты, с помощью которой это путешествие могут совершить другие.

— А теперь, отвечая на этот вопрос таким образом, чтобы он оказался сколько-нибудь полезным для вас, я скажу — да, хорошо, пусть в сердце всех основных

религий и великих духовных учений лежит одна и та же истина, но если взглянуть реалистично, это не делает их полезными для тех, кто ищет просветления, потому что полезные вещи перемешаны там с куда менее полезными. Говорят, что миллион обезьян, стуча по миллиону клавиатур, в конце концов создадут полное собрание сочинение Шекспира, но я не хочу быть тем парнем, который должен будет все это прочитать.

Эти слова вызывают смех. Настроение становится чуть более разговорчивым. Сумасшедший иконоборец, нигилист и еретик ушел, вернулся забавный, добродушный и мудрый парень.

— Вы ищете точную карту, а эти великие тексты представляют собой увесистые пачки страниц, покрытых каракулями. Да, некоторые строчки среди каракулей действительно написаны разборчиво, насколько это возможно, но вы никоим образом не можете знать, что там есть правильного, пока сами не проделаете путешествие, а к тому времени, разумеется, вам уже не нужна будет карта.

Даже Мартин, известный своими крепкими узами с ведическими писаниями, кажется внимательным и задумчивым.

— Вы все слышали поговорку: «Когда студент готов, появляется наставник». Что ж, это значит немного больше, чем загадочное прибытие гуру в нужное время. Это значит, что знание, в котором вы нуждаетесь, появится, когда вы готовы к этому. Возможность открытия следующей двери никогда не отрицается, но возможность открытия следующей за ней двери никогда не гарантирована. В этом смысле у вас будет много, много наставников. В этом смысле отрывок из Библии может оказаться правильной подсказкой в правильный момент, но это не значит, что вся Библия — правильная подсказка в любой момент. Даже в тех книгах и учениях, которые мне больше всего нравятся, я нахожу полезной от силы десятую часть.

Я обвел глазами их лица и увидел понимание во всем его разнообразии — от почти полного понимания до почти полного его отсутствия. Этого и следовало ожидать.

— Речь идет об открывании следующей двери, — продолжаю я, — и обладание десятью тысячами ключей ничего не значит, если ни один из них не подойдет к замку той двери, перед которой вы стоите. «Наставник» это просто слово, которым обозначается ключ от следующей двери. До просветления можно обращаться к этим великим книгам и великим учениям сколько душе угодно, и тогда они не будут для вас ни загадочными, ни непостижимыми, а потом они станут бесполезны, потому что у вас уже будет просветление, так что в действительности это занятие не более чем развлечение.

— Тогда почему вы держите все эти книги в доме? — спрашивает Рита.

Хороший вопрос. Потому что — так и подмывает меня сказать — каким-то чудом ежедневно в доме возникает дюжина экземпляров каждой новой книги.

— Большая часть книг в доме бесполезна для пробуждения. Не могу вспомнить ни одной, которую я вручил бы ученику и сказал: «Вот то, что тебе нужно». Хуже всех те книги, которые кажутся лучшими, например, сочинения о дзэне или адвайте. Если бы мне пришлось оставить только полезные книги, их было бы всего несколько десятков.

Я ожидаю, что следующий вопрос будет вытекать из моего последнего утверждения, но они меня удивляют. Вместо того, чтобы спросить, какие книги я бы оставил, заговаривает Мэри:

— Тогда почему вы не напишете книгу? — спрашивает она. — Книгу о вас, Сонайе, доме и всех ваших учениках?

Все взрываются аплодисментами и восклицаниями, чтобы выразить свое одобрение этой идее. Когда они

успокаиваются, я отвечаю.

— Слишком диковинно, — говорю я. — Никто не поверит, что такое могло случиться в Айове. Черт, да я сам в это едва верю.

Все смеются.

НЕСЛАБАЯ ПОДАЧА У ЭТОГО ЛАМЫ

И вот я сваливаю с корабля в Гонконге и пробираюсь аж на Тибет, а там устраиваюсь в гималайский гольф-клуб подносить мячики да клюшки. Ну, знаешь, мальчиком на побегушках, лупером. Короче, я им рассказываю, что я в большом гольфе клюшки носил, и кого ты думаешь они мне дают? Самого Далай-Ламу. Двенадцатый сын Ламы. Его преосвященство, одежды развеваются, лысина... сверкает.

В общем, выходим мы с ним на первую площадку. Даю ему длинную клюшку. Он замахивается и как вдарит — неслабая подача у этого Ламы, — и мячик попадает в расселину глубиной в десять тысяч футов, прямо у основания этого ледника...

Короче, заканчиваем мы с восемнадцатой лункой, и он уже должен дать мне чаевые. А я говорю: «Эй, Лама, эй, как насчет чего-нибудь, знаешь, эдакого, за старания, ну, знаешь». А он отвечает: «Ах да, денег нет, но когда будешь умирать, на смертном одре обретешь полную осознанность».

Так что я знаю, что меня ждет, и это хорошо.

Монолог персонажа Билла Мюррэя из к/ф «Гольф-клуб» (1980).

Я СДЕЛАЛ ТО, ЗА ЧЕМ ПРИШЕЛ

Кто называет мои стихи стихами?

Мои стихи не стихи.

Зная, что мои стихи не стихи,

Мы вместе можем начать говорить о стихах.

— Рёкан —

Эти последние полчаса были неожиданными. Вся эта тема с черной тучей была экспромтом, но, как уже говорилось, я действительно не планирую подобные беседы, а просто следую с потоком, играю свою партию и наслаждаюсь тем, что не вмешиваюсь.

— Вы много говорите о свете интеллекта и силе различения, — внезапно спрашивает один из парней, как будто он приберегал этот вопрос. — У вас третий глаз открыт?

Это знак того, что разговор переходит от его забавной части к дурацкой метафизической. Ничего не поделаешь, но придется выходить из положения с пользой.

— Ага, — говорю я с неохотой, — ну если ты спрашиваешь из чистого любопытства обо мне, то ответ — я не знаю. Меня всегда немного смущает, когда разговор сворачивает к метафизике. Если ты спрашиваешь, потому что хочешь знать, нужно ли обладать мистическими силами для достижения просветления, то ответ будет нет — сверхъестественные силы не нужны. Если ты спрашиваешь, обретешь ли ты мистическую силу в качестве бесплатного приложения к просветлению,

то ответ не так очевиден. Я не вижу ауры, не заглядываю в будущее и так далее. Полагаю, я мог бы пойти и развить в себе какие-то мистические навыки, но мне непонятно, что с ними делать. У меня нет такого желания.

— С другой стороны, у меня есть — хм, наверное, это можно назвать углубленными способностями, — которые большинство из вас пока не выработали или не распознали в себе. Впрочем, эти способности на самом деле не связаны непосредственно с просветлением — по крайней мере, они не зависят от него, а оно от них. Я говорю о даре воплощать желания, например. Формировать собственную реальность. Еще один дар — видеть жизнь не в подробностях, а в обширных паттернах, как будто с большой высоты, и видеть с более высокой перспективы, как ты плывешь через нее с потоком. Вот почему я колеблюсь, когда меня спрашивают о третьем глазе и всяком таком. Тот, кто не знает, как формировать свою реальность, может счесть это силой или чем-то мистическим, а для меня это просто то, что я знаю, как делать. Я начал делать это из практических соображений еще до пробуждения и всегда полагал, что только так все и работает. Здесь нет великой тайны, настоящее чудо в том, что люди не понимают, как это работает. Когда знаешь, то знаешь. Я не думаю, что чувак, который настраивает зажигание в моей машине обладает мистическими возможностями, он просто знает, как это сделать, в отличие от меня.

Я улыбаюсь восхищенным лицам, на которых танцуют сполохи огня. Они слушают. Наверное, это звучит странно, но я иногда забываю, что люди действительно слушают. У меня иногда возникает такое чувство, что я просто пою свою песню, потому что меня это приводит в восторг. Я забываю, что это приводит в восторг и других тоже.

— Несколько десятков каких? — спрашивает Мэри, и я не сразу понимаю, что она перескочила назад

к разговору о книгах, которые остались бы в библиотеке, будь я более требователен к ее содержанию.

— Что ж, мне следует быть осторожным с ответом на этот вопрос, — сказал я. — Причина выбрать те или иные книги не в том, что они как-то особенно просветленные или просветляющие и даже просто посвящены просветлению. Мой выбор основывался бы на том, что я считаю полезным знанием на пути к просветлению, которое весьма отлично от самого просветления. Исходя из этого, я оставил бы пачку книг и, возможно, несколько фильмов, в которых представлен общий для нас опыт и которые могут предоставить интересный контекст для освещения определенных вопросов.

— Например? — спрашивает она.

Я припоминаю несколько фильмов, которые видел в последние несколько лет и которые наверняка знакомы для большинства из них.

— Ну, «Матрица» будет хорошим примером фильма, из которого можно извлечь много пользы. «Вспомнить все», «Тринадцатый этаж», «Бегущий по лезвию» — эти фильмы дают представление о неуклюжей и даже произвольной природе того, что мы считаем реальностью. «Джо против Вулкана» я бы тоже взял в качестве притчи о процессе смерти-перерождения. Вероятно, я могу вспомнить еще не один десяток, если подумаю. Конечно, «Махабхарата» по версии Питера Брука. «Все утра на свете» будет прекрасной иллюстрацией отношений наставника и ученика. «Куда приводят мечты» демонстрирует отношения между мыслью и реальностью. Много других, по разным причинам. «Харви» — просто так.

Я на минуту задумываюсь и решаю, что лучше придерживаться общих рекомендаций, которые трудно будет истолковать неверно. Мне не хочется упоминать книги, которые пришлось бы сопровождать пространными оговорками.

— Что касается книг, то помимо тех, о которых

вы уже все догадались — разные версии и переводы «Бхагавадгиты» и «Дао дэ цзин» — еще одна понятная для западного человека версия «Махабхараты». «Три столпа дзен» Филипа Капло Роси, «Чужак в стране чужой» Хайнлайна, «Лезвие бритвы» Моэма, «Уолден» Торо, «Листья травы» Уитмена, эссе Эмерсона, кое-что из Станислава Грофа, «Тысячеликий герой» Джозефа Кэмпбелла, «Голографическая Вселенная» Майкла Талбота и так далее — все они хороши по разным причинам. Еще была бы небольшая коллекция ченнелинговых материалов, некоторые духовные романы, посвященные теме перерождения...

Почти все одновременно отреагировали на упоминание ченнелингов. Общей реакцией на них оказалась смесь удивления и недоверия.

— Я нахожу материалы ченнелингов очень полезными и интересными, но не для обучения, а для собственного понимания феноменального мира, в котором, как можно заметить, я существую наравне со всеми остальными. Если хотите от меня подробностей, то я бы сказал, что мне нравится Майкл за его понимание эго и структуры личности. Если речь идет о личной реальности, мне нравится Сет. Если у меня есть вопросы по поводу потока, воплощения и желаний, то я читаю Авраама. Может, я и забыл что-то упомянуть, но вот это основные книги, которые мне нравятся. В «Курсе чудес», определенно, есть кое-какие моменты.

— Так эти ченнелинговые сущности оказались полезными в вашем собственном..?

— Нет, нет, конечно, нет, — я пренебрежительно махнул рукой. — Скорее, они все вместе составляют мое руководство пользователя человеческой жизнью на Земле — «Как быть человеком. Для начинающих». Вот почему я хочу соблюдать осторожность при этом разговоре. Мне нравятся упомянутые книги, но я на самом деле не так часто в них заглядываю. Обычно — когда у меня возникает конкретный вопрос.

— А что вы читаете для развлечения? — спрашивает Мэри.

— Помимо любовных романов? Я люблю Ошо — просветленного, прежде известного как Бхагаван Шри Раджниш.

Я замечаю некоторое удивление на лицах по этому поводу, что вполне объяснимо. Если приравнять просветление к святости, то Ошо отпадает как анти-святий, особенно если послушать истории о заговорах с целью убийства, свободной любви, борьбе за власть, уходе от налогов и девяности роллс-ройсах. Мне нравится его стиль обучения. Мне нравится его подход к дзэн. Я восхищаюсь его умом.

— И романы. Я читаю много художественной литературы, — по их реакции вижу, что нужно что-то еще добавить. — Хорошо, вы меня поймали. Я трачу массу времени, просто убивая его. Играю в видеоигры, читаю книги, смотрю кино. Я бы сказал, что я просвистываю таким образом по несколько часов в день, но не нахожу это пустой тратой времени, потому что не нахожу ничего лучшего, чем проводить свое время. Я не могу найти ему лучшего применения, потому что не пытаюсь чем-то стать или чего-то достичь. Во мне нет неудовлетворенности, которая бы меня мотивировала, нет амбиций, подталкивающих к действию. Я сделал, что должен был. Я просто убиваю время, пока время убивает меня.

Кажется, на группу это произвело успокаивающий эффект. Полагаю, они не учитывали такую вероятность, что просветление — это конец множества занятий, о возможности окончания которых мы обычно не подозреваем.

— Если бы вас бросили на пустынном острове, — спрашивает она, — какую книгу вы предпочли бы иметь с собой?

— Это легкий вопрос. Комикс. «Кэлвин и Хоббс».

Все рассмеялись. Я закрываю глаза, откидываюсь на

спинку, и все понимают это как сигнал, что меня пора оставить в покое. Они разговаривают между собой, но я их не слушаю. Я слушаю все и ничего, чувствую легкий дождик на лице и вдыхаю свежий ночной воздух, который очищает меня, забирает тяжесть, скопившуюся от столь долгого пребывания в персонаже. Я не устал и не заканчиваю вечер, просто хочу какое-то время не слышать собственного голоса. Мне хочется уделить внимание дождю и ветру. Мне хочется, чтобы одна тема рассеялась и на ее место пришла другая, новая и актуальная.

НЕУХОЖЕННЫЙ МЕЧ

*Этот клинок — отвратительный инструмент
для рубки мяса.*

*Он не для парадов и церемоний,
Такой не повесит на стену коллекционер,
Такой не показывают внукам.*

*У него нет ножен, нет украшений,
На нем не оставил следа ни один ремесленник.
Рукоятка рассохлась и потрескалась,
Металл потерял свой блеск.*

*Тупой и грязный, весь в старых отметилах,
Со старой запекшейся кровью у эфеса.
А когда-то его грани были бритвенно остры,
И на них сиял солнечный свет.*

*Теперь он лежит позабыт-позаброшен.
Если придет время отсечь голову,
Я точно знаю, где его найти.
Но время обезглавливаний прошло.*

*Зачем читать о чужом клинке?
Это твоя голова все еще на плечах.*

— Джед МакКенна —

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО

*На великом пути нет врат,
Тысячи дорог сливаются с ним.
Пройдя через эти врата без врат,
Ты идешь по вселенной один.*

— Мумон —

Наблюдая за огнем, я мысленно возвращаюсь назад, в то время, когда я был обычным человеком. Я с теплотой вспоминаю приятеля-выпивоху, с которым мы вели возвышенные и полусвязные философские беседы, когда нам было около двадцати. Чтя заповедь Торо о том, что высоким идеям требуется много места, мы вели свои споры на свежем воздухе, перекрикиваясь через ревущее пламя костра, запруженные улицы, тихие пруды — но никогда не оставаясь на месте, никогда не усаживаясь и никогда не придавая словам особого смысла. Он как раз изобретал версию христианства, которая подходила бы его не вмещающейся в жизнь личности, а я прорабатывал Торо и Уитмена. Когда большие мысли заканчивались, мы начинали вращаться и вращались, пока не падали навзничь и не цеплялись за землю, чтобы она перестала кружиться. Зачем? Ни малейшего понятия. Тогда это казалось разумным.

— Джед?

— Да, Мэри.

— Что это значит, когда в дзэн-буддизме говорят,

что для достижения просветления нужно пройти через врата без врат?

— Под вратами имеется в виду препятствие, которое стоит между непробужденным умом и просветлением. С точки зрения человека, который желает стать просветленным, эти врата огромны и непроходимы. Это то, что ты видишь как разницу между собой и мной. Я думаю об этом, скорее, как о целом ряде дверей, каждую из которых нужно отпереть и пройти, чтобы могло продолжиться развитие, пока, наконец, не откроется последняя дверь и ты не обернешься на свое великое путешествие, чтобы обнаружить, что не сдвинулся и на сантиметр и что никаких врат не было. Ни дверей, ни замков, ничего, кроме черты, проведенной по песку.

— Ладно, я поняла. От этого есть какая-то польза?

Хороший вопрос. Я размышляю над ним пару минут. Вспоминаю собственные мысли о вратах без врат до просветления.

— Я так не думаю. Ты это просто увидишь, когда пройдешь.

— Ладно, я поняла. А когда они говорят про палец, указывающий на луну?

— Когда они говорят о пальце, указывающем на луну, они имеют в виду, что тебе следует смотреть, куда указывает палец, а не на сам палец. Не путай палец с луной.

— Я поняла. А от этого есть польза?

— Ну, например, если бы ты стала придавать мне слишком большое значение, то я бы воспользовался этой штукой с пальцем, чтобы наставить тебя на правильный путь, вернуть твое внимание туда, куда ему положено быть направленным — на луну, а не на палец. Понятно?

— Да, спасибо.

— Недавно читала о дзэне, Мэри?

— Да, вы же часто его упоминаете.

— Что ж, воспользуйся этой возможностью, чтобы наточить клинок своего различения. Многое из того, что ты читала о дзэне, — это палец, указывающий на палец, указывающий на луну, а не сама луна. Помни об этом и дай мне знать, если у тебя будут еще вопросы.

Мне задают другие вопросы, и я отвечаю на них: кундалини, диета, психоделики, это кино, та книга, этот гуру, те стихи, этот быстрый метод, та фантазия. Я в очень расслабленном состоянии, но в конце концов возникает тема блаженства, и я чувствую, что ко мне возвращаются силы.

— Я знаю, что просветление — это состояние экстаза и блаженства... — говорит новичок по имени Джеффри.

— Прости, что? — прерываю его я.

— Ну, то есть я знаю, что это, ну, знаете, переживание... — отвечает он.

— Блаженства? — спрашиваю я. — Экстаза?

— Ага, поэтому мне интересно...

— Стоп.

Я не знаю, смеяться мне или плакать.

— Сколько вас еще, кто так думает? Поднимите руки, пожалуйста. Кто еще из вас приравнивает просветление к блаженству, экстазу и прочему?

Поднимается несколько рук. Мэри, которая спрашивала о дзэне, не поднимает. Еще один парень, который, насколько мне известно, сделал свой Первый Шаг, тоже не поднимает, но почти половина из них подняла.

— Вжопу блаженство, — говорю я ему. — Блаженство для детишек. Блаженство для туристов, для наивных людей. Вы правда думаете, что духовное просветление приходит в виде бесконечного оргазма?

Эти слова вызывают сдавленные смешки.

— Вечный кайф? Рай на земле? Никаких больше проблем. Никаких беспокойств. Просто сидишь сложа руки и все время *счастлив*? Разве это не звучит, ну, не знаю, убого? Мы все тут что, действительно собрались, чтобы попытаться укуриться в хлам?

Я умолкаю на минуту, чтобы они сами поразмышляли над этим.

— Просветление — это не высшее переживание. Это не измененное состояние сознания. Это не волшебная сказка про то, как жили они потом долго и счастливо. Духовное просветление означает пробуждение — вот так просто и так сложно. Блаженство просто миф о рае, слегка переупакованный для дрыхнувшей толпы — небеса на земле, небеса здесь и сейчас. Об этом и правда глупо говорить.

— Если и есть тут проблема, то в первую очередь это вопрос о том, как подобная смехотворная идея попала вам в голову. Этот вопрос должен быть весьма отрезвляющим. Если подобная дикая идея настолько прочно укоренилась в вашем мышлении, что же там еще творится? Если ваши верования вам не принадлежат, то *чья* они? Кто *вы*? Вы должны перепроверять свои допущения, а ведь только малая их часть вам видна. Непроверенные верования определяют вас и задают курс, по которому движутся ваши жизни. Возможно, вы оказались на этом духовном пути благодаря одному вашему непроверенному верованию, что это путь ведет к блаженству. Может, вы не хотите идти туда, куда он на самом деле ведет. Может, вы на нем ради волшебной сказки. Я бы сказал, что это верно для девяноста пяти процентов духовных искателей на Западе.

Я обвожу их взглядом и вижу, что они пялятся на меня широко открытыми глазами. У меня что, ширинка расстегнута?

— Думайте сами. Вот золотое правило. Думайте сами. Сделайте это своей мантрой. Вытатуируйте на внутренней стороне своих век.

Я отвечаю театральным поклоном.

— Благодарю вас, леди и джентльмены. Вы прекрасная публика. Будьте осторожны за рулем. Спокойной ночи!

Они хлопают, как по команде, и начинают говорить

между собой, все еще слегка заряженные этой энергией. Я плюхаюсь в свое кресло, чтобы полюбоваться красками заката. Все еще моросит мелкий дождь и слышится постоянное шипение, когда капли влаги встречаются с жаром костра. Я смутно улавливаю чье-то присутствие позади и угадываю, что это Сара.

— Если ты слишком устала сегодня, можем встретиться завтра, — говорю я.

— Я не устала, — отвечает она, приближаясь и садясь на мокрую траву рядом с моим креслом. Она подбирает ноги и обхватывает колени руками. Мы оба тихо смотрим на огонь, пока она не заговаривает:

— Боюсь, я оказалась не в том месте, — начинает она. — Я не уверена, что действительно создана учиться тому, чему вы тут учите.

— Конечно, такое возможно, — говорю я, любопытствуя, не так ли все на самом деле и обстоит. Но нет, я не думаю, что так и есть. Временами кажется, что все указывает в одном-единственном направлении, но суть в том, что стремление к истине само по себе является жизненным выбором, и это стремление можно осуществлять самыми разными путями, которые не обязательно ведут к подлинному достижению высшей цели. Это путешествие складывается из отдельных шагов, и каждый шаг в самом подлинном смысле есть отдельное путешествие.

— В некотором смысле, то, что мы здесь делаем, можно назвать интеллектуальным подходом к духовному развитию. Думаешь, тебе больше подошел бы подход, основанный на чувствах?

Конечно, мой вопрос подразумевает, уж не предпочла бы она в итоге волшебную сказку.

— Может быть, — отвечает она слабым голосом.

— Может быть, — вторю я ей. — Но, знаешь, это не какое-то там жизненно важное решение. Это не то, что должно заставить тебя отказываться от чего бы то ни было. Наверное, есть кое-что, чему тебе стоит

научиться, пока ты с нами. Возможно, не все вещи, возможно, речь только об одной или двух вещичках. Это забавно, как вселенная помещает нас в точности туда, где нам следует быть, чтобы подобрать следующую часть головоломки. Я уже говорил тебе, что дело не в том, победишь ты или проиграешь, верно?

— Да, я помню, — говорит она.

— И вот ты прямо сейчас слегка паникуешь, думая, что оказалась там, где тебе не следует быть. И я согласен с тобой, возможно, тебе скоро придется двигаться дальше, в этом нет ничего неправильного. Но я сомневаюсь, что твое время здесь истрачено понапрасну или что тебе нечего взять, пока ты здесь. Понимаешь, что я имею в виду?

Она кивает, показывая, что понимает, но как человек, который три четверти жизни кивал в ответ на то, чего не понимал, я склонен относиться к кивающим головам и приглушенным одобрительным звукам с некоторой долей скепсиса.

— Сколько тебе лет, Сара? — спрашиваю я.

— Двадцать, — отвечает она.

— Ладно, давай честно взглянем на это. Во-первых, ты вряд ли сможешь прорваться через ворота без ворот в ближайшее время. Есть что-то такое, что лежит на тебе тяжелым грузом? Чувствуешь себя так, будто должна преуспевать и добиваться высоких результатов в этих духовных делах?

— Не знаю. Может быть.

— Как ты думаешь, может ли быть этот дискомфорт связан с тем, что ты не чувствуешь быстрого прогресса?

Сидя выше и немного позади нее я мог заметить только ее кивок, но мне удалось уловить эмоциональность ее реакции. Спрашиваю, как давно она здесь с нами, и она отвечает, что около недели. Я смеюсь.

— Знаешь, в этом путешествии бывают такие моменты, когда уместно нажать на себя — возможно даже так сильно, что это может сломать разум и довести до

дурдома.

Она поворачивается и со страхом в глазах смотрит на меня снизу вверх.

— Я бы об этом пока не беспокоился, — заверяю я ее.

— Знаешь, чем я занимался, когда мне было двадцать, Сара?

— Наверное, вы были уже просветленным и учили людей вроде меня, — отвечает она.

Теперь я уже хохочу.

— Сара, когда мне было двадцать, я был полным олухом. Такая умная, красивая, подкованная девушка, как ты, даже не посмотрела бы на меня второй раз. Неглубокий, бестолковый, не знакомый с духовными материями. Просто болтался по жизни. Тот человек, которым я был двадцать лет назад, не нашел бы пути к этому дому, ко всей этой теперешней штуке, он бы ни за что этого не понял даже в самом поверхностном смысле. Ты в своем юном возрасте куда более развита и пробуждена, чем я тогда. Это не значит, что ты станешь совершенно пробужденной к своим тридцати, но кто знает? Никто ничего не знает.

Сара, по всей видимости, верит мне только отчасти.

— Это правда, — подтверждаю я. — Я не интересовался всем этим примерно до тридцати. А до этого... Тебе лучше и не знать.

Теперь она с облегчением улыбается, хотя и слегка шокирована тем, что человек, которого она водрузила на такой высокий пьедестал, на деле оказался далек от идеи безупречности.

— У тебя впереди еще много лет духовных приключений, возможно, много жизней. Попробуй делать один шаг за раз. Даже заглянуть на два шага вперед может быть страшно, понимаешь, о чем я? Дыши глубже, пей больше воды, медитируй почаще. Не принимай ничего близко к сердцу. Тебе не надо карабкаться из ада в рай, ты просто получаешь опыт жизни в теле. Это не

зло, это просто жизнь, и когда она закончится, ты умрешь так же легко, как дышишь.

Я уже говорил об этом Саре, но меня не удивляет, что она все еще верит, будто находится не на своем месте и должна искать свое. Легко сказать, что нет никакого состязания, нет победителей и побежденных, но совсем другое — действительно это понять. Это один из тех айсбергов, которые выглядят над водой относительно маленькими и безобидными, но под поверхностью воды скрываются огромные затвердевшие массы, препятствующие продвижению. Я не думаю, что мой треп действительно растопит чей-то айсберг, но, как я говорю с самого начала, моя роль заключается в том, чтобы сидеть и говорить о вещах, о которых я знаю, не привязываясь к результатам. Возможно, я сею семена, возможно, добавляю подпрограммы для запуска их когда-нибудь впоследствии, а может я просто точу лясы в пустыне. Кто знает? Никто ничего не знает.

— Что-нибудь из сказанного показалось тебе разумным? — спрашиваю я ее.

— Да, вроде того, — говорит она. — Мне кажется, я чувствую... не знаю... будто со мной что-то не так, будто я должна продолжать, не знаю...

— Бороться.

— Ага, будто я ничего не могу сделать достаточно хорошо, будто я должна стать этим... как будто я должна полностью очищать себя, искупать что-то, пока не стану... будто я не...

— Ничего не стою?

Она вздыхает:

— Наверное.

— Как будто ты лишняя? Не такая, как другие? Неправильная?

На это она явно реагирует. Неправильная.

— Так ты чувствуешь себя неправильным человеком? Как будто ты ненастоящая? Не такая, как другие люди? Ты, должно быть, все время чувствуешь себя

ужасно не к месту, словно неприкаянная. Это так? Ты всегда чувствуешь, словно смотришь откуда-то издалека?

Она кивает и тихо всхлипывает.

— И теперь ты тоже чувствуешь себя не в своей тарелке, потому что все здесь в своей тарелке, кроме тебя, и ты хочешь уйти?

Что-то в ней высвобождается.

— Вся моя жизнь вот такая, — говорит она сквозь слезы и всхлипывания.

— Я вечно лишняя, куда бы ни пошла. Я никуда не вписываюсь. — Она плачет еще сильнее. — Все вписываются... а я никогда... Я не такая, как нормальные люди... Я не знаю, что делать...

Я даю ей минуту-другую, чтобы она хорошенько выплакалась. До этого с ней нет смысла говорить. Я не часто занимаюсь консультациями по личным проблемам, в которую все это превращается, но, черт возьми, почему бы и нет. На самом деле я питаю слабость к этой ее проблеме.

— Круто, — говорю я после того, как она слегка успокоилась. — Очень круто.

— А? — спрашивает она. — Что круто? Почему?

— На самом деле есть две причины.

— Какие? — спрашивает она.

— Каждый человек полон дерьма, Сара, — говорю я и медлю, чтобы эта мысль как следует впиталась. — Не в отрицательном смысле, конечно, несмотря на то, как это звучит. — Она хихикает. — Я просто говорю как есть, что это встроено в нас. У нас нет выбора: каждый полон дерьма. Под дерьмом я имею в виду ложь: ложные верования, ложные впечатления и ложную личность, которая на них основана. Например, ты спишь и видишь сон, а твои сны полны того, что твое проснувшееся я сочтет ложным, верно? Разве не так? Когда ты просыпаешься, ты понимаешь, что события во сне были абсурдной выдумкой и удивляешься, как

ты могла верить в их реальность, пока они происходили, верно?

— Наверное, да.

— Ну вот, просветление представляет собой не что иное, как пробуждение ото сна. Ты, я, здесь, теперь — все это очень реально и осязаемо, не так ли? Настолько, что сам вопрос кажется абсурдным, верно?

Она соглашается.

— Но разве во сне не то же самое? Разве он не убедителен, пока ты в нем?

— Да, — говорит она.

— Вот оно, это заблуждение. Все в точности то же самое. Это сон. Вопрос в том, кто видит сон и как нам проснуться. Как стать реальными? Вот к чему сводится все просветление. Речь идет о пробуждении и понимании, что на самом деле реально, и в результате мы постепенно должны становиться все менее сонными. Мы должны сражаться и царапаться, продираясь к пробуждению. И таким же образом, если ты хочешь стать более истинной, то единственный способ сделать это — стать менее ложной, менее полной дерьма. Если ты хочешь быть менее полной дерьма, то единственный способ сделать это — отправиться внутрь себя, освещая свой путь с помощью способности к различению, найти дерьмо и выставить его на свет. Свет разрушает ложь. Она исчезает, когда ты действительно смотришь на нее, потому что ложь никогда не бывает чем-то реальным, она только воображается. Вот что ты делаешь прямо сейчас — храбро направляешь свет внутрь себя, прокладывая себе путь все глубже — и это круто. Это не легкое и не веселое занятие, но таков уж этот процесс. Вот как происходят хорошие вещи. Вот как тает айсберг, снова сливаясь с океаном.

Кто-то у огня развлекается с горящими палками, и я вспоминаю сцену из адаптированной Питером Бруком и Жан-Клодом Карьером «Махабхараты». Танцующий с горящими палками Кришна разговаривает

с Арджуной, которому не удастся проникнуться абсолютной безусловностью сражения, в которое они вовлечены. Ради спасения Арджуны Кришна пожертвовал могучим и горячо любимым союзником, а Арджуна не может оценить величие этого поступка. «Да, — говорит Кришна, — Гхатоткача спас тебя. Чтобы сохранить твою жизнь, я отправил его на смерть. Сегодня я дышу радостью. Я был рожден, чтобы сокрушать сокрушителей, а стал тебе другом из любви к этому миру».

— А какая вторая причина? — спрашивает Сара.

— А?

— Вы сказали, очень круто по двум причинам.

— Ах да, потому что я точно знаю, о чем ты говоришь, потому что я был точно таким же, и скажу тебе вот что: я жалею, что рядом со мной тогда не оказалось никого, кто сказал бы мне, что я не похож на остальных не потому что я недоделанный, а потому что создан для другого. Быть другим может казаться проклятием, но важно понимать, что это еще и благословение. Жаль, что рядом со мной не оказалось никого, кто посоветовал бы мне прекратить попытки исправить темную сторону и начать разбираться со светлой. Понимаешь, о чем я?

Наверное, понимает, потому что несколько минут она держится руками за свою шею, высвобождая сдерживаемую запрудой слез. Когда он выплакала их большую часть и мы смогли вернуться к разговору, ее речь стала заметно менее зажатой, а смех более искренним, будто раньше ее грудь стягивал обруч, который теперь исчез, и она может дышать свободно впервые за долгое время.

Круто.

**ДУМАЛ ЛИ КТО, ЧТО РОДИТЬСЯ НА СВЕТ —
ЭТО СЧАСТЬЕ?**

*Думал ли кто, что родиться на свет — это счастье?
Спешу сообщить ему или ей, что умереть —
это такое же счастье, и я это знаю.*

*Я умираю вместе с умирающими и рождаюсь
вместе с только что обмытым младенцем,
я весь не вмещаюсь между башмаками и шляпой.*

*Я гляжу на разные предметы:
ни один не похож на другой, каждый хорош,
Земля хороша, и звезды хороши,
и все их спутники хороши.*

*Я не земля и не спутник земли,
Я товарищ и собрат людей,
таких же бессмертных и бездонных, как я
(Они не знают, как они бессмертны, но я знаю).*

— Уолт Уитмен —

ПРОСТЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ РАДОСТИ

Вселенная есть единство всего. Тот, кто признает свою тождественность этому единству, придает не больше значения членам своего тела, чем грязи, и жизнь, смерть, начало и конец нарушают его покой не более, чем смена дня и ночи.

— Чжуан Цзы —

На следующее утро я встаю в семь. Принимаю душ, быстро одеваюсь, хватаю на бегу яблоко в кухне и выскакиваю из дома, не встретив ни души. Снаряжение уложено в багажник еще с вечера, так что я готов отправляться в путь, едва забравшись в машину.

Еще вчера поздно вечером, после беседы у костра, я справился о погоде в интернете и, узнав, что сегодня ожидается идеальный день — а это редко случается в апрельской Айове, — решил воспользоваться благоприятной возможностью. Мой мешок со снаряжением для прыжков с парашютом уже готов к новому сезону, поэтому все, что мне осталось сделать, — это забросить в рюкзак какую-нибудь одежду и полотенце, проверить, что журнал прыжков и прочие мелочи при мне, и убедиться, что моя машина не заблокирована другими и ничто не помешает моему утреннему спешному отбытию. И вот я уже проделываю получасовой путь к аэроклубу, и это утро обещает быть идеальным для прыжков с парашютом.

Может, я Джонни Просветленный, но я не Джо Крутой¹. По дороге к аэродрому у меня всегда начинаются неприятные ощущения в животе, которые проходят после первого в этот день прыжка, и сегодняшний день не исключение. Это что-то вроде базового страха. Можно даже сказать, что сегодня слегка страшнее, чем обычно, потому что последний раз я прыгал с парашютом во Флориде в декабре. Но стоит один раз прыгнуть — и остаток дня самочувствие будет хорошим. Легко предположить, что просветление позволяет подавить эмоции вроде страха силой воли, но, как говорят новичкам в парашютном деле, если вы не боитесь прыгать с самолета, с вами определенно что-то не так.

Хоть я и не получаю удовольствия от страха, который проявляется в основном бурчанием в животе, нельзя сказать, что я его недолюбиваю, поскольку в нем и правда нет ничего особенного. Например, я не слишком обеспокоен по поводу травмы или смерти, так что возбуждение представляет собой базовую тревогу, которая чувствуется нутром, а не сердцем или умом. Как я уже сказал, после первого прыжка тревога забывается до следующей поездки на аэродром.

Учитывая, что я совершил примерно сотню прыжков за пять лет, меня нельзя упрекнуть в недостатке рьяного энтузиазма в парашютном спорте. Я не принимаю участия в групповой акробатике, когда парашютисты образуют сложные фигуры в воздухе. Я не занимаюсь купольной акробатикой, когда фигуры образуются после раскрытия парашютов. Я не занимаюсь свободным парением или трюками с приземлением, для которых требуется особое снаряжение. Я не занимаюсь затяжными прыжками, прыжками с доской или в костюме для парения, который превращает человека в крыло и позволяет переводить вертикальную энергию падения

¹ Joe Cool — мультипликационный персонаж, альтер-эго Снупи. —
Прим. перев.

в горизонтальный полет. Я не подписываюсь на специальные журналы, не пользуюсь особым снаряжением и не посещаю слеты парашютистов. В общем, мне просто нравится прыгать из самолета на высоте четырех километров и некоторое время падать навстречу земле со скоростью 190 км/ч. Будто совершаешь самоубийство, но успеваешь передумать за несколько секунд до смерти. Бывают такие простые человеческие радости.

К тому же мне нравится выбираться из дома и на какое-то время сходить с тропинки духовного наставника. Прогулка пешком или на велосипеде, даже в полном одиночестве, не дает такого эффекта, потому что ум продолжает перемалывать одну и ту же задачу — как выразить эти идеи проще, яснее. А на аэродроме я могу провести целый день и ни разу не задуматься об этих штуках.

Ни одна живая душа в аэроклубе не отождествляет меня с чем-то необычным вроде фигурирования в списке иллюминатов сельской Америки. Для них я просто парень лет сорока, которому нравится время от времени прыгать с парашютом, от чего здесь и бровью никто не поведет. Я не вписываюсь в коллектив, но это отличное место, чтобы не вписываться в коллектив. Между прыжками я просто тусуюсь, болтаю с другими парашютистами и оказываюсь как никогда близок к тому, чтобы оказаться частью чего бы то ни было.

Мне нравится водить машину. Я открываю окна, включаю музыку и стараюсь держать ум поодаль от тревожащегося нутра. День обещает быть прекрасным. В апреле редко бывают ясные, теплые дни без сильного ветра. Температура воздуха подбирается к 15 градусам, ветер меньше 5 м/с. Это мой первый прыжок в этом сезоне. Я уже заезжал на аэродром месяцем раньше, чтобы забрать свой парашют после того, как укладчик с лицензией заново уложил мой запасной парашют — эта процедура должна повторяться каждые четыре месяца, — но тогда, в марте, никто и не думал

еще взлетать.

По приезде в зону высадки я обнаруживаю, что там заново инструктируют новичков, чья подготовка была прервана наступившей зимой. Я занимаю место в заднем ряду, всегда довольный возможностью послушать разговоры бывалых парашютистов об этом виде спорта и их опыте. В перерыве я встаю и здороваюсь с инструктором, который обучал меня. Мы говорим о погоде, новом урожае учеников и о прыжках, которые мы оба ухитрились совершить этой зимой на юге.

На часах уже больше десяти, и вот самолет заправлен и готов к первому взлету. Это Сессна-Караван, которая поднимает за раз больше дюжины парашютистов. Ответственный за план загрузки самолета не включил меня в полетный список для первого полета. Я наблюдаю за тем, как инструкторы дают краткие наставления нескольким парашютным «девственникам» по поводу прыжка в тандеме. Им рассказывают, как проходит процесс и какова их роль в нем. В тандемном прыжке два человека прыгают с одним парашютом. Страховочные ремни на спине пассажира надежно крепятся к таким же ремням на груди инструктора. Тандемный парашют намного больше обычного и снабжен дополнительным куполом, чтобы снизить скорость свободного падения до скорости парашютиста-одиночки — примерно 190 км/ч, потому что из-за двойного веса тандем развивает кошмарные 320. Как правило, люди, прыгающие в тандемах, создают немалую суету в зоне высадки, но постоянные прыгуны должны быть благодарны им за приток наличных, потому что организация прыжков дело малоодоходное и те, кто занимается им на регулярной основе, всячески желают ему оставаться на плаву.

Многие тандемщики приезжают с друзьями и семьями, так что толпы собираются изрядные: вокруг носятся дети, расставлены пластиковые стулья, тут и там разбросаны ящики с холодным пивом и видеоборудование, люди, свернув шеи, смотрят вверх, приставив

одну руку козырьком, другой тыча в небо. Довольно трудно уложить парашют на полу ангара, когда вокруг носятся дети и собаки. Все тандемы запланированы на утро, так что ко второй половине дня все, как правило, успокаивается и остаются только постоянные парашютисты и те, кто обучается.

Я наблюдаю за тем, как несколько тандемщиков получают свои инструкции и экипируются. Они надевают костюмы для прыжков, очки, некоторые — высотомеры, хотя за их высотой будет следить ведущий тандема, который отвечает за то, чтобы основной парашют открылся на нужной высоте.

Мое имя обнаруживается в полетном списке для второго рейса, и через несколько минут после взлета первой партии я начинаю подготовку. Я хочу оказаться в самолете одним из первых, чтобы подняться на нем на высоту 4200 метров или даже выше, прежде чем прыгнуть. Между первым и вторым рейсами дозаправка не нужна, поэтому я должен быть в полной готовности. Сегодня тепло, поэтому я прыгаю в шортах, майке и сандалиях. Я надеваю рюкзак, внимательно застегиваю и регулирую ножные ремни, которые будут поддерживать мой вес, и нагрудный ремень, который не даст мне потерять вертикальное положение. Я застегиваю ремешок моего высотомера на левом запястье, вешаю на шею защитные очки и подхожу к другому готовящемуся к прыжку парашютисту, чтобы мы могли проинспектировать снаряжение друг друга.

Самолет возвращается, пилот приставляет к нему маленький трап, а я жду, когда инструктор даст мне знать, что пора подниматься на борт. Я бы предпочел подняться первым и прыгнуть последним, но если на борту будет один из обучающихся, то последним прыгнет он и его инструктор. Как выясняется, один из нас проходит программу ускоренного обучения свободно-падению всего лишь второго или третьего уровня, так что от прыжка до раскрытия парашюта на высоте

полтора тысяч метров его будут сопровождать два инструктора. Я жду, пока они проберутся через весь салон и займут свои места сразу за креслами пилотов, а потом размещаюсь сам, как можно дальше от выхода, примостившись между ног этого ученика, спиной к нему, и следующий, кто сядет в самолет, тоже вскоре займет такое же место между моих ног. Пока есть свободная минутка, проверяю, что мой высотомер указывает нулевую высоту. Через две минуты салон самолета становится похож на банку сардин и мы катимся к другому концу полосы для подготовки ко взлету.

Как только мы оказываемся с подветренной стороны полосы, пилот разворачивает самолет, нажимает на тормоз и прибавляет газу. Самолет трясется, пока пилот не отпускает, наконец, тормоз и мы не устремляемся вперед. Через несколько сотен метров самолет взмывает в воздух и аэродром быстро уменьшается в размерах. Кто-то пускает по рукам упаковку мятных леденцов, я тоже беру один и передаю их дальше.

Некоторые из парашютистов одеты по полной выкладке: специальный костюм, шлем с маской и голосовой высотомер, закрепленный рядом с ухом, который предупредит их, когда они окажутся на нужной высоте. У двери собралась группа из четырех или пяти человек, которые выпрыгнут вместе со своим оператором видеосъемки, чтобы выполнить сложную серию акробатических трюков. На борту есть еще один оператор, который, вероятно, будет снимать того продвинутого ученика, что сидит позади меня. У операторов особые шлемы с видеокамерами по бокам и 35-миллиметровой зеркальной фотокамерой на макушке, которые управляются с помощью ручного пульта. Это очень опытные парашютисты.

Ученик, между чьих ног я примостился, — здоровенный парень, который чувствует себя неуютно в таких стесненных условиях. Он непрерывно ерзает. Когда надеваешь снаряжение, очень важно следить за

своими устройствами раскрытия парашюта — подушкой отцепки, ручным спуском вытяжного парашюта, или кольцом, и тросиком открытия запасного парашюта, но помимо этого есть кое-что еще, о чем следует беспокоиться, и я довольно скоро узнаю о чем.

Пока мы взлетаем, нас обдувают сквозняки, потому что дверь самолета снята на весь день. Как правило, дверь остается закрытой ради относительно спокойного подъема на высоту, но дверь именно этой модели самолета не идеальна для ее открытия в полете, поэтому ее оставили на земле рядом с заправочными цистернами. На высоте чуть меньше трех километров акробаты и их оператор занимают свои позиции, некоторые внутри, а некоторые держась за поручни и стоя в дверях на подножке снаружи. На счет три они прыгают, и самолет взмывает вверх из-за внезапной потери почти полтонны веса.

Следующим идет парашютист с доской, которому придется проделать непростой путь к дверному проему по скользкому полу продуваемого насквозь салона самолета с пристегнутой к ногам доской наподобие тех, что используют сноубордисты. Он неуклюже вываливается наружу, и еще один парашютист высывает голову наружу, чтобы убедиться, что тот прыгнул благополучно. Он показывает всем остальным большой палец вверх.

Насколько я понимаю, позади меня инструктор и ученик повторяют сигнальные жесты и последний раз проговаривают порядок действий во время прыжка, а самолет закладывает вираж и поднимается выше. Все идет гладко, и я просто счастлив: гляжу в окно, проверяю свой высотомер и предвкушаю падение в небо в трех километрах над миром.

И тут все идет наперекосяк.

Сначала я не понимаю, что происходит, не считая того, что меня колотят по спине. Оказывается, у этого ученика сегодня первый прыжок, и с ним только

что приключилась настоящая паническая атака — он молотит руками, барахтается и издает пронзительные звуки, которые у меня ассоциируются с плакальщиками на арабских похоронах. Оба инструктора по бочкам от него пытаются успокоить и удержать его, а он тем временем толкает меня вперед и несколько вбок. Я осознаю, что за все этой свалкой наблюдают пять или шесть парашютистов, включая второго инструктора и оператора, и замечаю, что время стало течь заметно медленнее, потому что зрелище закрутившегося в потоках воздуха обрывка целлофана отвлекло мое внимание, как мне показалось, на несколько минут. Потом все стало еще интереснее.

Пытаясь приподняться и сесть на гладкой поверхности пола, я слышу, как инструктор позади меня кричит: «Контейнер открыт!» Контейнером называется внешняя укладка, присоединенная к ранцу, в ней находятся основной и запасной парашюты. Открытый контейнер внутри самолета без двери — это серьезный повод задуматься, и до меня не сразу доходит, что он имеет в виду мой контейнер. Столько же времени понадобилось и второму инструктору, чтобы сообразить, что происходит. Только что он стоял на коленях перед мной, и вот он уже суетится, перебирая руками и ногами, вокруг меня, чтобы добраться до моего ранца. Я понятия не имею, что там с моим парашютом, но я, разумеется, читал достаточно отчетов о происшествиях, чтобы представить себе, что произойдет, если парашют откроется внутри воздушного судна без двери.

У меня в голове проносятся все прочитанные сценарии, и это позволяет за мгновение просчитать возможное развитие ситуации. Если задняя часть ранца откроется, то мой плотно упакованный и снабженный спусковым устройством вытяжной парашют вылетит из контейнера так, как и задумано его создателем, и будет подхвачен воздушным потоком, который хаотично кружит внутри самолета. Вероятно, еще примерно

секунду он будет полоскаться внутри салона, пока не найдет путь наружу через открытую дверь, и вот тогда все буквально взлетит на воздух, начиная с меня.

Как только вытяжной парашют вылетит из двери, моя смерть будет неизбежной и под вопросом окажется возвращение остальных пассажиров и самолета на землю в целости и сохранности. Как только вытяжной парашют всосется воздушным потоком за дверь, за ним, как и положено, мгновенно последует основной парашют. Совершенно очевидно, что стоит моему основному парашюту открыться и вылететь за дверь, для меня не останется уже никакой надежды, я буду насильственно извлечен из самолета. То же случится с любимым, кто окажется между мной и дверью, а также с частью фюзеляжа между дверью и кормой, поскольку мое тело скорее пробьет его насквозь, чем облетит. Крупный парень вроде меня может еще и выломать кусок хвостового оперения.

Короче говоря, все мрачно.

Этот сценарий пролетает у меня в уме за миллисекунду, пока второй инструктор еще пытается справиться с моим ранцем. Теперь я снова лежу на боку, совершенно неподвижный, и отстраненно наблюдаю за происходящим. Каждую клетку моего существа пронизывает радость. Меня смущает собственное счастье в таких обстоятельствах, но я ничего не могу поделать. Я в руках судьбы и в полусекунде от поистине зрелищной смерти. Я вижу глаза других пассажиров, пока они карабкаются подальше от двери, чтобы не оказаться у меня на пути, которым я, как им известно, вот-вот могу последовать. Они наблюдают за нами, и я вижу, как они озадачены при виде моего восторга. Наверное, думают, что я рехнулся. Возможно, они даже решили, что в этом происшествии есть моя вина. Мне все равно. Из-за этих острых ощущений я чувствую себя настолько живым, что удивляюсь, почему зрители сами не расплываются в широких улыбках от одной только

их близости ко мне.

Через несколько мгновений я слышу разговор инструкторов. Один обнимает меня сзади и обвиняет руки вокруг моей груди, просто удерживая своим телом мой контейнер закрытым и больше не пытаюсь привести его в порядок. Другому инструктору, кажется, удалось успокоить ученика. Я знал, что будь у этого самолета дверь, мы бы просто закрыли ее и совершили срочную посадку, но без двери все иначе. Главный инструктор отдает команду всем парашютистам, включая оператора ученика, прыгать прямо сейчас. Студент, два инструктора, пилот и я приземлимся на самолете. Пилоту объясняют ситуацию, и каждый, кто может, покидает самолет, дождавшись подходящего момента, поскольку оставаться внутри куда опаснее, чем ложиться на парашют за спиной. Пилот, которому известно о небезопасном снаряжении на борту, начинает круто спускаться, не желая ни секунды дольше подвергаться риску катастрофы.

Я еще никогда не приземлялся на маленьком самолете и теперь наслаждаюсь крутым спуском с тугими виражами. Взлет не бывает таким забавным. Где-то на шестистах метрах высоты меня осеняет мысль, и я говорю обнимающему меня сзади инструктору: «А что насчет ППК?»

Мне не видно, какими они обмениваются взглядами, но оба инструктора одновременно режут: «Набрать высоту!» Пилот, не зная причины такой команды, реагирует резким рывком, отчего я вываливаюсь из объятий вцепившегося в меня инструктора. Я ожидаю открытия контейнера и готовлюсь выразить в последнее мгновение благодарность, но он не открывается и я немедленно прижимаюсь спиной к стенке, хотя на гладком полу невозможно удержаться и не за что ухватиться. Инструктор становится на колени рядом со мной и запускает руку между фюзеляжем и моей спиной и кричит, что он держит это, что бы «это» ни было.

ППК означает «полуавтомат парашютный комбинированный». Не у каждого есть такая штука, но на мне бывшее ученическое снаряжение, поэтому у меня она есть и, как оказалось, у одного из инструкторов тоже. В ППК есть встроенный высотомер, и он автоматически раскроет парашют на высоте триста метров, если он еще не раскрыт. Как правило, иметь заряженный ППК в снижающемся самолете безопасно, потому что это устройство срабатывает только при определенной скорости снижения, которой самолет обычно не достигает, но поскольку мы летим вниз быстрее, чем обычно, велик риск, что одно из устройств, если не все, сработает.

Мне известны случаи, когда ППК спасали жизни. Если парашютист теряет сознание или по какой-то причине не может раскрыть парашют, то ППК делает это за него. Приземление, возможно, будет неприятным, но это лучше, чем свободный полет.

Знаю я и об ошибках ППК и связанных с этим трагедиях, включая срабатывание внутри самолета. Возможность не из приятных. Главный инструктор — не тот, что удерживает мой контейнер закрытым, а другой — дает инструкции пилоту и проверяет, что ученик успокоился. Затем он становится на колени и отключает его ППК, расположенный в верхней части ранца. Он ползет ко мне, отключает мой, а затем горбится так, чтобы я мог отключить его устройство, не отодвигаясь от фюзеляжа.

Как только ППК отключены, мы можем приземлиться без происшествий. Когда самолет останавливается на земле, инструктор, который держит руку у меня за спиной, перекачивает меня вперед и убеждается в безопасности ранца, прежде чем позволить мне покинуть самолет. Отстойно было бы пройти через все это, чтобы потом мой ранец открылся на взлетке и потянул меня под вращающийся пропеллер. Не знаю, могло ли такое на самом деле произойти, но у меня слишком

хорошее настроение, чтобы выяснять это. На земле никто еще не знает о происшествии, потому что прыгнувшие парашютисты еще только начали приземляться, да и то не в расчетной точке, поскольку трудно ожидать идеального приземления после ситуации, в которой произошел прыжок. Разумеется, люди на земле быстро поняли, что что-то не так, когда самолет приземлился с парашютистами на борту.

Я вышел из самолета и побрел по траве подальше от него и приближающихся людей. Мне не хотелось говорить. Не хотелось испортить этот чудесный момент. Можно всю оставшуюся жизнь прыгать с парашютом и больше никогда не испытать настолько мощного и возбуждающего опыта. Я все еще впитываю это чудо и не хочу тратить время на болтовню о нем. Я роняю ранец, отхожу от него в сторону, поднимаю руки и позволяю волнам благодарности течь через меня. Как же чудесен этот гребаный мир. Как же чудесна эта гребаная жизнь.

Я убираю свой ранец, который все равно нужно укладывать заново, и ухожу прогуляться. Ныряю в близлежащий лесок, нахожу тропинку и просто бреду по ней, заново проигрывая свои переживания и кайфуя от приятного возбуждения. Через полчаса я возвращаюсь в большой ангар и понимаю, что все приписали мое желание побыть в одиночестве моему потрясению. Вся эта история уже начинает превращаться в местную легенду, и мои приятели по прыжкам быстро понимают, что я в полном порядке и не против обсудить происшествие. В итоге в этот день я пересказал события раз шесть. История оказалась даже выгодной для меня, поскольку владелец аэроклуба чувствовал себя настолько неловко, что внес меня в расписание на каждый второй прыжок до конца дня. К тому времени, когда наступили сумерки и самолет закатили обратно в ангар, я шесть раз поднимался в небо и пять раз опускался под куполом парашюта — больше прыжков в один

день я еще не совершал. Кроме прочего, не понимая, что я с удовольствием приплатил бы за такой день, как этот, они не взяли с меня ни цента.

Во всех аэроклубах, которые мне известны, есть место для разжигания костра. Уже вторую ночь подряд я обнаруживаю себя сидящим у костра и счастливо всматривающимся в огонь, но на этот раз с совершенно другими людьми и в совершенно другой роли. Я пью светлое пиво, курю дешевые сигары и увлеченно слушаю сумасбродные истории о приключениях, мужестве и трагедиях. Это особая порода людей, и я считаю за честь сидеть среди них.

^ ^ ^

Ладно, это был час потехи. А теперь вернемся к просветлению.

СЛОИ

Концепции в лучшем случае служат для отрицания других концепций, как с помощью одного шипа извлекают другой шип, а потом выбрасывают. Слова и язык имеют дело с одними лишь концепциями и не могут приблизить к Реальности.

— Рамеш Балсекар —

Я вернулся домой около восьми вечера и отправился напрямиком вверх, чтобы на полчаса расслабиться в ванной. Может показаться, что парашютный спорт не требует значительных физических усилий, тем более что за весь день на свободный полет или спуск под куполом ушло в общей сложности минут двадцать, но к концу дня, проведенного на аэродроме, я чувствую себя так, словно восемь часов копал траншеи. Небольшое, но постоянное напряжение, жара и солнце, неудобная поза на коленях при укладке парашюта, судорожные 15-20 минут барахтанья внутри самолета, внезапная потеря скорости, когда купол вцепляется в воздух, и не такие уж мягкие посадки — все это дает о себе знать.

Ванна представляет собой джакузи с гидромассажем, а комната оборудована стереосистемой, так что я могу послушать расслабляющую музыку, пока нежусь в горячей бурлящей воде. Через некоторое время я отключаю гидромассаж, но оставляю включенной подачу горячей воды и погружаюсь в самую сладкую в моей

жизни дремоту.

Спустившись вниз, я застаю конец позднего ужина, отвоевываю себе кухню, запираю двери и приступаю к уборке. Не могу сказать о Сонайе ничего, кроме похвал, но — *черт возьми!* — эта женщина гораздо устраивать на кухне бардак. Она только готовит и никогда не моет посуду, следовательно, не заинтересована в поддержании минимального порядка. С грузом тарелок и стаканов приходит Крис. В небольших дозах Крис хорош. Он склонен упорствовать в своих мнениях, так что учить его особого смысла нет, пока он не окажется способен самостоятельно прибраться у себя в голове. Его чашка чая наполнена до краев, в дзэнском смысле, — в ней нет места для чего-либо еще. Впрочем, это не мешает мне учить его. Это не мое дело — разбираться, куда попадают слова, слетев с моих уст. Я уверен, Крис точно знает, почему он здесь с нами, и еще я уверен, что он ошибается, но он получит то, за чем пришел, даже не зная, что это, и в конце концов уйдет с этим, хотя будет разочарован, потому что не получил то, за чем, как он полагает, он пришел. Ничего необычного. Я не знаю, почему Крис здесь, мне это вообще не интересно. Я не думаю о чьих-то мотивах, настоящих или воображаемых. Это не мое дело. Мое дело говорить, передавать, произносить то, что я знаю. Восприятие не в моей власти. Я не заинтересован в результатах, потому мне они уже известны. Я просветлен — я знаю, как мне это удалось.

Рука Криса твердо лежит на штурвале его жизни. Он уверен в себе. Он принимает решения, и он определяет свою судьбу. Капитан собственной судьбы — так, должно быть, он думает об этом — хозяин положения. Будь я каким-нибудь уважаемым наставником в Японии, Крис был бы одним из тех парней, которые по десять лет заняты рабским трудом на кухне, ни разу не перемолвившись со мной и словом. Если бы я учил в расчете на результат, Крису не было бы дозволено

открыть книгу или беседу на духовную тему прежде, чем он оторвет руки от штурвала. Косное эго может затопить корабль еще до того, как он покинет гавань. Я видел людей намного умнее меня, намного храбрее меня, которые самым роковым образом разбили свои суда о скалы, потому что были слишком преисполнены себя, чтобы отказаться от контроля. Дело тут не в мозгах и не в стальных яйцах, но в страсти, потоке и чистоте намерения.

— Эй, — говорит Крис, словно мы приятели, — могу спросить кое-что?

— Не-а.

— Извини?

— Хочу помыть посуду в одиночестве, Крис. После найди меня и мы сможем обсудить, что захочешь.

— А, ладно. Эй, это круто.

Я продолжаю прибираться. Когда я купил этот дом, здесь уже была установлена прекрасная посудомоечная машина, которую я немедленно выбросил на помойку, заполнив освободившееся место дополнительной стойкой и шкафчиком для посуды. У меня ни в коем случае нет предубеждений против технологий, только неприятие посудомоечных машин. Уборка на кухне кажется мне одной из маленьких радостей жизни, и да, я пришел к такому выводу еще до того, как у меня появилась армия маленьких эльфов, присматривающих за порядком.

Вьетнамский мастер дзэн Тхить Няг Хань говорит, что есть два способа мыть тарелки. Первый — когда моешь их, чтобы они были чистые. Второй — когда моешь тарелки, чтобы мыть тарелки. Я это делаю, чтобы мыть тарелки, но поскольку на такую осознанность я трачу от силы час в неделю, думаю, мне лучше не представлять себя человеком вроде тех, кто по-настоящему живет в моменте. Многие выдающиеся люди, по всей видимости, согласны с важностью сознательного действия, но не считая случайных набегов на кухню, я не

один из них. Не думаю я о себе и как об одном из тех простых людей, которые находят удовольствие в мелочах. На самом деле, если мне удастся подняться наверх, прежде чем Крис или кто-то еще перехватит меня для какого-нибудь разговора, я проведу остаток вечера с Ларой Крофт, прокладывая путь через опасные гималайские монастыри в поисках кинжала Сианя. Но удастся ли мне пробраться наверх, прежде чем ученики загонят меня в угол? Вряд ли. Продолжая заниматься уборкой, я с удовольствием фантазирую об игре наподобие «Расхитительницы гробниц», в которой изможденный духовный наставник пробивается через лабиринт галдящих учеников в попытке прорваться в уютную комнату, оборудованную домашним кинотеатром. Вместо оружия ученики снабжены вопросами духовного свойства, изрыгаемыми в адрес осаждаемого наставника, на которые он должен правильно ответить, чтобы продвинуться вперед. Такая игра была бы современной разновидностью старинной японской дхармической дуэли, когда просветленные вступают в борьбу, выясняя, кто лучше разговоры разговаривает. Вы можете спросить, зачем они это делали? Ну, а почему бы и нет? Почему я учу и пишу книгу? Просто потому что. Нужно же что-то делать. Если бы у них все еще устраивались дхармические дуэли, я был бы счастлив представлять там Айову. Ну, или по крайней мере подписался бы на газету и следил за событиями в духовном спорте.

Я отклонился от темы. Вот куда на самом деле забредает мой ум, когда я мою посуду. Не не-ум, а обезьяний ум. Будь я одним из тех почтенных японских наставников, я бы, вероятно, держал сам себя десять лет в кухонном рабстве без права заговорить с самим собой.

Я закончил уборку и держу путь наверх. Моя игровая приставка включена, и игра остановлена на том месте, до которого я добрался в прошлый раз. Я припоминаю, что тогда я остановился в самом начале очень

сложной серии трюков с карабканьем на стены и обратными прыжками с поворотом в воздухе, чтобы уцепиться за противоположную стену. Разумеется, неудача приводит к долгому падению и пронзанию острыми кольями, которые, вдобавок, торчат из озера пузырящейся лавы.

Трюк в том, что никакого трюка нет. Ты просто должен сделать это пятьдесят раз, из которых сорок девять раз погибнешь. Можно и потерять терпение слегка.

Я знаю, что вы думаете. Вы думаете, что я притащил в эту книгу Лару Крофт и игру «Расхитительница гробниц», чтобы представить с их помощью еще какую-нибудь аналогию. Вы думаете, я собираюсь сказать, что душа в ходе множества жизней развивается так же, как развивается в ходе этой игры персонаж, преодолевающий все более сложные препятствия. Я не порицаю вас за то, что вы так думаете, это вполне уместно. Это я к тому, что вот есть такой игровой персонаж — Лара. Хотя она об этом не знает, ее оживляют и ей управляют незримые силы. Понимаете? Тут есть эта штука с высшим я и низшим я. Лара сталкивается с рядом испытаний, каждое из которых она должна преодолеть, чтобы продвинуться дальше, и да, она может «умереть» и «переродиться» много, много раз в процессе преодоления даже одного-единственного из этих препятствий, прежде чем перейдет к следующему. По мере того, как управляющая сущность, или «высшее я», Лары становится искуснее, испытания усложняются, достигая в конце концов наивысшей точки в последнем испытании — битве с ультра-мега-крутым драконом, после чего игра завершается и не требуется больше никаких «рождений». Подобную аналогию можно даже продолжить, указав, что перед «сверхдушой» в этой команде стоит конкретная задача, и высшей сущности абсолютно все равно, рассекает ли игровой персонаж голубую гладь океана или по самые глаза погрузился в испепеляющее озеро лавы. Значение имеет только его

продвижение вперед.

Да, я понимаю, конечно, почему вы, возможно, думаете, что именно поэтому я упоминаю эту игру, но вы кое о чем забыли. Эта книга не об эволюции души или отношениях между высшим я и низшим я. Она о пребывании в состоянии недвойственного осознания — духовном просветлении, и причина моего упоминания этой игры заключается в том, что после мытья тарелок и уборки на кухне я собираюсь пойти наверх и поиграть в нее.

△ △ △

Крис входит, усаживается рядом и без малейшей тени сострадания к тяжелой доле моей героини начинает читать мне лекцию о природе иллюзии и ужасах, чинимых эго. Я как раз наконец понимаю, как выполнить трюк со вторым прыжком задом-наперед с поворотом и хватанием, когда сидящий рядом Крис начинает размахивать руками, чтобы выразить свои прозрения в вопросе о большой душе и малой душе.

— Мы вроде как божественные существа, — сообщает он мне, — вроде богов, но заточенных в темноте, так что мы не можем проснуться к нашей подлинной природе. Словно бездомный, живущий на улице в полном отчаянии, не зная, что он сын миллиардера и наследник огромного состояния.

Крис говорит страстно, как если бы собственный страх придавал ему сил. В таком же тоне несут свою чушь конспирологи, преисполненные чувства собственной важности и веры в то, что им удалось проникнуть глубже, чем простым людям — стаду — в скрытую реальность. Бежать в стороне от стада, конечно, лучше, чем бежать в стаде, — мог бы я сказать Крису, — но нет существенной разницы, если ты бежишь в том же направлении.

Речь Криси о природе заблуждения или тот факт,

что он позволяет себя поучать меня в этом вопросе, не вызывают у меня особого отвращения. Обмен информацией — мощное средство для понимания, и неважно, происходит он в устной или письменной форме. Ум естественным образом приходит в более сосредоточенное состояние, когда ему нужно передать знание, нежели просто обработать или сохранить информацию для собственных нужд.

Лара хватается за верх стены и должна подтянуться. Однако верх стены покатый и она срывается до того, как я успеваю заставить ее снова ухватиться за него. Она падает и приземляется на другой склон, по которому скользит вниз. В этот раз я цепляюсь за край, когда она забирается наверх. Я заставляю ее подтянуться, но не знаю, что делать с ней дальше. Пытаюсь снова прыгнуть-повернуться-ухватиться, и она умирает жуткой смертью.

— Нет, ну в самом деле, — продолжает Крис, — просто взгляните на это! Эго! Это все эго! Каждый заключен во тьме тюрьмы собственного изобретения. Бог не оставил нас, это мы оставили Его! Вот в чем великая ирония всего, страдания, человеческой ничтожности, во всем этом нет необходимости. Махариши Махеш Йоги говорит: «Иди и скажи миру, что больше никто не имеет права страдать», — и ведь это правда. Проснуться — вот все, что нужно сделать, проснись — и боль и страдание немедленно исчезнут.

В часе езды отсюда на юг расположен большой центр Махариши со своим университетом и сообществом медитирующих, не все из которых, судя по тому, что достигает наших ушей, влюблены в Трансцендентальную Медитацию. Подозреваю, что Крис не уполномочен распространять и комментировать учение Махариши, и мне немного любопытно, что бы он взял из сказанного мною и как переосмыслил ради чьей-нибудь еще пользы.

— Итак, — спрашиваю я, пока Лара карабкается на

стену, — ты понимаешь просветление как своего рода избавление от уз невежества? Как свободу от эго?

Это то, что Крис считает важным, что делает это Важным — узы, заблуждение, эго и все такое. У него уже были Важные штуки в прошлом и их будет еще больше в будущем. Важные штуки могут быть самыми разнообразными, но они никогда никуда не ведут, вопреки впечатлению, которое они производят. Они больше похожи на промежуточные острова в опасном морском путешествии. Как им и положено, все подобные острова исчезают в бурном море, а путешествие волей-неволей продолжается. Любовь, Бог, сострадание, гуру и сознание — вот примеры важных штук. Это манящие райские уголки, на первый взгляд совершенно безопасные и укромные, но ни один из них не является целью путешествия, как в конце концов осознает любой, кто там остановится. Однако нет и причин, чтобы не останавливаться. Жизнь — не состязание, и единственная ее цель — само путешествие.

— Так и есть, — отвечает он мне. — Свобода от уз. Освобождение от цепей, которые поработают нас и заставляют думать, что мы просто низменные биологические формы жизни, тогда как мы поистине божественные существа. Вы же сами говорите о парне в платоновской пещере, освобождающегося от цепей, которые удерживают его в невежестве. Просто идеально. Все именно так. Вот что имеет в виду Махариши!

У меня нет формального учения как такового, но я знаю, что делает Махариши, и знаю, что он ни перед чем не остановится, чтобы защитить учение от именно такого рода неизбежных искажений. Это ничем не отличается от детской игры в испорченный телефон, когда история передается от игрока к игроку, а затем итоговая история сравнивается с первоначальной и все удивляются, как мало между ними общего. Никакой свет — неважно, насколько чистый, — не может пройти через такое количество фильтров и не оказаться

грязным и мрачным. Будь я привязан к результатам, то думал бы об этой книге как о моем наследии — моем даре будущим поколениям, которые спустя тысячу лет будут воспринимать мои учения так же безупречно, как в тот день, когда книга пойдет в печать, — но у меня и мысли такой нет. Это не *мое* учение, это *просто* учение, а от меня в нем есть только способ его передачи. Если бы нам пришлось выкинуть все лишнее из этой книги, от нее осталась бы, вероятно, десятая часть, и это был бы мой способ сказать то, что сказал бы любой просветленный. Это не связано с личностью. Это не связано с региональными или этническими особенностями. Это не западно-христианская версия, противоположная версиям иннуитских шаманов или тибетских буддистов. Это другой уровень. То, что истинно, истинно вне зависимости от страны, культуры, планеты, галактики или измерения. Это то, что есть, а я просто парень, которому довелось сказать это прямо сейчас. Если вы сложите вместе десять книг, написанных десятью просветленными авторами, и выкинете из них все лишнее, от них останется то же самое. Вот каково это по сути. Причина всего лишнего в том, что это нельзя сказать прямо, потому что нет никакого *этого*, и, следовательно, все, что передается опосредованно — чем это не является, на что это похоже, — не может быть тем, что представляет собой это.

Я с интересом наблюдаю тот факт, что прозрения Криса в природу заблуждения ни в коей мере не помогают ему в его стремлении к свободе. Как ни иронично, его собственные взгляды на свободу держат его в неволе. Не он владеет своими взглядами, а они им. Все его знание и настойчивое желание выразить и обосновать его происходят из нужды его эго в уверенности, что он на шаг впереди, а сама нужда происходит, конечно, из страха, что он крепко отстал.

Хотя для меня это, возможно, и представляет интерес — проанализировать чьи-то паттерны страха и

увидеть, как они усиливают хватку эго, но указывать на это Крису мне кажется бесполезным. Он бы это не воспринял. Его эго висит у него на шее, как наковальня. Он думает, что обдумывает, как выбраться из своих цепей, будто это просто мысли, которые сдерживают его. Он жонглирует Махариши и Платоном, будто они его союзники, а не тюремщики.

К тому времени, как Лара снова добралась до верха стены, я понял, что должен сделать серию прыжков с постоянным уклоном влево, чтобы найти ровную площадку, где можно остановиться. К сожалению, как только я туда добрался, метаящий ножи ниндзя и метаящая лезвия машина порубили бедную отважную Лару в капусту.

Крис меня побаивается. К тому же он слабоват в идеях, которые отстаивает. Именно поэтому он ведет себя так громко и энергично. Будь он близок к пробуждению, его чувства неуверенности и страха были бы вполне правильны и уместны. Он летел бы головой вперед в скрежещущие челюсти самоуничтожения. Но Крис не вышел на прямой путь, он просто ковыляет через какие-то концептуальные затруднения. Лес заблуждений состоит из концепций, а все концепции означают одно и то же — ты еще в лесу. Крис слабоват в этих идеях и настойчив, именно потому что где-то в глубине души знает, что волнующие новые открытия означают не конец его путешествия, а только начало настоящего пути.

Я откладываю пульт управления Ларой в сторону и наблюдаю за Крисом, который продолжает отодвигать занавес, за которым прячется волшебник, но вместо Криси в его стальной броне, которой он так надежно защищен, я вижу богиню Майю, архитектора этого восхитительного дворца заблуждений. Она и я, мы вместе сидим и слушаем Криси. Она улыбается мне, а я улыбаюсь ей в удивлении и восхищении. Мы наблюдаем, как Крис излагает идеи свободы, хотя сама

привязанность к этим идеям образует стены, пол и потолок его тюрьмы.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю я Майю в тысячный раз с не меньшим благоговением, чем в первый. — Дым и зеркала?

Она улыбается.

— Слои, — говорит она, словно это разгадка, казалось бы, невозможного зрелища, которое мы наблюдаем. Я понимаю. Единственный материал, который у нее есть для строительства этого величественного здания, — пелена настолько зыбкая и прозрачная, что ее невозможно соткать из чего-либо еще, кроме обрывков сновидений. Думаю, если это все, что у вас есть, то нужно многое узнать о творении из слоев.

Майя подмигивает и исчезает. Я возвращаюсь к Крису и новенькой Ларе, готовой снова начать карабкаться вверх. Крис занят приравниванием заблуждений к аду, оковам, злу и темным силам. Был ли я настолько же утомительным? О да. Уверен, что даже хуже.

Лара снова добирается до гребня стены и яростно стреляет в ниндзя, пока запасы ее здоровья тают, но ее отважная борьба не приводит ни к чему. Снова мертва.

— Вам нужно что-нибудь поскорострельнее, — говорит Крис. Он прав. Я начинаю взбираться с самого низа стены, но в этот раз меняю пару жалких пистолетов на «узи» и для большей верности пополняю ее запас здоровья до максимума. Взбираюсь наверх, в хитром прыжке цепляюсь за гребень, перехожу на отлогую площадку и прыгаю туда-сюда, пока в меня не начинают попадать ножи ниндзя, но не лезвия метательной машины, потому что я сошел с ее линии огня. Достая «узи» и выпускаю в ниндзя намного больше пуль, чем это было необходимо. Удача! Я сохраняю игру, чтобы в следующий раз, когда ее убьют, мне больше не пришлось проходить через это испытание.

Крис, тем временем, перешел к теме Бога. Кажется, Крису есть что сказать о Боге, и не все в его словах

лесть. Что же, по крайней мере, он движется в правильном направлении. Я вспоминаю восхитительную притчу, где юный ученик приближается к местному гуру и с презрением заявляет, что он подумал и принял решение быть атеистом. К удивлению ученика, наставник не возмущен и не зол, а кажется довольным. «Что это у вас такой счастливый вид, — спрашивает озадаченный ученик. — Я только что сказал, что не верю в Бога, так от чего вы улыбаетесь?»

«Это значит, что ты начал думать, — отвечает учитель. — Теперь продолжай думать».

Мне хочется отправить Криса прочь, но отправить так, чтобы ему было что мысленно пожевать. Проблема в том, что от позы жертвы у него свело челюсти и темные силы зла подавляют духовный голод человечества или что-то в этом роде. Меня не беспокоит его текущий уровень понимания, он не остается неизменным. Если в этом путешествии ты не чувствуешь постоянного отвращения к тому, каким наивным и глупым ты был пару дней назад, значит, ты застрял. Тем не менее, я бы хотел, чтобы Крис стал менее жестким в своих взглядах. Так сильно проникаясь этими идеями, он кончит тем, что станет проводить слишком много времени прижатый их тяжестью. Это не пустячная задача, я знаю. Прозрения на пути к пробуждению достаются непросто, но и их в конце концов придется отбросить, и чем раньше тем лучше. Чем меньше мы сопротивляемся тому, чтобы их отпустить, и чем быстрее приступаем к поиску следующей награды, тем легче и безболезненнее наше продвижение.

— Ты слышал про Кена Кизи и «Веселых проказников»? — спрашивая я.

— Вы имеете в виду «Электропрохладительный кислотный тест» и все такое? Из шестидесятых?¹

¹ Книга американского писателя Тома Вулфа, описывающая период жизни Кена Кизи с 1958 по 1966 гг. — *Прим. перев.*

— Правильно, и их волшебный автобус — первый волшебный автобус — задолго до Ху и Битлов.

— А, — говорит Крис безучастно. — Круто.

— Ты, наверное, видел фотографии этого автобуса или похожего. Очень психоделично, настоящее произведение искусства. Наверное, стоит в Смитсоновском музее, — размышляю я. Крис смотрит на меня странным взглядом, словно я потерял нить нашего разговора. — Названием автобуса, — ну, знаешь, табличка над лобовым стеклом, где пишут пункт назначения, — было слово «Дальше».

— Ого, — говорит Крис, кивая, и поглядывает, не закончил ли я, чтобы он мог продолжить свою лекцию о вероломной природе двойственности.

— *Дальше*, — повторяю я, глядя прямо ему в глаза. — Как ты думаешь, почему они дали автобусу такое имя?

— Ну, — начинает он в надежде, что у него есть ответ. — Полагаю, потому что они путешествовали на нем туда-сюда, и они хотели сказать, ну, вперед, дальше, всегда есть, что увидеть и куда отправиться. Дух приключений.

— Да, — соглашаюсь я. — Однако это забавно. Для меня «дальше» было единственным важным словом в моем собственном путешествии. Оно было вроде мантры, но с очень конкретным и живым значением. Много раз это слово приходило мне на помощь. Например, когда бы я ни подумал, что достиг чего-то важного, места, в котором стоит остановиться, я вспоминал слово «дальше» и значение, которое я придавал этому слову, и понимал, что как бы мне ни нравилось место, которого я достиг, на самом деле я еще не попал туда, куда собирался. — Это свехупрощение предназначается для того, чтобы смягчить для Криса идею, что он не там, где есть то, что он ищет. — И пусть я приобрел знание и понимание, превосходящие мои самые смелые надежды, пусть я, возможно, превзошел

самые высочайшие ожидания о том, чего я могу достичь, пусть я обогнал многих из своих наставников, слово «дальше» всегда было со мной, разносилось эхом у меня в уме, напоминая, что у путешествия всего одна цель и я ее еще не достиг.

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть, достигли ли мои слова цели. Крис снисходительно кивает, ожидая, когда придет его черед снова заговорить.

Ну ладно. По крайней мере Лара перешла на следующий уровень.

СИЯЕТ ДАЖЕ САМЫЙ НЕВЕЗУЧИЙ БЕДОЛАГА

*Мои повседневные дела довольно просты,
но я в полной гармонии с ними.*

*Ни за что не держусь, ничего не отвергаю,
нет ни препятствий, ни противоречий.*

*Кому есть дело до богатства и почестей?
Сияет даже самый невезучий бедолага.*

*Вот мои чудесные силы и духовные действия:
начерпать воды и собрать хвороста.*

— Лайман Панг —

Сейчас примерно час ночи, и дом затихает. Я преимущественно сова, хотя и борюсь с этим. Проблема в том, что мое расписание, судя по всему, смещается вперед каждую ночь (и день), так что я то отправляюсь спать в четыре пополудни и просыпаюсь в полночь, то несколько дней спустя возвращаюсь к тому, что считается нормальным распорядком — на день или два, по крайней мере. Если бы я придерживался самого удобного для меня распорядка, то вероятно, засыпал бы в четыре утра и просыпался около полудня. Такое расписание имеет тенденцию закрепляться, когда я не пытаюсь быть нормальным.

Итак, сейчас час ночи, и я сижу в гостиной, перебирая книги и просматривая, что появилось нового с тех

пор, как я занимался этим в прошлый раз. В доме несколько тысяч книг, и большая часть из них в той или иной степени имеет отношение к духовным материям, так что, как оказалось, место, где мне больше всего нравится рыться в книгах — это мой собственный дом.

Это с одной стороны.

С другой стороны, большая часть этих книг заставляет меня поживаться от отвращения и раздражения, и я чувствую побуждение сложить из них здоровенный костер. В смысле обладания богатой духовной библиотекой, в которой приятно порыться, я ей наслаждаюсь. В том смысле, что она только сбивает с толку и без того пришибленных фальшивым и противоречивым духовным знанием учеников, я хочу сложить все в кучу и поднести спичку.

Вот, например, интересная тема, не раскрытая, насколько мне известно, ни в одной из этих книг, — контекст. Может кто-нибудь что-нибудь понять, не улавливая нужного контекста? И еще — могу поспорить — лишь немногие из этих духовных авторов, даже самые почитаемые из них, если вообще хоть кто-нибудь, говорили об этом простом инструменте постижения простым незатейливым языком.

Маленькое чудо заключается в том, что мир пытается пробудить себя с помощью еще более глубокого сна. Не слишком удивительно, что «не-ум» считается синонимом «пробуждения» или что истину считают чем-то, что можно найти, подвергая себя в течение многих лет лишениям, или что желание и материализм стали модными врагами духовного развития. Не слишком удивляет и то, что восточные учения доброжелательно приняты на Западе в качестве методов психоанализа, снятия стресса и альтернативной медицины. И все же я продолжаю думать, что духовные соискатели, как на Востоке, так и на Западе, в один прекрасный день пробудятся, по крайней мере, к какой-то степени осознания, что если мерить успех сколько-нибудь разумными

критериями, то погоня за духовным пробуждением окажется самым сокрушительным фиаско в человеческой истории.

А король-то голый, и рано или поздно все увидят то, что пристально смотрит им прямо в глаза. Когда это случится, возможно, произойдет поворот — массовый исход из сложности и бесполезности *всех* духовных учений. Исход не наружу — в сторону Японии, Индии или Тибета, а внутрь, к своему я — к уверенности в своих силах, к самостоятельности, к основанному на здравом смысле подходе, который ведет к пониманию того, что, черт возьми, здесь происходит. Сбросить груз старых ошибок. Начать заново. Искренние, разумные люди, избавляющиеся от прошлого и начинающие все с нуля. Начинающие с вопроса, обращенного к самим себе: «Так, где мы? Что мы знаем наверняка? Что мы знаем такого, что истинно?»

Духовная революция.

Разумеется, это полная чушь и я понимаю это, но такого рода бессмыслица пронесится в моей голове каждый раз, когда я провожу время, исследуя, как там поживает духовная мудрость в этом мире. Просветление — осознание истины — вот что совершенно одинаково для всех людей когда угодно и где угодно. Любые попытки приукрасить его или присвоить просто затемняют его и делают менее доступным. Увидев, насколько неясным и недоступным представлено просветление, я обычно расстраиваюсь по крайней мере на несколько секунд, пока не вспомню, что все происходит в точности так, как должно, и поистине обратное невозможно.

Я не заметил, как в комнату вошла Майя. Она стоит за креслом наискосок от меня, ее руки покоятся на спинке.

— Я существую? — спрашивает она меня.

— Разумеется, нет, — отвечаю я.

— Значит, глупо на меня злиться.

— Я знаю.

— Все эти книги, все эти наставники, все эти организации — они делают свою работу. Как тебе хорошо известно, во всей вселенной даже волосок не может лежать не на своем месте.

— Да.

Она обходит кресло и садится в него. Мы встречаемся, как бывшие соперники. Полагаю, она необыкновенно красива. В ней вся красота мира.

— Ты бы предпочел другой мой облик? — спрашивает она.

— Любой хорош.

Майя улыбается. Она бесконечно обманчива.

Раздается топот маленьких ножек, и этим заканчивается наша встреча, а я приятно удивлен, обнаружив Энни, забирающуюся мне на колени. Она одета в комбинезончик с зайцами. Энни устраивается на мне удобнее, сворачивается клубочком и сует большой палец в рот. Следом за ней появляется и ее мама, Марла. Она в ночной сорочке. Марла извиняется за вторжение своей дочери, но я уверяю ее, что это весьма приятная отсрочка от других дел и приглашаю ее присесть. Она объясняет, что Энни слишком долго спала днем и умудрилась поломать свой обычный распорядок.

Марла отправляется на кухню, чтобы соорудить нам чаю. Энни устроилась поуютнее, но еще не спит. Я вижу на ее шее цепочку, достаю ее и обнаруживаю на ней кулон с изображением инь-яна.

— Что это, — спрашиваю я ее.

— Инь-ян, — отвечает она. Я смеюсь.

— Я думаю, ты и есть инь-ян, — говорю я ей.

— Я думаю, ты и есть инь-ян, — возражает она.

— Нет, — говорю я в свой черед, — я точно уверен, что ты инь-ян.

Очевидно, я пересек какую-то черту. Она устраивается так, чтобы иметь возможность твердо прижаться своим лбом к моему, припиливает меня

серьезнейшим взглядом и заверяет самым недвусмысленным образом, что если здесь и есть инь-ян, то это на самом деле я.

— Ладно, — говорю я таким же серьезным тоном, — я — инь-ян.

Она коротко кивает и выдерживает мой взгляд, чтобы дать мне понять, что она не шутит. Наконец, удовлетворенная, она снова сворачивается клубочком у меня на коленях, палец надежно покоится во рту, и в таком виде нас застает Марла, вернувшаяся с чаем. На спинку кресла, в котором устроились мы с Энни, брошен плед. Я стаскиваю его и накрываю Энни, подоткнув плед по краям. Ее мама замечает цепочку.

— Из сувенирного магазина в городе. Она ее увидела, и пришлось купить.

— Может, она была японкой в прошлой жизни? — гадаю я.

— Ну, — говорит Марла, — думаю, она ей понадобилась, потому что у меня есть татуировка инь-яна, хм, здесь, — она показывает на ту нижнюю часть живота, которую из вежливости еще можно назвать животом, — и она ее видела.

Я улыбаюсь.

— Что за идея стояла за этой татуировкой? — спрашиваю я.

— А, ну, знаете, я была молода, хотелось быть крутой, хотелось бросить вызов родителям, хотелось показать, что я в гармонии с природой вселенной и всякое такое. Впрочем, после того, как я приехала сюда, в этот дом, я слышала от людей и другие толкования, о которых не знала. Думаю, они повторяли что-то за вами. В их устах это звучит более — ну, не знаю — мрачно, наверное, но я не уверена, что они так же хорошо все понимают. Я собиралась спросить у вас, но не в час ночи.

— Все в порядке, в этом определенно нет ничего греховного. Ты же знаешь, символ инь-ян обычно рассматривают в качестве двойственной природы реальности.

Уравновешивающая и противоборствующая природа сил равновесия, вечная гармония и так далее.

— Но...? — говорит она.

— Но есть кое-что еще. Третий элемент.

Взгляд Марлы перемещается к кулону, свисающему с шеи ее дочери.

— Какой третий элемент?

— Ограниченность. Окружность — целое. Конечность.

Марла слегка неуверенно кивает.

— Без элемента ограниченности, противоположные элементы не могут существовать, тем более поддерживать равновесие. Граница — это то, что определяет целое, двумя аспектами которого являются черное и белое.

В ее глазах читается вопрос, почему это имеет значение.

— Это важно, потому что двойственность всегда конечна. Двойственность всегда ограничена, всегда внутри конечной сферы, снаружи которой она не может существовать. Эта сфера определяет контекст, в котором существуют противоположности. Вот тебе аналогия: человек не может выжить в открытом космосе, поэтому ему нужна поддерживающая жизнь система, в которой можно дышать. Скафандры и космические корабли похожи на пузыри, в которых могут выжить люди — пузыри, внутри которых поддерживается среда, благоприятная для человека, в отличие от среды снаружи. Планета Земля — такой пузырь. Батискафы и подводные лодки тоже.

— Значит, круг означает конечность? — спрашивает она. — Символ инь-ян это не символ универсальной гармонии и равновесия, а символ двойственности и фальшивой вселенной?

— Ну, полагаю, и то и другое зависит от твоего настроения.

— А что снаружи сферы? Что снаружи пузыря?

— Именно.

— Извини?

— В этом и вопрос. Вот вокруг чего крутится вся духовность — что в конце концов истинно? Как только ты приходишь к заключению, что реальность, которую мы считаем реальной, вовсе не реальность, то возникает вопрос — что тогда? Что там, за пределами иллюзии двойственности? Что за пределами контекста?

— Космос? — гадает она. — Бесконечность?

— Конечно. Истина где-то там — пустота, бездна, не-я, — и наши хрупкие пузырьки плавают в этой бесконечности, позволяя нам наслаждаться опытом чего-то, хотя существует только ничто. Иллюзия противоположностей — добра и зла, любви и ненависти, радости и печали — они недоступны в бесконечной реальности, только в пузырях.

Она некоторое время размышляет над этими словами. Через пару минут она задает вопрос, к которому я ее подталкивал.

— Так почему ничто лучше, чем что-то?

Это серьезный вопрос. Почему единство лучше двойственности? Почему истина лучше лжи? Почему бесконечное лучше конечного?

Почему пробуждение лучше сна?

— Я никогда не говорил, что ничто лучше, — отвечаю я.

— Но... — Марла пристально смотрит на меня, припоминая, сравнявая. Я улыбаюсь, глядя на ее замешательство. — Но...

— Я стою прямо на краю, Марла. Я в пузыре, я вне пузыря, и там и там, ни там ни там, но чем бы я ни был, я *не* занимаюсь уговорами людей выйти из пузыря. Я никого не заманиваю. Я просто стою здесь, и внутри и снаружи, и пытаюсь помочь тем, кто приходит ко мне. Некоторые покинут пузырь. Некоторые, увидев проблеск бесконечного, решат, что это все же не совсем то, чего они хотели, и повернут назад. Я не

пытаюсь их остановить или убедить, что истина лучше. Для тех, у кого есть вопросы, у меня есть ответы, потому что я отвечаю исходя из своего опыта. Для тех, кто хочет продолжить, у меня есть карта, потому что я уже проделал это путешествие. Для тех, кто вышел из пузыря, у меня есть советы, потому что я знаю, что это такое — быть и внутри и вне. Но если ты хочешь знать, что я на самом деле думаю, то вот мое мнение: этот пузырь — изумительный парк развлечений и покидать его чертовски глупо, если только человек не чувствует, что он абсолютно обязан это сделать. И я бы любому человеку, который не чувствует абсолютной необходимости это сделать, посоветовал отправиться в этот парк и наслаждаться им, пока есть такая возможность. Добром и злом. Черным и белым.

Несколько секунд Марла удерживает мой пристальный взгляд. Она понимает, что ей только что было сказано, но с трудом переваривает это. Энни издает сонные звуки. Марла подходит, берет ее на руки, не разбудив, и шепчет слова благодарности.

После того, как она уходит, я позволяю своему уму продолжить игру с этим монологом о пузырях в бесконечности. Нужно еще немного подправить, решаю я. Ум перетекает к предыдущим мыслям и моему ослабевающему изумлению, что такая простая и неизбежная штука, как истина, вечно вязнет в замешательстве и заблуждениях. Я не удивляюсь, снова увидев Майю — богиню замешательства и заблуждений — сидящей в кресле напротив.

— Так кто такие священнослужители всех религий? — спрашивает она меня.

— Они твои пастухи, — отвечаю я, — которые держат овец в стаде, подальше от скал.

Я знаю это. Я знаю, что религии с их обещаниями загробной жизни образуют внутренний слой окружающей нас реальности и что вечные воздаяния и наказания, о которых они говорят, настолько же конечны, как и тот,

внутри которого они говорят. Пузыри внутри пузырей. Черепахи на черепахах.

— А кто святые и мудрецы великих духовных традиций? — спрашивает она.

— Они твой последний слой ограниченности. Они ткачи последней сети, мастера утонченных заблуждений — убеждающие других, потому что сами убеждены. Из миллиона подошедших к краю, возможно, только один его переступает.

Она улыбается.

— А где я обитаю?

— В сердце, — отвечаю я. — В страхе.

— Страхе чего? — спрашивает она.

— Страхе преследования назойливыми индуистскими божествами? — спрашиваю я, но она уже исчезла.

ПЕСНЯ О СЕБЕ
(Уолт Уитмен, отрывки)

*Ты думал, что тысяча акров — это много?
Ты думал, что земля — это много?
Ты так долго учился читать?
Ты с гордостью думал, что тебе удалось
добраться до смысла поэм?*

*Побудь этот день и эту ночь со мною,
и у тебя будет источник всех поэм,*

*Все блага земли и солнца станут твоими
(миллионы солнц в запасе у нас),*

*Ты уже не будешь брать все явления мира
из вторых или третьих рук,
ты перестанешь смотреть глазами давно умерших
или питаться книжными призраками,*

*И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,*

*Ты выслушаешь и тех и других
и профильтруешь все через себя.*

^ ^ ^

*Я слышал, о чем говорили говоруны,
их толки о начале и конце,
Я же не говорю ни о начале, ни о конце.*

*Никогда еще не было таких зачатий, как теперь,
Ни такой юности, ни такой старости, как теперь,
Никогда не будет таких совершенств, как теперь,
Ни такого рая, ни такого ада, как теперь.*

^ ^ ^

*Все идет вперед и вперед, ничто не погибает.
Умереть — это вовсе не то, что ты думал,
но лучше.*

^ ^ ^

*Ты слышал, что хорошо победить и покорить?
Говорю тебе, что пасть —
это так же хорошо.*

^ ^ ^

*Я таков, каков я есть, и не жалеюсь;
Если об этом не знает
никто во вселенной, я доволен,
Если знают все до одного, я доволен.*

*Та вселенная, которая знает об этом,
для меня она больше всех, и эта вселенная — Я,
И добьюсь ли я победы сегодня,
или через десять тысяч,
или через десять миллионов лет,
Я спокойно приму ее сегодня,
и так же спокойно я могу подождать.*

^ ^ ^

*Ты опередил остальных?
Ты стал президентом?
Ничего, они догонят тебя, все до одного,
и перегонят.*

^ ^ ^

*Я слишком много говорю о себе,
эти мои строки всеядны,
но других я не должен писать,
Каждого, кто бы он ни был,
я хочу заполнить собой целиком*

^ ^ ^

*Часы отмечают минуты,
но где же часы для вечности?*

^ ^ ^

*Все мировые силы трудились надо мною от века,
чтобы создать и радовать меня,
и вот я стою на этом месте,
и со мною моя крепкая душа.*

^ ^ ^

*...Каждого из вас, мужчин и женщин,
я возвожу на вершину горы,
левой рукой я обнимаю ваш стан,
а правой рукой указываю на окрестные дали
и на большую дорогу.*

*Ни я, ни кто другой
не может пройти эту дорогу за вас,*

Вы должны пройти ее сами.

*Она недалеко, она здесь, под рукой,
может быть, с тех пор как вы родились,
вы уже бывали на ней сами не зная о том,
может быть, она проложена всюду,
по земле, по воде.*

*Возьмем свои пожитки, сынок, — ты свои, я свои, — и
поспешим в путь,
в чудесных городах и свободных странах
мы побываем с тобой.*

*Если ты устал, возложи на меня твою ношу,
обопрись о мое бедро,
а когда наступит мой черед,
ты отплатишь мне такой же услугой,
ибо с той минуты, как мы двинемся в путь,
отдыха не будет у нас.*

*Сегодня перед рассветом я взошел на вершину горы, и
увидел усыпанное звездами небо,
И сказал моей душе:
«Когда мы овладеем всеми этими шарами вселенной, и
всеми их уладами, и всеми их знаниями,
будет ли с нас довольно?»
И моя душа сказала:
«Нет, этого мало для нас,
мы пойдем мимо — и дальше».*

*Ты также задаешь мне вопросы, и я слышу тебя,
Я отвечаю, что не в силах ответить,
ты сам должен ответить себе.*

*Присядь на минуту, сынок,
Вот сухари для еды, молоко для питья,*

но когда ты поспишь, и обновишь свои силы,
и наденешь лучшие одежды,
я поцелую тебя на прощание
и распахну перед тобою ворота,
чтобы ты ушел от меня.

Слишком долго тебе снились презренные сны,
Я смываю гной с твоих глаз,
ты должен приучить свои глаза
к ослепительной яркости света
и каждого мгновенья твоей жизни.

Слишком долго ты копошился у берега,
робко держась за доску,
теперь я хочу, чтобы ты был
бесстрашным пловцом,
чтобы ты вынырнул в открытом море,
крича и кивая мне, и со смехом окунулся опять.

Я учитель атлетов.
Если твоя грудь после учения станет шире моей, ты
докажешь, что и моя широка,
и тот докажет, что он усвоил мой стиль борьбы, кто
убьет своего учителя насмерть.

^ ^ ^

Я учу убежать от меня,
но кто может убежать от меня?
Кто бы ты ни был, отныне я не отступлю от тебя
ни на шаг,
мои слова не перестанут зудеть в твоих ушах,
покуда ты не уразумеешь их смысла.

^ ^ ^

*И я говорю всем людям: не пытайте о боге,
даже мне, кому все любопытно, не любопытен бог.
(Не сказать никакими словами, как мало
тревожит меня мысль о боге и смерти.)*

*В каждой вещи я вижу бога, но совсем не понимаю его,
не могу я также поверить, что есть кто-нибудь
чудеснее меня.*

*К чему мне мечтать о том, чтобы увидеть бога
яснее, чем этот день?*

*В сутках такого нет часа, в каждом часе
такой нет секунды, когда бы не видел я бога,*

*На лицах мужчин и женщин я вижу бога
и в зеркале у меня на лице,
я нахожу письма от бога на улице,
и в каждом есть его подпись,
но пусть они останутся, где они были,
ибо я знаю, что, куда ни пойду,
мне будут доставлять аккуратно такие же
во веки веков.*

^ ^ ^

*Есть во мне что-то — не знаю что, но знаю:
оно во мне.*

*Тело мое, потное и скрюченное,
каким оно становится спокойным тогда,
я сплю — я сплю долго.
я не знаю его — оно безыменное — это слово,
еще не сказанное,
его нет ни в одном словаре,
это не изречение, не символ.*

*Нечто, на чем оно качается, больше земли,
на которой качаюсь я,
для него вся вселенная — друг,
чье объятие будит меня.*

*Может быть, я мог бы сказать больше.
Только контуры! Я вступаюсь
за моих братьев и сестер.*

*Видите, мои братья и сестры?
Это не хаос, не смерть —
это порядок, единство, план —
это вечная жизнь, это Счастье.*

^ ^ ^

*По-твоему, я противоречу себе?
Ну что же, значит, я противоречу себе.
(Я широк, я вмещаю в себе множество разных людей).*

^ ^ ^

*Пестрый ястреб проносится мимо и упрекает меня,
зачем я болтаю и мешкаю.*

*Я такой же непостижимый и дикий,
я испускаю мой варварский визг над крышами мира.*

^ ^ ^

*Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту
моей любимой травой,
если снова захочешь увидеть меня,
ищи меня у себя под подошвами.*

*Едва ли узнаешь меня, едва ли догадаешься, чего я хочу,
но все же я буду для тебя добрым здоровьем,
я очищу и укреплю твою кровь.*

*Если тебе не удастся найти меня сразу,
не падай духом,
если не найдешь меня в одном месте, ищи в другом,
где-нибудь я остановился и жду тебя.*

КТО ЕГО ОСУДИТ?

*Пойми по крайней мере одно:
духовная свобода и единство с дао
не случайно вручаемый дар, но награда
за сознательное преобразование
и развитие себя.*

— Трактаг «Хуахуцзин» —

Следующее утро я провел за компьютером. Пришел холодный фронт, на улице слишком зябко и ветрено, чтобы выбираться из дому, так что это хорошая возможность заняться кое-какими делами, что в моем случае означает поработать над этой книгой и разобрать почту.

Если бы я пытался отвечать на каждый вопрос учеников со всей глубиной и серьезностью, то это превратилось бы в полноценную работу. Я этого не делаю. Я даже не читаю их письма со всеми подробностями, просто пробегаю, чтобы уловить суть. Таким же образом я обращаюсь и с людьми. Вот простой факт: можно задать миллионы вопросов, но на них есть только сотня или около того ответов. Моя работа не в том, чтобы отвечать на вопросы прямо, и я редко этим занимаюсь. Как ни иронично, ученики не настолько подготовлены, чтобы задавать вопросы, и если бы я просто отвечал на вопросы, которые им захотелось задать, то они только глубже зарылись бы в свои собственные фальшивые верования.

Вот почему это может выглядеть так, словно я никогда не даю прямого ответа на прямой вопрос. Скорее, я использую вопрос или первые несколько слов вопроса, чтобы определить, что ученику нужно услышать от меня. Ученик, возможно, понятия не имеет, что ему нужно услышать, а я знаю точно, потому что смотрю с более высокой перспективы, которая позволяет мне точно видеть, где он находится, где он хочет быть и куда ему нужно двигаться, чтобы попасть туда. Все это совершенно ясно для меня, но поскольку у ученика нет такого обзора, он не в состоянии проложить себе верный курс. В этом и состоит роль наставника, иначе любой мог бы взять книгу и, как выразилась Джозин, — *бах!*

Ученики просят рыбы, я даю им червяка. Возможно, червяк не настолько увлекателен, но это работает одним-единственным способом. На пути нужно сражаться за каждый шаг. Рядом никого нет, и никто не сделает это за тебя. Иначе и быть не может.

Обычно я отвечаю на письма вопросом или ссылкой на источник, который может помочь ученику точнее сформулировать свой вопрос, что часто ведет к его разрешению. Например, в вопросе может упоминаться Гитлер. Это означает, что спрашивающий бьется над концепцией добра и зла. Когда в одном вопросе появляются Гитлер и Бог, значит, ему не удастся примирить Божью любовь с обнаруженными в мире ужасами и страданиями. Это противоречие в основном порождается тем, что человеку всю жизнь твердили о Боге как божественной любви. Разумеется, это только полбога или даже треть, да и вообще это не о Боге. Возможно, я предложу человеку в такой ситуации передохнуть и посмотреть «Махабхарату» в версии Питера Брука и уделить особое внимание множеству аспектов Кришны и особенно комментарию Брука к одному из аспектов, когда он указывает на, казалось бы, недостойное Бога поведение и едко спрашивает зрителя: «Кто его осудит?»

Подталкивая учеников в этом направлении, я надеюсь, что они сумеют раздвинуть границы собственного определения Бога. В этом великом эпосе Кришна не раз обманывает, лжет, убивает и ведет себя трусливо, и тому, кто привык считать Бога отличным парнем, трудно переварить это. Но Кришна не бог любви и света, он представляет целостность, поэтому в нем можно найти любые качества. Бог любви и добра был бы отдельным аспектом бога, определяемого как абсолют. Кришна — персонификация абсолюта, поэтому если вы такие чувствительные, что отказываете в Боге растлителям детей, маньякам-истребителям целых народов или обидчикам щенков, то вы переосмысливаете его как нечто конечное, и тогда абсолюту нужно придумать новое имя. Разумеется, этот куда более интересный момент возвращает нас к пронизательному вопросу Питера Брука: «Кто его осудит?» Этим вопросом разрушается не какое-то там определение Бога, им разрушается идея собственного места во вселенной — собственное отношение к абсолюту. Это важный шаг к пониманию, что все есть одно, или, точнее, это важный шаг прочь от верования, что все не есть одно.

Я бы объяснил ученику, задающему один из тех многих вопросов, что торопиться некуда, что можно продумать свои мысли до конца. Оскар Уайльд написал: «Всякая мысль безнравственна. Ее суть в разрушении. Когда вы думаете о чем-нибудь, вы это губите. Ничто не может перенести воздействия мысли». Возможно, он имел в виду, что ложь выживает только в тени. Свет ума «разрушает» неистинное, открывая, что, прежде всего, ее никогда не было. Как свет прогоняет тень, так тщательное исследование прогоняет иллюзию.

Обсуждение свободной воли и предопределенности дает хороший пример такого обучающего процесса. Учеников этот вопрос ставит в тупик, потому что они сосредоточены на ответе, когда все их внимание

должно быть направлено на вопрос. «Оставайся с вопросом», — говорю я им. «Не беспокойся об ответе, просто пойми вопрос правильно. Исследуй свои допущения». Довольно скоро вопрос сам разрушается, а вместе с ним и множество слоев заблуждений.

Понятно, что ученики желают углубить свое понимание, но роль учителя в том и состоит, чтобы направить их, скорее, вперед, нежели оставить топтаться вокруг углубления понимания. Осознание себя заключается не в накоплении, а в избавлении. Единственное истолкование, требующееся для пробуждения, — то, что облегчает разрушение.

На самом деле я часто и вовсе не отвечаю на письма, потому что и так ясно, что само их написание представляет собой процесс и ответ не требуется. Меня используют в качестве конечного адресата в процессе Духовного Саморазрушения, в котором моя роль заключается в том, чтобы существовать в виде идеала в уме ученика. Этот процесс может быть очень мощным и ускоряющим продвижение. Не так уж редко случается, что день за днем я получаю сообщения с извинениями за вчерашнее письмо, сетованиями о вчерашней глупости и пылкими откровениями о новом уровне понимания, причем вновь приобретенное понимание, если все идет хорошо, назавтра тоже оказывается источником смущения.

И все же работа с письмами занимает некоторое время, так что за час мне обычно удается справиться лишь с тремя-четырьмя. Этим утром я умудрился ответить на десяток, прежде чем мой ум утратил ясность. Я выключаю компьютер, выхожу из кабинета и натываюсь на попу Джолин.

— О, привет, попа Джолин, — говорю я остроумно.

Она поворачивается и смотрит на меня:

— А, привет! Я не была уверена, что вы здесь. Было так тихо.

Она стоит на четвереньках рядом с ведром и скребет

щетки дубовый пол главной лестницы передней. Большая часть пола еще влажная, поэтому нет смысл пытаться пройти мимо нее. Я плюхаюсь на пол и прислоняюсь спиной к стене. Мне нравится наблюдать, как люди работают.

— Как дела? — спрашиваю я ее.

— Отлично! — говорит она восторженно. — Была в библиотеке, изучала платоновскую аллегория пещеры и кое-какие комментарии к ней. Я много думала об этом, ну, о нашем разговоре.

— Разговор был о...

— А, эээ, о разнице между мистицизмом и просветлением.

Она перестала скрести, пока говорила.

Я показываю ей на невымытую часть пола.

— Я не уполномочен объявлять перерыв.

Она хихикает и возобновляет работу.

— Интересно, с чего это мы могли заговорить о разнице между просветлением и мистицизмом, — говорю я.

— Ну, — объясняет она, — мы говорили о Ямамата Роси и платоновском кинотеатре... — Ага, я все это помню. Не могу вспомнить только о том, с какой стати я подумал, что это самая подходящая для тебя тема.

— Дзэн...

— Ааааа... Дзэн.

— Мы говорили о разнице между дзэном, торгующем книгами, и дзэном, ведущим к просветлению.

— Ого! — восклицаю я. — Это очень интересная тема. К чему мы пришли?

— Ну, мы говорили о платоновском кинотеатре и разнице между...

— Просветлением и мистицизмом.

— Ага, верно, потому что, мне кажется, вы говорили... пытались показать мне, что книги и все, что я читала о дзэне...

— Итак, торгующий книгами дзэн имеет отношение

к мистицизму, а настоящий дзэн к просветлению?

— Хм, не знаю... — говорит она. — Ну, да, настоящий дзэн имеет отношение к просветлению, верно? Да, я знаю. Но я не знаю, имеет ли торгующий книгами дзэн к мистицизму или это просто, ну, знаете, торговля книгами. Наверное, я не очень хорошо разбираюсь в этой части.

— Ты подумала над той частью, где про кинотеатр? Ее глаза загорелись.

— Да! И я знаю ответ! Мистики остаются в зале, но кинотеатр — это еще не все. Это не что-то конечное, полное и наивысшее. Просветление не в кинотеатре. Если ты хочешь просветления, то должен встать, пойти по между рядами к выходу, к солнечному свету, и вообще уйти из кинотеатра!

— Уйти из кинотеатра, — размышляю я, — это интересно. Значит, все сидят там и смотрят фильм...

— Коровы! — выпаливает она. — Вот что случилось со мной в церкви. Я перестала верить, что кино — это реальная реальность. Вот когда я сбросила оковы, встала и увидела всех людей, которых знала, все еще сидящими там... как вы и сказали. Но вы уже давно не читали Платона, потому что ваша версия очень чудная.

Она снова перестала скрести пол.

— Может, платоновская версия намного чуднее. Продолжай скрести, — говорю я, и она скребет. — Да, я давно не читал Платона. Итак, ты говоришь, что мистики остаются в кинотеатре?

— Ага, — говорит она, — но и оставаться в кинотеатре — это не реальность, а просто еще одна часть полностью выдуманной штуки. Кинотеатр реальнее кино, но все еще не реально реален.

— А мистики знают об этом?

Она не выпаливает ответ, продолжая выводить щеткой небольшие круги. Мне кажется, что она жужжит, но потом я понимаю, что она издает «хммммм».

— Неет, — говорит она приглушенным тоном

человека, который только что обнаружил тайный заговор. — Они не знают. Верно ведь? Они чуть более пробуждены, но все еще не пробуждены, потому что думают, что они вроде как полностью пробуждены, но они все еще в кинотеатре... как свет на экране... свет в проекторе — это тоже не настоящий источник света, это просто крошечная вспышка настоящего света, солнца... вот что я прочитала. Значит, люди в оковах, которые смотрят кино, вроде как спят, хотя даже не знают об этом, но спят и те люди, которые больше не в оковах... Ух ты, такие, как я! И, может быть, мистики самые пробужденные из всех, а может, тот, кто больше всех мистик, тот больше всех пробужден... Но если бы они знали о солнце, крошечной вспышкой которого является проектор, то ушли бы из кинотеатра, они бы направились наружу, следовательно, на самом деле они тоже не знают. Ого! Думаю, я действительно начала это понимать!

— Итак, ты сидишь здесь и говоришь, что ты не пробуждена? Должно быть, это довольно странно для тебя.

— Я же спрашивала вас, в парке у озера, я спрашивала, почему вы говорите, что вы не мистик. Вот почему! Вы не в кинотеатре! Вот разница! Вы продолжаете идти. Вы вышли на солнце, к настоящему источнику света! — Она снова перестала скрести. — Вот что означает пробуждение! Вот что значит просветленный!

— Если ты не собираешь мыть пол, то придется мне этим заняться.

Она снова начинает скрести.

— Я не очень-то понимаю, о чем вся эта мистика, — продолжает она, — но вот как все выглядит. Неважно, насколько ты великий мистик, неважно, насколько великим ты себя считаешь, но если ты еще в кинотеатре...

— Не думаю, что ты можешь говорить и скрести одновременно. Если бы пришла Соная и увидела твою работу...

Она удваивает усилия.

— Если ты еще в кинотеатре, ты еще не пробужден. Ты еще спишь, но вроде как видишь во сне, что пробужден. Ты еще не знаешь, что такое реальность... Например, солнце! Кинотеатр похож на сон, и... Но... хммм. Итак, мистик или кто-то вроде меня, то есть не мистик, но уже и не в оковах... Это *что-то*, но это не *все*.

— Ладно, — говорю я, — значит, я просветленный и это означает, что я снаружи кинотеатра? На солнце?

— Эээ, да... — отвечает она нерешительно.

— Но вот же я, говорю с тобой.

— Ага...

— Интересно, нужно ли было мне пройти все эти уровни, чтобы выйти. Знаешь, сделать первый шаг, ведущий из оков, как у тебя в церкви, потом стать немного мистическим, потом еще немного, потом еще, и, наконец, настолько совершенно мистическим, чтобы совсем покинуть кинотеатр? Или я просто пошел прямо по этому пути и вышел на солнечный свет?

Ее внимание приковано к полу, а ее ум пережевывает вопрос. Это не маленький вопрос — достигается ли осознание истины постепенно или одним шагом, как у дурака из колоды карт Таро, шагающего в пустоту? А если одним шагом, то сколько шагов нужно сделать, чтобы стать дураком, шагающим в пустоту?

— О боже! О боже! Вот что вы говорите, вот в чем дело! Все началось с ваших слов, что вы не мистик. Вы сказали, что я буду разочарована, потому что вы не очень мистический парень. Можете вы это сделать? Можете просто выйти наружу без всех этих мистических штук?

Здорово, она сияет, когда счастлива.

— Хороший вопрос, — отвечаю я. — Если говорить навскидку, то я не знаю. У меня есть небольшой опыт мистических штук. Я испытывал переживания универсального сознания — мистического единения — несколько раз, и это сильно на меня повлияло, так что я

не могу исходить из своего опыта, говоря, что кто-то может просто взять и выйти. Возвращайся к работе. — Она снова начинает водить щеткой. — Я могу, конечно, сказать, что не обязательно проходить все ступени мистицизма или все более утонченные уровни сознания, чтобы наконец выйти на, эээ, солнечный свет, но я могу предположить, что нет причин не делать этого, сразу погрузившись в божественное. Ни одной причины, о которой я бы знал, во всяком случае.

Конечно, речь идет о рамках одной жизни. Кто знает, какого рода эволюция может происходить в течение множества инкарнаций? Но сейчас не время для этой темы, и факт остается фактом — я не очень мистический парень.

— Это было так круто! Это всегда так работает? Я задала вам все эти вопросы и вы, кажется, даже не ответили на них. Вы каким-то образом показали мне, как ответить на них самой. Это и есть, ну, типа, ваш метод? Это всегда так работает?

— Не знаю. Побудь тут и выясни сама.

— Это правда круто! Меня действительно торкнуло пойти в библиотеку и выяснить это все. Как будто у меня появилось предназначение, которое мной завладело, и это было прекрасно! Я действительно чувствую, что поняла что-то важное. Никогда такого не испытывала раньше. Я всегда хорошо училась в школе, но никогда не узнавала что-то, что считала вроде как... *важным*.

— Ага, отлично. Ты хорошо училась в школе, ты узнаешь важные вещи, ты ученик Платона и все такое, но этот пол выглядит так, будто ты протерла его грязным носком. Неужели все эти книги по дзэну не научили тебя по крайней мере выполнять работу осознанно?

— Что дальше? — спрашивает она, совершенно пропуская мимо ушей мою критику? — Теперь я получу следующее задание? Вроде другого вопроса, над которым надо поработать? Чем я теперь займусь? Не считая

пола.

— Ну, у меня по правде говоря нет ничего готового. Надо будет подумать. Так по этой твоей маленькой теории, как ты считаешь — Ямамата Роси просветленный? Или просто мистик?

— Он... — начинает она, но останавливается. — О черт. Я не знаю. Я должна подумать над этим.
Умница.

НЕ-Я — ЭТО ИСТИННОЕ Я

*Человек, в котором дао действует беспрепятственно,
Не беспокоится о собственных интересах
И не презирает тех, кто беспокоится о своих.*

*Он не гоняется за деньгами
И не делает из бедности добродетель.*

*Он идет по пути, не надеясь на других,
И не гордится собой, что шагает в одиночестве.*

*Сам не следуя за толпой,
Он не сетует на тех, кто следует.*

*Чины и награды не интересуют его,
Бесчестие и позор не пугают его.*

*Он не ищет все время правильное и неправильное,
Не решает «Да» и «Нет».*

*Поэтому древние говорили:
«Человек дао остается неизвестным.
Совершенная добродетель не дает ничего.
Не-я — это истинное я,
А величайший из людей — Никто».*

— Чжуан-цзы —

СМЫСЛ КАТАНИЯ НА КАРУСЕЛИ — В КАТАНИИ НА КАРУСЕЛИ

*Моя хижина сгорела дотла,
Теперь мне видна луна.*

— Даосская поговорка —

Я дал Джолин ее следующее «задание». Оно простое. «В следующий раз, — сказал я ей, — давай поговорим без аналогии пещеры-кинотеатра. Попробуй объяснить мне эти вещи без всяких прикрас». А когда она окажется готова, я позволю ей высказаться, но не для меня. Я попрошу ее объяснить это кому-нибудь другому, кто еще не знаком с идеей. Будучи готовой, она обретет ясное понимание разницы между состояниями сна в пещере, пробужденности в пещере и пребыванием вне пещеры, и если это все, что она получит за время, проведенное со мной, то, по крайней мере, всю оставшуюся жизнь она будет достаточно осведомленной, чтобы самостоятельно выбирать блюда из духовного меню.

Я спускаюсь вниз, чтобы найти себе что-нибудь на обед. Как обычно, холодильник забит не востребовавшей едой, которая каким-то образом со временем становится вкуснее. Выбрав рисовое пулао с яблоком и блинчики с масалой, накладываю все это на тарелку и, погрев ее минуту в микроволновке, поливаю грушевым соусом чатни. Короли и принцы не едали лучше.

Ем стоя на кухне. Дом на удивление тих. Всего

несколько человек заглянуло, чтобы поздороваться или попросить помощи в разъяснении того или иного вопроса: (Вопрос: «Почему я вечно чувствую себя неудовлетворенным? Почему я не могу быть просто доволен?» Ответ: «Ты не рожден для довольства. Твое недовольство — это двигатель, который ведет тебя, будь благодарен ему». В.: «Что значит видение синей жемчужины во время медитации?» О.: «Это означает видение синей жемчужины во время медитации». В.: «Где сливки?» О.: «На верхней полке за соком»), но в основном в доме необычно тихо. Не думаю, что здесь происходит что-то особенное, просто это один из таких вялых дней. Наверное, все валяются, дрыхнут, читают, сторонятся других.

Вообще-то я не знаю, чем занять себя.

Мне не хочется сидеть за компьютером. Не хочется сидеть перед телевизором. Не хочется читать. Не хочется вздремнуть. Ничего не хочется.

Ладно, тогда буду просто стоять здесь.

В конце концов, меня находит Джули. Она рассказывает, что провела утро в гостиной за просмотром книг и чтением то одной, то другой. Я рад ее видеть, хотя и замечаю, что она выглядит слегка расстроенной. Она спрашивает о продолжении интервью, и я рад этому. Джули уходит за своей сумкой с диктофоном и записями. Вернувшись, она прикрепляет микрофон к моему воротнику, а в моем кармане оказывается включенный диктофон.

— Готовы? — спрашивает она.

— Да, мэ.

— Хорошо, — говорит она, сверяясь с записями и наклоняясь к моему воротнику, чтобы начать.

— Вопрос двенадцатый: Иисус сказал...

— Стоп, — говорю я. Она останавливается.

— Я не делаю этого, я не отвечаю на подобные утверждения. Не отвечаю, потому что не могу. Мы не знаем, что говорил Иисус, почему он это говорил, да

и *был* ли Иисус вообще. Если бы Иисус прямо сейчас вошел в эту кухню и начал говорить, я бы справился. С ним иметь дело я бы смог. Я могу отстоять свою точку зрения по этой теме в разговоре с кем угодно. Вот чего я *не* могу, так это иметь дело с утверждениями, которые начинаются со слов: «В одной книге говорится, что один ныне покойный сказал...» Понимаешь, о чем я?

Джули кивает.

— Разумно?

— Да, — говорит она, — это совершенно разумно. Удивительно, что я раньше ни от кого не слышала такого.

— В процессе собственного пробуждения быстро осознаешь, что нет никаких внешних авторитетов. Ты все должен проверять сам. Если ты принимаешь сказанное кем-то другим, то только после того, как проверишь сам. Если Иисус, Будда и Лао Цзы что-то поняли, то и ты можешь это понять. Это не вопрос выбора — ты не можешь побывать в чьей-то еще шкуре и принять чьи-то готовые решения. Вопрос тринадцатый?

Она улыбается.

— Вопрос тринадцатый. В прошлый раз мы затронули верования, и вы сказали, что не действуете на уровне верований. Вы имеете в виду, что у вас нет веры или верований?

Вопрос неплох. Я понимаю, где тут у читателей могут возникнуть сомнения, но должен думать о тех, для кого я говорю это на самом деле — о том, что происходит на самом деле. Человеку в моем положении не доводится встречаться с беспристрастными наблюдателями, а сказанное мной на самом деле сказано не обо мне.

— Вопрос не в том, есть ли у меня вера или верования. Истина в том, что вера и верования для меня не проблема. В очень широком смысле я, вероятно, мог бы сказать, что я верю во все подряд — в духов,

кровоточащие изваяния, похищение инопланетянами, загадочные увечья скота, круги на полях, пророчества, одержимость демонами, что угодно. Я допускаю все это практически без исключений, потому что так намного веселее, да и причин не допускать нет. Я к тому, что если ты видишь двойственную реальность как сновидение, как делаю я, то нет необходимости быть разборчивым. Где провести черту в сновидении? Все сгодится. От того, как я смотрю на подобные вещи, ничего не зависит, поэтому я просто смотрю на них.

— В общем, вы хотите отделаться танцами с бубном вокруг этого вопроса? — спрашивает она не без веселья.

— Ага, ну, я вроде как надеялся... — отвечаю я с очарованием школьника.

— Ну-ка, соберитесь, мистер, — говорит она сквозь зубы. — Я бывалый журналист и желаю получить прямые ответы.

Мы оба хохочем, но, наблюдая за ней, я замечаю, что она не так собрана, как в прошлый раз. Кажется, Джули нервничает. Очевидно, не отдохнула как следует, но есть что-то еще. Она выглядит слегка измотанной. Джули неплохо справляется и толково ведет интервью, но это ее состояние здесь, прямо под поверхностью. Она на грани чего-то, но чего?

— Хммм, ну, на самом деле верований или веры в том смысле, который ты вкладываешь в это, у меня больше нет. Вопрос попросту не имеет отношения к теме — как если бы я спросил тебя, что ты предпочитаешь, — мазь из оленя или крем из оленя. Скажем, я не верю в верования, но это слегка жеманный ответ, хотя и точный. Я думаю о верованиях и вере как способе иметь дело с вещами, которые ты не знаешь наверняка, а я не имею отношения к знанию не наверняка. Я в такие игры не играю. Следует упомянуть, что это не моя индивидуальная особенность: такой же ответ ты получила бы от любого человека в моем положении.

— Под положением вы имеете в виду полную просветленность?

— Хммм, ну, частичного просветления не бывает, но да, любой, кто знает то, что знаю я, сказал бы то же самое. Верования и вера не являются аспектами просветления. Пойми, у меня есть верования, как, вероятно, они должны быть у любого. Вот почему нельзя ответить да или нет. У меня есть верования относительно личной реальности, загробной жизни и всего остального, что нам не видно из сновидения, так что нам приходится прибегать к помощи воображения и ума, но ничто из этого не имеет отношения к просветлению. Я сейчас молочу вздор, я всегда это делаю, пытаюсь ответить на вопросы, с которыми лучше не связываться, — вопросы, которые невозможно перевести без искажений.

— Что значит перевести? С языка непросветленного человека на язык просветленного?

— И обратно, да, вроде того. Просветление всеобъемлюще. Это совершенно другая парадигма. Моя реальность — не твоя реальность. Все правила другие. Будто я говорю на другом языке, а общаемся мы только потому, что я раньше говорил на твоём языке и ещё немного его помню. И, кажется, с каждым днем все меньше. Можно ли это вообще убедительно объяснить? У меня не слишком хорошо получается.

— На самом деле, — уверяет она меня, — это очень интересно. Значит, если бы здесь был другой просветленный, вы бы с ним идеально друг друга понимали?

— Черт, я смотрю, аналогия поплыла. Да, вроде того, теоретически, мы бы говорили на одном языке...

— Но..?

— Но этого не случилось бы. Нам не о чем было бы говорить.

Я разыгрываю такую беседу, чтобы дать ей пример.

— Разговор был бы такой: «Привет, как дела?» «Хорошо, спасибо, а у вас?» «О да, отлично. Как эта

штука с просветлением, работает?» «О, это правда хорошо, спасибо. Западаю на эту штуку. А вы?» «О да, то же самое, ага. Весьма рад».

Она хихикает, развеселившись от моего маленького спектакля.

— Просто не о чем говорить. Гусеницы, может, и говорят друг с другом, а бабочки нет. Это как... как у вампиров, знаешь?

— Ааа, опять вампиры, — говорит она. — Нет, лично не встречалась.

— Ну, о вампирах известно, что их нельзя увидеть зависающими вместе. Причина в том, что у них нет крепких уз. Им не нужна компания друг друга или кого-то еще. Просто так все устроено. Это дело одиночек. Природа зверя.

— Вы равнодушны к вампирам.

— Ага, когда я говорю о таких вещах, мне не обойтись без помощи аналогий.

— Но вернемся к изначальному вопросу: просветленный мастер дзэн не будет верить в дзэн? Просветленный суфий будет верить в ислам?

— Ты говоришь о средствах передвижения и конечной остановке. По завершении пути средство передвижения оставляется, забывается. Если я сяду в поезд до Чикаго, я выйду из поезда и буду любоваться Чикаго. Я не буду таскать с собой поезд. Он сделал свое дело. Я в нем больше не нуждаюсь. Разумеется, если кто-то хочет вернуться назад и помочь другим с их путешествием, то я не знаю, будет ли он полагаться на средство передвижения.

— Которое в вашем случае представляет собой...

— Много транспортных средств.

Окно кухни выходит на север, через него открывается просторный вид на облака, которые катят на восток. Этот холодный фронт принес с собой такое удивительное разнообразие облачных пейзажей, что для созерцания величественных панорам достаточно выйти из

дому и оглядеться. Бури закипают на западе и мчатся на восток. Похожие на горы белые гряды облаков настолько огромны и так быстро надвигаются, что возникает почти сюрреалистическое ощущение неминуемой беды. Из окна кухни, конечно, нельзя смотреть во всех направлениях, но то, что видно, завораживает.

Я вздрагиваю, потому что Джули внезапно близко наклоняется и говорит в мой воротник:

— Чего вы хотите?

Я смотрю на нее, пытаюсь понять, какой смысл она вкладывает в этот вопрос. Увидев мое замешательство, она поворачивает ко мне свою записную книжку:

— Вот, вопрос четырнадцатый — чего хочет Джед?

Мне все еще не ясно, что она имеет в виду, но ответ, вероятно, настолько же неважен, как и толкование вопроса.

— Я ничего не хочу. Я не хочу.

Ее глаза широко открываются.

— Я *знала*, что вы так скажете! Я думала об этом целыми днями и просто не могла сложить все вместе. Как вы можете ничего *не* хотеть? Что это вообще *значит*? Что за жизнь без страстных желаний? Без целей? Без мечты? У вас бывает вдохновение? Нет ничего, что вы хотели бы достичь, и нет какого-то качества, которое хотели бы обрести? Кажется, что жизнь вообще состоит из развития, достижений и движения вперед к следущей цели. Из честолюбия, роста, побед. Вы же не имеете в виду, что вы... даже не знаю, как это сказать... что вы не *хотите* ничего? Вы должны *что-нибудь* хотеть.

Ее замешательство очаровательно.

— Ну, я могу хотеть чашку кофе, новую видеоигру или что-нибудь еще, но ничего в широком смысле.

— Миравовсеммире? — гадает она. — Освобождения всех разумных существ? Славы и богатства? Власти? Престижа? Благосостояния? Преклонения? Хм, собственного острова? Кубики на животе? Сочинить

симфонию? Пообедать с Буддой? Должно быть что-то... что-то, что мотивирует вас, что-то, что вы... ну, *хотите*.

Я отвечаю сквозь смех:

— Извини, что я так банален, но нет, ничего. Ну хорошо, может быть, кубики. У меня нет желания чем-то обладать, потому что я неплохо знаю, как работает вселенная и что мои желания на практике исполняются еще до того, как они появятся. Идеи мира во всем мире и освобождения разумных существ, по-моему, указывают на верование, что в мире что-то неправильно и это надо исправить, а я не способен верить в такое. Я, конечно, не бодхисаттва и не сатгуру, насколько я понимаю эти понятия. Остальные вещи, которые ты упомянула, — это просто... эээ, внешние украшения. Они не имели бы никакого значения для любого в моем, эээ, положении.

— Вы так говорите о любом в вашем положении, потому что..?

— Чтобы было ясно, что мы на самом деле ведем речь не обо мне, но о любом пробужденном человеке. То, о чем я говорю, — не особые свойства Джеда МакКенны. Они присущи любому пробужденному.

— И когда вы говорите о внешних украшениях, вы имеете в виду... что? Власть и престиж?

— Власть, престиж, благосостояние, поклонение, кубики на животе, конечно, — все, что определяет нас. Как мы описываем себя, думаем о себе, проецируем себя. Каждое качество, чувство, верование, мнение, каждая черта, характеристика. Все это вместе. Самостность.

— И это все вроде как... ничего не стоит? Вы это имеете в виду? Как будто... личность — это просто костюм?

— Костюм, да. Бесплезное излишество в игре без ставок.

— Значит, костюм — это ложное я, — произносит она в форме утверждения.

— Тем более излишество, потому что здесь нет истинного я, но да, костюм представляет собой ложное я — эго. Мы создаем эго, чтобы компенсировать недостаток непосредственного знания себя. Невозможность восприятия истинного я толкуется человеком как несуществование истинного я. Иными словами, поскольку истинное я незримо, предполагается, что его не существует.

— Нельзя увидеть, значит, его, должно быть, нет.

— Ну, нельзя увидеть, потому что оно *не* там, где ищут. Нет истинного я, которое можно воспринять — есть только ложное я и не-я. Человек ищет истинное я и не находит ничего, будто его истинное я вовсе не истинно.

— Вроде так и есть. Разве это не то, что вы имеете в виду?

— Да, и это ужас небытия, который удерживает внимание любого человека обращенным наружу. Я говорю «ужас», чтобы обозначить, что мы говорим о неопределенном, безликом свойстве. В действительности многие люди признаются в этом. Редко кто может выйти вперед и сказать, что глубоко внутри он чувствует что-то неосознаваемое и не имеющее под собой основы. Те, кто так делает, имеют все шансы попасть на учет или в лечебницу.

— А что насчет людей, которые исследуют свое внутреннее я? Совершают путешествия вглубь себя? Разве они не собираются найти истину?

— Они просто исследуют эго, изучают ложное я, а это такое же занятие в жизни, как и любое другое. Но усовершенствование своего сновидческого персонажа не ведет к пробуждению, ты пробуждаешься, освобождаясь от него. Для эго нет истины, как нет степеней овладения эго, которые привели бы в итоге к чему-нибудь истинному. Уделяя внимание эго, мы лишь усиливаем его.

Диктофон щелкает, и мы делаем паузу, чтобы Джули

вставила новую кассету. Как только она заканчивает, мы продолжаем.

— На самом деле это представляет собой некоторый интерес, если хочешь лучше понять людей, понять движущие ими мотивы, почему они делают то, что делают. Глубочайшая истина любой личности внелична. Пусть каждая мысль и каждое чувство утверждают обратное, но истина остается неизменной. Людьюми движет не страх смерти, а страх несуществования — небытия.

Я знаю, что сильно разогнался и уже накопилось немало видимых противоречий, но это достаточно забавная тема, чтобы поиграть с ней, а у меня есть ощущение приближения к тому, что я должен сказать Джули в какой-то момент.

— Например, стыд. Потайная причина любого стыда в глубоком и непоколебимом подозрении, что я — притворщик. Я чувствую отсутствие подлинного я в себе, но не в других, поэтому я, естественно, додумываю, что они реальны. Видя, насколько убедительна внешняя скорлупа других людей, и не зная, насколько они пусты, я с необходимостью чувствую только свою собственную фальшивость и, разумеется, испытываю стыд.

— О боже, я пытаюсь не потерять нить. Значит, у человека, допустим, меня, нет непосредственного переживания своей истинной природы, поэтому я должна создавать...

— Создавать, проецировать, поддерживать. Постоянно.

— Проекцию образа... *меня*... но я думаю, что я единственная, кто делает это, потому что все остальные выглядят настоящими?

— Конечно, как может быть иначе? Все остальные выглядят настоящими, а ты до некоторой степени осознаешь свою собственную ненастоящность, причем эта степень может варьироваться от полной неосознанности до эмоционального срыва.

Она минуту медлит, смотрит вниз, размышляя.

— Значит, вообще никто... значит, некоторые люди просто не замечают..? Просто проживают свою жизнь совершенно бессознательно..?

— На самом деле тебе не надо у меня спрашивать, ты можешь увидеть это сама вокруг себя. Люди полностью погружены в свои роли. Ни малейшего подозрения, что все, возможно, не то, чем оно им кажется. Все закованы в платоновской пещере. По степени неосознанности собственной фальшивой природы можно судить о том, насколько сильна хватка Майи — заблуждения, царства сновидения. Есть большое искушение поверить в то, что люди развиваются в ходе бог его знает какого количества жизней, все более пробуждаясь от жизни к жизни. Возрастающая пробужденность естественно толковалась бы как все большая неудовлетворенность обманом, фальшивостью, заблуждениями и соответствующее желание выяснить, что истинно. А дальше это приводит к полному разрыву с эго и пробуждению к...

— Истине, — Джули произносит это слово, как смертный приговор. — К своей истинной природе.

— Конечно. И именно поэтому процесс пробуждения может выглядеть как полный упадок. На самом деле, я полагаю, что так оно и есть по сути — полный разрыв с тем, что всегда считалось реальностью. Вот почему, например, так сложно победить депрессию: она может быть совершенно рациональной реакцией на крайне стрессовую ситуацию — а именно жизнь, — особенно когда депрессия вращается вокруг ничтожности или незначительности. В конце концов, нельзя быть ничтожнее или незначительнее персонажа в сновидении. Способ победить рациональную депрессию состоит в том, чтобы не пытаться любой ценой избавиться от нее или цепляться за иллюзию смысла, но прорываться сквозь нее и увидеть, что по ту сторону. Вместо того чтобы отбиваться от ужаса небытия,

надо нырять в него головой вперед. Что тут терять? Но смысл депрессии, конечно не в том, чтобы победить ее.

— В чем же смысл депрессии?

Я смотрю на нее, задаваясь вопросом, о чем она на самом деле спрашивает, — удивляясь, что я на самом деле отвечаю. Истина не всегда лучший ответ, но когда я сомневаюсь, то обычно пускаю ее в ход.

— В том же, в чем смысл любой другой карусели в парке аттракционов. Смысл катания на карусели — в катании на карусели.

Это ее останавливает. Она медлит, размышляя. Ее возбуждение становится более отчетливым, ближе к поверхности.

— Значит, никто... ни у кого *нет* я? Вы же об этом говорите, верно? Нет... нет настоящего... нет истины...?

— Есть, в основе каждого есть истина, но нет, ее знают не больше, чем персонажи сновидений знают, что они суть порождение состояния сна большего я.

— Те, кто не просветлен, вы имеете в виду?

— Да, — подтверждая я, — в этом отличие.

Ей не нравится это слышать.

— Так непросветленные люди не знаю самих себя? Не знают собственную истинную природу?

— И поэтому должны создавать искусственные я, чтобы...

Она прерывает меня:

— Потому что это единственное я, которое они знают. И это эго. Это ложное я?

— Верно.

— Значит, когда говорят об уничтожении эго..?

— Верно. Это значит, что если разрушить ложь, то останется только истина.

— Боже. Значит, я постоянно создаю ложное я?

— Постоянно, да. На это тратится вся твоя энергия — твоя жизненная сила. Все уходит на проецирование иллюзии себя. Ты постоянно проецируешь внешнее представление о себе, а это требует постоянных

усилий, изменений и развития.

— И этим заняты все?

— Интересный момент. Да и нет. Зависит от степени. Если говорить о поистине самоотверженных людях, то это уровень, на котором есть отличия. Самоотверженный человек нашел смысл в чем-то еще, кроме я. Он не столько проецирует, сколько соответствует. Такие люди отказываются от самоопределяющей роли в пользу какой-то внешней силы. Возможно, материнство хороший пример, или отдавание своей жизни Богу, или посвящение себя какому-то процессу или творческой деятельности. Они все еще на сцене, это все еще костюмы, их жизненная сила все еще тратится на оживление их персонажей, но они, скорее, принимают эту роль, чем создают ее.

— Значит, отдать себя высшим силам..?

— Высшим, низшим — все равно. Ключевой фактор — отдавание. Неважно чему — Богу, стране или резьбе по трости.

— Трости?

— У Торо есть история о человеке, который превзошел свое я, полностью посвятив себя единственной задаче — резьбе по трости.

— Значит, Соная вроде как..?

— Да. Соная.

— Вы сказали — и да и нет.

— Верно. Самоотверженный человек посвящает себя, или отрекается от себя — с какой стороны посмотреть — ради единственного определенного идеала, но процесс по сути был бы тот же, выбери он один идеал, десяток или сотню. Все эти вещи, которые определяют личность — карьера, общество, семья и так далее — это предопределенные роли, которые человек, исполняя их, оживляет. В самом подлинном смысле все это акты отречения, но кто отрекается? От чего отрывается? Вот настоящие вопросы. Что остается, когда отброшен весь контекст? Что остается, если убрать церковь,

работу, отношения, хобби и все остальное? Еще больше слоев? Природа? Питание? Влияние внутриутробных условий? Влияние прошлых жизней? Ладно, а что за этим? Вот каков процесс — снимаешь слой за слоем, как с луковицы, пока не останется только...

— Но луковица состоит из одних слоев.

— Эго такое же — одни слои. Убери все слои — и останется не-я.

— И не-я — это истинное я?

— Истинного я нет, но да, общая идея такова.

— Тогда... тогда... тогда с кем я говорю?

— Ты лучше поинтересуйся, на что ты ссылаешься, когда говоришь «я». Или кто ссылается на «я». Или кто интересуется тем, кто ссылается на «я». И так далее и так далее.

Она выходит из себя.

— Я совершенно не понимаю.

— Или можно воспользоваться популярной мантрой Раманы Махарши: «Кто я?» Однако она слегка сбивает с толку, так что я бы изменил бы ее на: «Что я?»

— Ну да, как будто от этого все прояснилось!

— Или можно использовать коан, например: «Каким было твое подлинное лицо до твоего рождения?»

— Вы меня запутали.

— Это не каверзнее, чем понимание, что останется после того, как будут устранены все слои заблуждений. Речь всего лишь о том, что истинно. Проще и быть не может — буквально. То, что было истинно для комара, жившего десять тысяч лет назад, истинно и для теперешнего комара. Что истинно для искры, которая просуществует тысячную долю секунды через миллион лет и в миллионе световых лет отсюда, так же истинно, как здесь и сейчас, и всегда будет истинно. Это никогда не было неистинным и не будет неистинным. Все эти истины, моя истина, твоя истина, истины Иисуса, Будды, Гитлера, матери Терезы и дохлой рыбы, плавающей в Ганге, всех возвышенных наставников, галактики

Млечный Путь и любой другой мысли, когда-либо кем-либо подуманной, — все это та же самая истина. Она всегда была и всегда будет. Время и пространство приходят и уходят, но то, что истинно, есть истинно, а все остальное лишь сон.

Аххх.

Молчание. Возможно, раздражение. Возможно, возбуждение. Нужно время. Мы бредем в гостиную, находим ее пустой, садимся на диван. Некоторое время мы сидим молча, пока Джули не решается продолжить.

— Итак, например, из чего складывается мое фальшивое эго?

— Как и у всех. Как ты себя определяешь, так ты и создаешь свое фальшивое эго. Твоя карьера, очевидно, образует определенные рамки и структуру для того, кто ты есть, чем занята и почему. Семья — еще одна большая рамка или много больших рамок, поскольку человек выполняет разные роли с разными людьми — мать, дочь, сестра, жена, тетя и так далее. Прочие отношения. Общество, национальность и расовая идентификация, пол, конечно. Финансовое положение. Принадлежность к церкви. Физическое состояние и внешность. Образование, политика, хобби, верования, мнения, мысли, чувства, все. Все эти вещи требуют твоей энергии, чтобы аспекты личности оставались дееспособными. Если ты перестанешь вкладывать свою энергию в домашнюю уборку, то больше не сможешь определять себя как хорошую хозяйку.

— Что если я заплачу кому-нибудь за поддержание дома в чистоте?

— Деньги — дальняя родня энергии. Это средство обмена энергией.

— А под энергией вы имеете в виду..?

— Просто то, что если ты желаешь думать о себе как о заботливом щедром человеке, то должна заботиться о чем-то, что-то давать. Если ты хочешь быть физически привлекательной, то должна делать все

необходимое для проецирования привлекательности, отражение которой вернется к тебе.

— Моя привлекательность возвращается как отражение?

— Ты когда-нибудь видела свое лицо напрямую? Смотрела себе в глаза?

— Ну... эээ, нет, полагаю, нет.

— Так же и ложное я не может восприниматься напрямую, только через отражение в глазах других.

— Мы снова вернулись к вампирам?

— Почему? А, потому что они не отражаются. Надо же, эта аналогия все шире и шире. Почти пугает.

— Пугает без *почти*. Ладно, значит, если я хочу думать о себе как о привлекательной особе, мне нужно, чтобы другие видели меня привлекательной.

— Конечно. Мы тратим наши жизни и жизненную силу на то, чтобы холить и лелеять свою видимость в глазах других. Именно так мы узнаем, что существуем. Именно так мы узнаем, кто мы. Именно в этом мы находим уверенность, что мы реальные люди, а не пустые персонажи сновидения. Вот как постоянно подживается иллюзия.

— Значит, когда мы говорим, что восприятие создает реальность..?

— Восприятие и *есть* реальность. Больше ничего нет. Так же, как во сне.

— Тогда кто воспринимает? Сновидящий? Кто видит сон?

— Ну, с моей перспективы, это я.

— Ну, с *моей* перспективы, это я.

— Правда? Так мы недалеко уйдем, верно?

— А?

— В бесконечности бесконечное число бесконечностей.

— О боже, у меня от вас голова кружится.

— У меня тоже. Давай сделаем перерыв и попробуем расслабиться.

ПАЛАТА ВОСПАЛЕННЫХ УМОВ

*Кроватка за кроваткой,
ребенок за ребенком.
Одни спокойны, другие драчливы.
Одни хохочут, другие жалуются.
Зовут маму.
Зовут Бога.*

*Один садится, его глаза открыты,
он задает вопрос.
Я иду к нему, сажусь, отвечаю.
Он кивает, падает обратно,
снова засыпает.*

*Однажды и я вот так лежал в кроватке —
в горячке, сбитый с толку.
Теперь сажу в кресле — полагаю, это лучше.
Полная палата придурков.*

*Я возвращаюсь к своему кроссворду,
Пока не проснется со своими вопросами
следующий.*

— Джед МакКенна —

Я НЕ ЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГЛАЗА

*Умри, пока жив,
и оставайся совершенно мертвым.*

*После делай, что пожелаешь:
все будет благом.*

— Сидо Бунан —

Я готовлю кофе. Мы ставим на поднос чашки, сливки, сахар, какие-то сладости и возвращаемся со всем этим на диван в гостиной, который расположен так, чтобы ничто не мешало наблюдать за облаками через большие окна на запад.

Этот разговор для меня интереснее многих других, потому что в ходе него я проясняю кое-что для самого себя. Когда речь заходит о просветлении, я могу говорить с абсолютной уверенностью истинного мастера, и единственная проблема состоит в том, как лаконично передать мысли и идеи. Однако когда речь заходит о заблуждениях, эго, ложных концепциях и человеческой природе, я просто парень с небольшим опытом, любопытный и усидчивый. Да, я прошел через процесс трансформации и да, я хорошо помню свое собственное прошлое до процесса и во время процесса, но в то время как просветление в точности одно и то же для любого человека, в любое время и в любом месте, пути к нему настолько же уникальны и разнообразны, как люди, которые их преодолевают.

Разумеется, битва с эго ради того, чтобы добратся до истины, лежит в сердце бесчисленных духовных учений бесчисленных стран и бесчисленных веков. Смерть эго как средство достижения не-я — пребывания в недвойственном осознании — и есть цель этого путешествия. Вот что стоит за набожностью, молитвой, медитацией, учениями, самоотречением. Любой, кто стремится к истине, достигнет ее, переступив через мертвое тело эго, либо не достигнет вовсе. Здесь нет короткого или легкого пути, эго нельзя ни обойти, ни устроить под ним подкоп. Единственный способ оставить эго в прошлом — пройти сквозь него, а пройти сквозь можно только с помощью сфокусированного, как лазерный луч, намерения и каменного сердца. Гусеница не становится бабочкой, она входит в процесс смерти, который становится процессом рождения бабочки. Внешнее проявление трансформации — иллюзия. Одна вещь не становится другой вещью. Одна вещь кончается, а другая начинается.

Почему же столь немногие добиваются успеха в этом величайшем из путешествий? По той простой причине, что успех в контексте сна не имеет смысла, в то время как неудача, или, по крайней мере, борьба, имеет очень большой смысл. Из погони за просветлением непробужденная душа извлекает те же уроки, что из любого другого занятия в опутанной эго реальности сновидения, — как из любой другой карусели в этом парке аттракционов. Предполагаемое сверхблаженство духовного пробуждения — такая же морковка перед носом, как любовь, благополучие или власть. Иными словами, настоящее просветление редко бывает целью поиска просветления. Но почему так? Успех в осознании своей собственной природы абсолютно обеспечен, ну, потому что это собственная природа. Величайшее чудо не в том, что вы вернетесь к этому осознанию, а в том, что от него отвернулись. Возвращение — это движение дао. Борьба за достижение истины настолько же нелепа,

как борьба за достижение смерти. В чем смысл? И то и другое обретается, когда приходит время. Должны ли мы беспокоиться о неудаче в деле достижения смерти? Смерти не удастся найти нас? Разумеется, удастся, но ни смерть, ни налоги, ни гравитация, ни завтрашний восход не настолько несомненны, как тот факт, что каждый в конце концов обретет полное «просветление» независимо от выбранного «пути».

Итак, если мне требуется какое-нибудь интересное занятие, то вот неплохой выбор — наблюдать за миграцией душ домой. И если мне нужна работа, то вот эта неплохо выглядит — стоять на далеком берегу, поддерживать сигнальный огонь маяка, помогать вновь прибывшим выбраться на берег, предлагать радужный прием и показывать какие-нибудь местные достопримечательности.

^ ^ ^

Джули плюхается на диван рядом со мной, и мы тихо наблюдаем, как небо то распахивается, то снова укрывается облаками. Выглядит, словно приближается буря, но я знаю, что ничего не выйдет. У этого холодного фронта неплохо получаются зрелищные виды и разнообразные иллюзии. То, что сейчас выглядит как грандиозная грозовая туча, обернется сумраком и изморосью, пока не созреет и не доберется до места следующее событие. Я затихаю, расслабляюсь и наслаждаюсь зрелищем.

Джули ведет себя все еще слегка странно, словно под самой ее поверхностью бурлит какое-то течение. Это мелочь, но ей явно некомфортно. Он сдерживает что-то, и мне интересно, буду ли я поблизости, когда это рванет. Возвращаясь к разговору, я пытаюсь взять тон полегче.

— Мы все дрейфуем в безбрежном море и, чтобы справиться с этим, мы сбиваемся в группы и в унисон

притворяемся, что ситуация не такая, как есть. Мы усиливаем эту иллюзию друг в друге. Вот что такое на самом деле общество — плывущая посреди черного как смоль моря кучка людей, сбившихся от страха вместе. Каждый держится на плаву, чтобы не погружаться в воду с головой, хотя нет никаких причин верить, что жизнь, которую они берегут, лучше, чем альтернатива, которой они избегают. Просто одно им известно, а другое нет. Страх перед неизвестным — вот что заставляет каждого держаться на плаву. Любой страх — это страх перед неизвестностью. Если кто-нибудь в группе этих пловцов разоблачает общепринятую ложь, говоря правду об их положении, такого человека объявляют еретиком, а для еретиков общество приберегает самые суровые наказания. Когда кто-нибудь решается прекратить борьбу и просто утонуть или уплыть прочь, предпринимаются все возможные меры, чтобы остановить его, и не ради его личной пользы, а ради пользы всей группы. Истина положения должна быть отвергнута любой ценой.

— Весело насвистывать на кладбище, — провозглашает Джули. — Переставлять стулья на «Титанике».

Я смеюсь:

— Да, но это не смерть заставляет всех так беспокоиться. Каждый может создать себе свой сценарий смерти и действовать согласно ему. Но что за этим сценарием? Другой сценарий? И еще один? В конце концов черепахи закончатся.

— А? Черепахи?

— Один ученик пришел к наставнику и спросил: «На чем покоится мир, учитель?», — на что учитель ответил: «На спине огромной черепахи». Студент, от которого не так легко отделаться, спросил: «А на чем покоится огромная черепаха, о мудрейший?» На что учитель ответил: «На другой черепахе». Студент не был готов сдать. «А на чем покоится эта черепаха?» — спросил он, на что наставник, разозлившись, ответил:

«Ты что, не понял? Дальше одни черепахи».

Джули смеется и кивает головой.

— Истина положения в том, что в конечном счете нет ничего. Бесконечность. Вечность. Пустота. Бездна. В конце концов каждый плавающий будет иметь дело с фактом, что есть только он, безбрежный океан и ничего между ними.

— А все остальное ложь.

— В основном, да. Тело — это просто арендованная машина, а эта планета просто мотель. Этот дом ничей, хотя некоторые относятся к нему как к постоянному месту жительства, будто самое плохое, что может случиться, — это, въехав, двинуться дальше. Насколько абсурдно, но при этом жизненно все выглядит с точки зрения опыта. Смотри на вещи с этой перспективы и увидишь бесчисленные способы, с помощью которых это общество поощряет внешнее я и высмеивает саму идею обращения внутрь, как отвращает от нее и как сопротивляется ей. Алан Уоттс называл это табу на знание того, кто ты есть. Чтобы порвать с ложным я, нужно порвать с...

— ...со всем, — говорит Джули. — Семья, друзья... — Ее голос осекается, пока она перечисляет эти последствия. — Все. Все, что ты есть... все, что знаешь... все... *Действительно* все.

Я решаю, что лучше сбавить напряжение.

— Итак, основная идея в том, что у меня, как просветленного человека, есть прямое и непреходящее знание себя. У тебя, как у непросветленного человека, его нет. Поэтому ты создала личность, с которой ты, хм... ну, отождествляешься. Ты думаешь, что ты — это ты. А теперь, в самый, возможно, темный час где-то в самой глубине своей души ты узнала, что это все фасад, и ты оплакиваешь свою фальшивость и взыскуешь истины, существенности, основания или чего угодно...

— Оплакиваю?

— Есть такое слово, разве нет? Как насчет стенаний?

— Оплакивать подойдет, — смягчается она.

— Ну, вот так. Это фундаментальная разница между просветленным и непросветленным — обладание непосредственным знанием о себе. Незнание — питательная среда эго.

Она смотрит в окно. Когда она говорит, ее возбуждение не так заметно, но и показаться мне тоже не могло.

— Значит, все просто держатся на плаву... ничего на самом деле не делая... никуда на самом деле не двигаясь... Потому что море безбрежное, верно? Бесконечное. Куда тут плыть? Старайся не старайся — ты все равно нигде. Все просто притворяются... все это просто...

Я понимаю, что сейчас она говорит не со мной. Она разбирается со своими мыслями. Производит вычисления. Видит то, что всегда было у нее под носом.

— И это вроде как требует тратить каждую каплю энергии, чтобы просто оставаться на плаву, оставаться с группой. Я вижу. Все, что делают люди, — это притворство. Все, что я когда-либо делала... всю свою жизнь...

Я решаю подкинуть ей кое-что конкретное для размышления.

— Дао говорит, что мудрецы видят людей как соломенные чучела, и вот что это значит — только внешнее, ничего внутри. Сцену наводняют пустые костюмы вроде зомби. Только внешность, никакой сущности. Да, непросветленные для просветленного выглядят как зомби — как вымышленные персонажи, оживленные таинственной силой. Никого нет дома. Если бы человек рождался просветленным, вместо того чтобы проделывать путь от непросветленного до просветленного и получать опыт соломенного чучела, полагаю, он нашел бы это место чертовски пугающим. Оживленным, населенным, но при этом странно необитаемым.

Джули ровна и молчалива. Широко открытыми немигающими глазами она пялится в пустоту. Когда она заговаривает, то делает это так отстраненно, словно

она просто громко думает:

— Знаете, я провела много исследований с тех пор, как мы начали это интервью. Книжные магазины, библиотеки, журнальные стенды, интернет. Я даже ездила в город, чтобы купить экземпляр того журнала о просветлении, который вы просматривали.

— Мне жаль это слышать, — говорю я.

— Почему? — почти кричит она, больше не отстраненная, крепко держа себя плотно скрещенными руками и обращаясь прямо ко мне. — Потому что все это не имеет отношения к вещам, о которых вы говорите, да? Они называют это просветлением, но это же что-то другое, верно?

Она вскакивает и начинает расхаживать. Она обрабатывает информацию, распутывает ее, высвобождается. Забавно за этим наблюдать. Управляемый взрыв, а может и не такой управляемый, еще посмотрим. Вот что я вижу в ней — разумеется, это та хаотическая энергия, которую она пыталась подавлять.

— Боже, когда мне сказали, что я еду в Айову за интервью с духовным наставником, я думала, это завуалированное увольнение. *Айова*, господи боже мой!

Джули перестает шагать и смотрит, оценил ли я невероятность этого события. Потом она снова начинает ходить.

— Я много об этом думала. Я почти не спала последнее время, — невесело смеется она. — Меня это правда сбивает с толку. В том смысле, что я думаю о себе как о человеке на духовном пути. В смысле, я духовный человек. Я выполняю все духовные *штуки*. Занимаюсь йогой, медитирую, я вегетарианка и я сострадательна. Пойманных пауков я отпускаю, вместо того чтобы убивать их. Я читаю все книги, посещаю все лекции. У меня на стенах висят рисунки мандал и портреты святых, я жертвую деньги, чтобы поддержать маленькую девочку в Парагвае, а может Уругвае, хотя я, по правде говоря, даже не уверена, что эта девочка есть на самом

деле, и если я действительно думаю обо всем этом, наверное, я делаю это потому, что хочу быть хорошим человеком, хочу быть духовной, любящей, открытой и сострадательной, но еще потому что я на пути и я всегда предполагала, что путь ведет к просветлению, свободе от оков и всякому такому... и... и...

— Дыши.

Она дышит.

— А это все чушь собачья, так ведь?

Она останавливается и думает над этим несколько мгновений, потом продолжает.

— И вот я уезжаю на неделю и начинаю читать все эти теперешние бестселлеры о просветлении, чтобы подготовиться к нашему интервью, и пока я читаю всех этих якобы духовно просветленных, как вдруг у меня в голове словно лампочка загорается — просто щелк.

Я жду, чтобы узнать, какое откровение на нее снизошло, хотя уже довольно хорошо знаю какое. Я не собираюсь преуменьшать или умалять это каким-либо образом. Я действительно хорошо разбираюсь в откровениях. В них мой *raison d'être*¹, так сказать.

— Вы сами сказали, — продолжает она. — *Разумеется*, вы могли бы убить меня. Вы могли бы курить крэк, застрелить олененка Бэмби, есть человеческие глаза и пририсовывать усы на портретах святых, если захочется, верно? Потому что для вас нет никакой разницы, вы просветленный. Вы там. Вы это. Вы не должны *вести себя* как просветленный. Я *знаю*, что вы просветленный, я не дура! Я знаю, что вижу. Но как получилось, что я этого раньше никогда не видела? Я в этом духовном дерьме уже пятнадцать лет. Я участвовала в даршанах и сатсангах со всеми этими знаменитостями, — черт, я провела интервью с большинством из них. Что им с того? Что *мне* с того? Это все похоже на дурную шутку. Как вы и говорили — я

¹ Смысл существования (фр.). — Прим. перев.

просто трачу жизнь, переливая воду из пустого в порожнее, потому что все говорят делать это и я никогда не сомневалась, но теперь я усомнилась и думаю, что продолжай я идти тем же путем, все закончится на смертном одре в положении ничуть не лучшем, чем если бы я затоптала насмерть каждого паука, который попался мне на глаза!

Я не отвечаю. Это важный момент — позволить ей течь с потоком. Она явно перестраивается на новом уровне осознания, и единственный способ, каким я могу помочь ей, — не мешать. Вот он — Первый Шаг. Это не осознание того, что есть, но осознание того, чего нет. Это великое *раз-очарование*. До просветления еще далеко, но процесс как раз начинается — только что начался. Через несколько лет я спрошу ее, как дела с ее просветлением и она скажет: «И правда хорошо, спасибо. Действительно кайф. А у вас?» Но до этого еще идти и идти.

— Просветленный даже не кажется подходящим словом. Я смотрю на вас, и вы вроде как... *настоящий*... полностью осознанный. Я не знаю... вы не... Я не знаю. Вы пробуждены, а я раньше никогда не видела пробужденных людей! А что эти остальные парни? Даже близко не похожи. Они как блаженные дурачки и пьянчужки, упиваются божественностью, энергией кундалини или наставлениями. Они говорят о сознательности, но это же на самом деле не сознательная штука, верно? Черт, я переживала сознание единства, от этого сносило крышу, и я всегда думала, что это и есть конечная цель духовного пути, но... кто-то назвал религию опиумом для народа... вся духовность всего лишь наркотик или что-то вроде... как будто всеобщий заговор для того, чтобы удерживать людей, убеждая их, что они куда-то движутся, хотя они сидят на одном месте, как вы сказали — оставаясь на плаву, притворяясь. И никто не знает, что это заговор, так ведь? Слушайте, я же нью-эйджевская *журналистка*! Я варюсь в этом всю

свою сознательную жизнь и никогда не знала... Никогда не пыталась никого выводить на чистую воду... Я думала, что я бегу отдельно от стада... Какая шутка! Я бежала рядом с ним каждую минуту!

Я восхищен, что она назвала всю дуалистическую вселенную — Дворец Иллюзий Майи — всеобщим заговором.

— Могу я кое-что сказать под запись? — спрашиваю я.

— Конечно, — говорит она.

— Я не ем человеческих глаз и не стреляю в диснеевских персонажей. Я хороший парень. Мне бы очень не хотелось увидеть это интервью в печатном виде.

Она истерически смеется.

— На самом деле я не знаю, смогу ли вообще написать эту статью. Предполагалось, что это будет обычное интервью, ну, знаете, с духовно продвинутым парнем в его маленьком ашраме в самом сердце Америки. А теперь что? Разоблачение, которое выставит нью-эйдж нагишом? Порвет все великие мировые религии? Пробудит одурманенное человечество? Ни за что. Это конец всему. Но теперь я и не хочу быть журналистом, каким была... Я не знаю, кем я хочу быть... Вся эта духовность представляет собой, ну, бессмысленнейшую карусель. *Боже!* Я не могу перестать думать об этом! Мой ум пытается справиться со всем этим с тех пор, как я увидела вас в субботу. Я только начинаю понимать это сама и не могу поверить, что кто-то вообще может думать о чем-то другом. У меня крутится мысль: «Вот оно! Это единственная игра в городе. Есть только один танец. Что еще может иметь значение?» Я смотрю на других людей, живущих своей нормальной жизнью, и мне хочется кричать! Трясти их, будить! Как можно смотреть кино, идти на работу, есть бутерброд, когда эта огромная долбанная штука смотрит прямо тебе в лицо? Слушайте, я схожу с ума? Я знаю, что нет, но скажите. Это нормально? Правда, вы можете сказать

мне. Я вроде как совершенно чокнулась?

Она перестает ходить и пялится на меня.

— Моя очередь? — спрашиваю я.

— Да! — говорит она с нетерпеливым смехом.

— Во-первых, ты единственная из нас, кто думал, что вообще будет какая-то статья. Я не понимаю, почему Соная сделала то, что она сделала, но я знаю, что она не отсылает меня для встречи с журналистами, чтобы они написали обо мне. Во-вторых, нет, это не нормально, это полностью отлично от нормы. Ты рождаешься. То, что ты сейчас делаешь, — это начало намного большего процесса. Я могу давать советы, сколько пожелаешь, но чтобы тебе не было слишком больно, не сопротивляйся. Ты перестанешь держаться на плаву, уплывешь прочь от группы и утопишься. Конечно, ты будешь сопротивляться, это естественно, но попытайся принять вещи такими, какие они есть, и довериться чему-то высшему — Богу, Кришне, Элвису Пресли, кому угодно. Я проходил через подобное и видел других в этом же положении. В этом нет ничего необычного, и ты, возможно, не слетишь с катушек. Это хорошие новости.

— О черт, мне не нравится, как это звучит. Так это были *хорошие* новости? Какие же тогда *плохие*?

— На самом деле это не плохо, но определенно связано с трансформацией. Происходящее с тобой подобно процессу смерти-перерождения. Это только начало. Ты не сможешь вернуться. Ты не сможешь остановиться. То, чем ты была раньше, та, кем ты была, в основном уже позади. Это происходит не так уж редко: жизнь полна таких превращений. Переезд или новая работа, возможно, тому маленькие примеры. Становиться вампиром — относительно большое превращение.

Она выглядит довольно взволнованной всем этим.

— Насколько плохо? — спрашивает она.

— Это не так уж плохо... ну, да, плохо. Все перезаписывается. На самом деле ты пока не понимаешь, что я

имею в виду, но начинаешь понимать. Твоя жизнь входит в период революции, и, думаю, ты можешь ожидать, что в течение некоторого времени тебе не будет удаваться наладить ее.

Ее энергия заполняет всю комнату. Я видел людей, которым на этом этапе требовалась госпитализация. Она шагает взад-вперед, мышцы напряжены, глаза горят. Вероятно, она более пробуждена, чем когда-либо.

— Я что, превращаюсь в... ну, вампира?

— Как сказал Лао Цзы, то, что гусеница называет концом света, остальной мир называет бабочкой.

Она с надеждой смотрит на меня.

— Скажите это еще раз.

— То, что гусеница называет концом света, остальной мир называет бабочкой.

Она кивает, размышляя — размышляя так глубоко, как может. Она в состоянии легкого шока, вызванного эмоциональным всплеском всех этих событий, обрушившихся на нее в последние несколько дней, и усугубленного плохим аппетитом и недосыпом. Ко всему прочему — полностью разрушенные представления о норме, волнение самопознания и страх войти в незнакомые воды. Хорошенькая смесь. Я знаю человека, на которого полиция надела наручники, привязала лицом вниз к носилкам и отправила в больницу на психологическое обследование, когда он оказался на приблизительно такой же стадии трансформации. Этот момент может быть непредсказуемым.

Последователи дзэн, среди прочих, говорят об этой стадии, но в основном духовные учения считают нецелесообразным упоминать о тяжелом психологическом срыве. Люди ходят сладостей — совершенного знания, свободы от страдания и всякого такого, но никто не хочет платить за это. То, что происходит с Джули, и есть цена, или, по крайней мере, первый взнос. Простой факт заключается в том, что это кровавое месиво, а влюбленно-блаженная толпа не подписывается

на такое. Они хотят просветления, которое не требует отказа от своего места среди сотоварищей-пловцов. Им не хочется перестать толочь воду и ускользнуть в полном одиночестве во тьму. Они хотят другого просветления, такого, где они могут оставаться в группе, поддерживать свои тщательно сконструированные личности и просто быть счастливыми. Желательно, очень-очень-очень по-настоящему счастливыми.

Мне счастье нравится не меньше, чем любому другому, но не счастье толкает человека на поиски истины. Это бешеное, лихорадочное, жадное, безумное желание перестать быть ложью, неважно, какой ценой — рая или ада. Это испачканные кровью клинки, гниющая голова Будды и принесение себя в жертву, а любой, кто говорит иное, продает то, чего у него нет.

Я никогда не сомневался, что сознательным намерением Джули было интервью со мной для статьи, но я определенно ни секунды не думал, что намерение Сонайи имеет какое-либо отношение к интервью. Впрочем, Сонайю нет смысла спрашивать, нужно просто подождать, как все будет разворачиваться.

Джули сидит рядом со мной, глядя пустыми глазами в окно и слегка дрожа. Входит Сонайя, берет ее за руку и мягко уводит. Она отведет Джули в одну из спален, сделает ей чаю и позволит ей отдохнуть. Конечно, для Джули ничего не кончилось. У нее впереди долгий путь. Вся ее жизнь целиком достигла в этом начале высшей точки. Она только что навсегда оставила проторенный путь.

Я отстегиваю микрофон и откладываю в сторону диктофон. Двадцать минут спустя возвращается Сонайя, садится рядом со мной на диван, где сидела Джули.

— Она поспит, — говорит она.

Сонайя скрипит диваном, усаживаясь в более ослабленную позу, закидывает ноги на кофейный столик рядом с моими и мы сидим молча — спокойные,

счастливые, довольные тем, что наблюдаем за движущимся небом, и лениво гадаем, что будет дальше, но не беспокоясь, а зная, каждый по-своему: что бы ни пришло — все будет благом.

Но, эй, это же элементарно — *все* хорошо.

*Видите, мои братья и сестры?
Это не хаос, не смерть —
это порядок, единство, план —
это вечная жизнь,
это Счастье.*

— Уолт Уитмен —

ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

*Духовное просветление
лежит рядом с пустым пакетом из-под молока
на оранжевом подносе в школьном кафетерии.*

*Оно лежит в канаве на траве
рядом с ржавевшим диском колеса.
Оно на пуговице, которая застегивает
левую манжету рубашки
до некоторой степени важного человека.*

*Просветление можно найти
рядом с лифтом на четвертом уровне
подземного гаража в аэропорту.*

*Ты можешь спросить своего пса о нем,
но, он, наверное, не даст его тебе.*

*Ищи его рядом с ручкой в кармане
красной жилетки девушки,
работающей в отеле,
но только по средам.*

*Просветление в багажнике, рядом с домкратом.
Ты можешь услышать его в скрипе дверной петли
в местной библиотеке.*

*Оно в ветерке, неслышно дующем
в кроне невидимого дерева.
Оно в промежутке между выдохом и вдохом.*

*Ты можешь найти просветление в церкви,
в той царапине на спинке скамьи перед тобой.
Ты можешь найти его в пустыне,
Как раз перед тем, как снова поднимется ветер.*

*Просветление — ничто,
Иллюзия — вот великое чудо.*

*Просветление было в твоей кофейной чашке,
перед тем как ты налил в нее кофе.
Теперь оно в твоей кофейной чашке.
Два целых две десятых миллиарда лет назад,
до того, как была создана твоя кофейная чашка,
просветление было в твоей кофейной чашке.
Через час пятнадцать минут после того,
как время поглотит вселенную,
просветление будет в твоей кофейной чашке.*

*Ты всегда знаешь, где оно,
потому что оно в точности там,
где ты оставил его.
Как можешь ты не вернуться туда,
откуда никогда не уходил?
Тебе снится сон, что ты не просветлен.
Ты видишь сон, что ты пробужден.*

*Вопрос: Почему?
Ответ: Почему бы и нет?*

— Джед МакКенна —

ЭПИЛОГ

Духовное просветление — прескверная штука.

В буквальном смысле, обрести просветление означает нанести поражение самому себе. Это битва, которую мы ведем против самих себя. Истина — это уникальная по своей трудности затея, потому что та штука, которая желает обрести просветление — и есть единственное препятствие на пути к нему. Это битва, в которой мы будем убивать, чтобы проиграть, и должны умереть, чтобы выиграть. Великий враг — наше собственное я, которое ведет эту войну, так как здесь можно победить? Если я разрушено, кто остается в выигрыше? Зачем, зная цену победы, затевать такую бессмысленную битву?

Арджуна не начал бы войны. Он взвесил цену, последствия и опустил оружие, вместо того чтобы вступить в битву. «Бхагавадгита» — это история о том, почему он снова поднял свое оружие. Ее краткое изложение вмещается в эти две строки:

*Нереальное не существует;
Реальное никогда не перестает существовать.*

Если бы мне пришлось сократить эту книгу и мои идеи до их сути, я бы сказал, что все сводится лишь к одному: «Думай сам и разберись, что истинно». Вот и все. Спрашивай себя, что истинно, пока не узнаешь.

Все остальное в этой книге, все, что я могу сказать на эту тему, обращено к этому центру.

Вот таким примечанием я хотел бы закончить эту книгу. Это твоё представление. Это твоя вселенная. Здесь нет больше никого, кроме тебя, и ничто не утаено от тебя. Ты совершенно сам по себе. Все доступно для непосредственного знания. Ни у кого нет того, что тебе нужно. Никто не поведет тебя, не будет тебя тащить, толкать или нести. Никто не нужен для твоего успеха. Проще и быть не может — *ты* спишь и *ты* можешь проснуться. Если ты понимаешь это, то поймешь и то, что это лучшая новость из всех, что ты когда-либо получал.

Узри же! Путь в тебя открыт.

^ ^ ^

Путешествие в тысячу километров начинается с одного шага. В этой книге говорится больше о том, как подобраться к Первому Шагу, чем об остальном путешествии. Стоит тебе начать — и ты не сможешь остановиться или повернуть назад, но как говорим мы, парашютисты, ты должен быть повнимательней с этим Первым Шагом — он сногшибательный.

Оставляю тебя наедине с последним проблеском с той стороны завесы:

*Вниз по реке на лодочке
Плывем, плывем, плывем,
Весело, весело, весело, весело,
Жизнь всего лишь сон¹.*

¹ Традиционная колыбельная и детская песенка. — Прим. перев.